

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

123

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ
ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1970

Выпуск посвящен изучению памятников эпохи неолита и бронзы на территории СССР. Публикуются результаты новых археологических открытий и исследований, которые отражают историю древнейших земледельческих племен юга СССР, их материальную и духовную культуру. Вновь исследованные памятники Молдавии, Северного Причерноморья, Дона, Кавказа содержат интересные материалы по истории земледелия, металлургии, обмена и взаимоотношений племен бронзового века на территории Евразии.

Выпуск рассчитан на археологов, этнографов, а также на широкий круг историков, занимающихся изучением истории хозяйства и техники у древних народов.

Редакционная коллегия:

Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Л. В. Кольцов (ответственный секретарь),
И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
К. Х. Кушнарёва, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт,
П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора), *Д. Б. Шелов, А. Я. Якобсон*

Татьяна Сергеевна Пассек

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Т. С. ПАССЕК

Около четверти века Т. С. Пассек была членом редколлегии, подлинным руководителем и редактором «Кратких сообщений». Более ста выпусков «Кратких сообщений» вышло под ее руководством и при ее активнейшем участии. Этот выпуск составлен из работ учеников Т. С. Пассек, сотрудников экспедиций, которые она возглавляла, и ее коллег по работе. Он посвящается светлой памяти Татьяны Сергеевны.

С самого начала научной работы Т. С. Пассек включилась в столь характерную для 20-х годов атмосферу напряженных и смелых творческих поисков, пересмотра построений и методологии старой науки, выработки новых принципов исследований — в атмосферу становления молодой советской археологии. Она активно участвует в острых дискуссиях по ряду проблем археологии, этнографии, языкознания. Круг вопросов, интересующих молодого исследователя, чрезвычайно широк. Т. С. Пассек изучает памятники бронзового века Кавказа. С ними связано первое участие ее

в полевых археологических исследованиях — раскопках, проведенных в 1926 г. в Азербайджане под руководством И. И. Мещанинова. Раскопкам этим посвящены первые печатные работы Татьяны Сергеевны¹. Следует отметить, что и значительно позже, будучи уже признанным ведущим специалистом по энеолиту Восточной Европы, Т. С. Пассек сохранила интерес к кавказским древностям и посвятила им ряд специальных работ².

Вместе с тем в конце 20—начале 30-х годов Татьяна Сергеевна исследует памятники степной и лесостепной полосы европейской части СССР³, активно участвует в первых археологических работах, на трассах гигантских новостроек — канала Москва-Волга и Московского метрополитена⁴, разрабатывает общие вопросы археологической методики⁵. Специальному изучению подвергает она и некоторые вопросы этнографии и фольклора⁶. Но в эти же годы все более четко определяется и основная проблематика, ставшая стержнем всей научной деятельности Татьяны Сергеевны, основным делом ее жизни.

Уже в годы аспирантуры молодого исследователя увлекла интереснейшая трипольская культура, давно известная, но все еще полная неразрешенных вопросов. Разбросанные по ряду музеев России и Украины коллекции трипольской керамики из старых раскопок никем не были ни обобщены, ни систематизированы. Этот большой и благодарный материал ждал еще своего исследователя.

Начиная с 1925 г. Т. С. Пассек приступила к систематической, целенаправленной работе над трипольскими коллекциями музеев Киева, Одессы, Каменец-Подольска, Днепропетровска, Херсонеса и многих других городов. С особым вниманием изучала она замечательную коллекцию из Петрен, хранившуюся в Одесском археологическом музее. Там же в 1925 г. ею был сделан доклад об орнаментации петренской керамики — первый из многих десятков докладов о трипольской культуре, прочитанных Татьяной Сергеевной в нашей стране и за ее пределами. А в следующем, 1926 г. на Всесоюзное археологическое совещание в Керчи были представлены тезисы доклада Т. С. Пассек «Трипольская культура». В них уже намечены те направления исследований, те принципы периодизации, которые с таким блеском были развиты докладчиком в дальнейших работах.

Монография «La céramique tripolienne»⁷ — итог аспирантской работы Татьяны Сергеевны, итог систематизации и изучения всех трипольских материалов, известных к тому времени. Этот первый большой и обобщающий труд Т. С. Пассек по трипольской проблематике был издан в 1935 г.

---

¹ Т. С. Пассек. Ходжалинский курган. «Изв. Общества обследования и изучения Азербайджана». Баку, 1926, № 2; она же. Очерк доистории северного Азербайджана. «Изв. Общества обследования...», 1926, № 3; она же. К вопросу о керамике из Ялойлу-Тапа. «Изв. Общества обследования...», 1927, № 4.

² Т. С. Пассек. Рецензия на книгу Б. А. Куфтина «Археологические раскопки в Триалети». ВДИ, 1946, № 1; она же. Джафарханский могильник. ВДИ, 1946, № 2.

³ Т. С. Пассек. Разведки в районе Брянска. «Труды археологии РАНИОН», т. IV, М., 1928.

⁴ «Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг.», вып. 1. М.—Л., 1935; Т. С. Пассек. Культурный слой древней Москвы. «По трассе первой очереди Московского метрополитена». Л., 1936.

⁵ Т. С. Пассек. К вопросу о формальном сравнении в истории материальной культуры. Сборник статей к 45-летию научной деятельности Н. Я. Марра. «Изв. ГАИМК». М.—Л., 1933.

⁶ Т. С. Пассек. Заметки по Приволжью. «Яфетический сборник АН СССР», т. VII. Л., 1930; она же. Анализ чувашского мифа о происхождении крепости. Там же; она же. Мотивы Тристана и Изольды в русской сказке. Сб. «Тристан и Изольда». «Труды Ин-та языка и мышления АН СССР», т. I. Л., 1932; она же. Круг чувашских праздников. Сб. XLV академику Н. Я. Марру. М.—Л., 1934.

⁷ Т. С. Пассек. La céramique tripolienne. «Изв. ГАИМК», вып. 122, 1935.

И с тех пор на протяжении 33 лет редкий год не был отмечен появлением в научной печати одной или нескольких ее «трипольведческих» работ. Всего таких трудов свыше семидесяти. . .

С 1934 г. Татьяна Сергеевна начала и широкие полевые исследования трипольских памятников. Они проводились около тридцати лет, столь же систематично и планомерно, охватывая все новые территории, ежегодно количественно и качественно обогащая основной фонд трипольских материалов, создавая возможности для постановки все новых и новых научных проблем. Но уже первые работы — раскопки поселения Коломийщина I на Киевщине — знаменовали качественный перелом в полевых исследованиях трипольской культуры.

В ходе исследований Коломийщины I Т. С. Пассек был выработан новый метод раскопок широкими площадями с полным вскрытием не только отдельных жилищ, но и значительных участков поселения. Достаточно быстро этот метод был распространен и на исследование ряда других поселков. Результаты были чрезвычайно плодотворными. Миф о ритуальном назначении площадок был развеян полностью и окончательно. Столь же окончательно была аргументирована интерпретация их как сложных и весьма совершенных жилищ. С большим искусством во многих случаях были выявлены как общая их конструкция, так и отдельные строительные детали, особенности интерьера, наличие ряда комнат, печей, зернохранилищ, скамей, лежанок, культовых сооружений.

Сочетание огромных масштабов раскопок (только в Коломийщине I вскрыто около 15 тыс. кв. м) с ювелирной обработкой деталей и безупречной тщательностью фиксации позволили Т. С. Пассек впервые поставить ряд важнейших вопросов по истории трипольских поселений: планировка поселков (кому не известны сейчас концентрические круги домов Коломийщины и Владимировки?); численность их населения; длительность их существования; хронологическая последовательность сооружения отдельных построек; локальные особенности поселений; их экономика и социальная структура. Все эти вопросы были поставлены и успешно разрабатывались Татьяной Сергеевной.

Огромное накопление качественно полноценных, превосходно документированных материалов позволило Т. С. Пассек на новых принципах продолжать давно увлекавшую ее работу по общей периодизации трипольской культуры. Здесь пришлось столкнуться со значительными трудностями. Как известно, первый опыт такой периодизации, предпринятый В. В. Хвойко, оказался неудачным; выделенные им два этапа хронологически были интерпретированы неверно: подлинно ранний этап был сочтен поздним, а поздний — ранним. Эту ошибку Т. С. Пассек исправила еще в ранних своих работах. Но тогда автор не располагал еще ни стратиграфическими данными, ни массовым и «внекерамическим» материалом. При таких условиях не только общая периодизация культуры, но и выделение хронологически последовательных групп керамики не могли получить окончательного обоснования. Большие раскопки 1934—1940 гг. резко изменили положение. Т. С. Пассек смогла теперь разработать периодизацию трипольской культуры на новых принципах, используя значительную серию археологических источников и стремясь к комплексной, общекультурной, а не только «керамической» характеристике выделяемых этапов. Скрупулезному исследованию подвергся огромный материал. Мастерская классификация его позволила не только всесторонне и прочно обосновать периодизацию культуры, но и решить ряд важных вопросов по экономике и истории трипольских племен. Если раньше были известны отдельные разорванные очаги трипольской культуры, то теперь впервые был представлен весь ее ареал и намечены изменения его на различных этапах. Весьма убедительная система доказательств была приведена в пользу генетической связи всех выделенных этапов друг с другом. Вместе с тем

были четко определены своеобразие каждого этапа и причины, обусловившие это своеобразие.

Все эти и многие другие значительные вопросы нашли отражение в монументальной монографии Т. С. Пассек «Периодизация трипольских поселений»⁸, защищенной в 1947 г. в качестве докторской диссертации и удостоенной после выхода в свет (1950 г.) Государственной премии. Этот труд явился закономерным завершением большого и важного этапа в изучении трипольской культуры. Основным содержанием этапа явились накопление качественно нового материала, его систематизация, всестороннее исследование и разработка основных «внутренних» вопросов замечательной раннеземледельческой культуры Северо-Западного Причерноморья. Монография Т. С. Пассек по праву стала настольной книгой каждого исследователя первобытной истории Восточной Европы.

И сразу же начинается новый этап, на котором наряду с «внутренними» все большее значение придается «внешним» вопросам трипольской культуры: ее соотношению с синхронными и предшествующими культурами, ее месту в древнейшей истории Европы. Полевые работы начиная с 1947 г. закономерно перемещаются в Поднестровье, на коренную территорию древнейших трипольских племен, непосредственно связанную с Балкано-Дунайским раннеземледельческим ареалом. В течение многих лет Татьяна Сергеевна руководила систематическими, целенаправленными и поразительно плодотворными работами. Трудно перечислить даже самые основные их результаты. Были определены новые значительные центры трипольских племен; появились их первые погребальные памятники, давшие представление о совершенно неизвестном ранее погребальном обряде и антропологическом типе трипольцев; впервые был открыт ряд многослойных поселений, давших важнейшие стратиграфические данные (последние полностью подтвердили периодизацию Т. С. Пассек). Особое значение имели открытия памятников раннеземледельческих культур, ранее вообще не представленных на территории СССР, таких, как культура линейно-ленточной керамики, боян, гумельница. Соотношение их с трипольем могло теперь рассматриваться абсолютно конкретно, по материалам, происходящим из непосредственно соприкасающихся районов, а иногда и с одного многослойного поселения.

Исчерпывающая характеристика собственно трипольских памятников Поднестровья была представлена в новой большой монографии Татьяны Сергеевны, вышедшей в свет в 1961 г.⁹ Вместе с тем ряд значительных работ посвящается отмеченным выше раннеземледельческим культурам смежных территорий¹⁰. Синтез всех этих материалов позволил Т. С. Пассек перейти к разработке весьма широких вопросов хронологического соотношения, характера связей и исторического взаимодействия этих культур. Чрезвычайно интересные, глубоко обоснованные заключения по всем этим вопросам были представлены в ряде специальных статей и блестящих выступлениях на международных конференциях, где Татьяне Сергеевне неоднократно доводилось защищать честь советской науки¹¹.

⁸ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1950.

⁹ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, № 84, 1961.

¹⁰ Т. С. Пассек и Е. К. Черныш. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР. САИ, вып. Б I—II, 1963; Т. С. Пассек. Проблемы энеолита Юго-Запада Восточной Европы. Сб. «L'Europe à la fin de l'âge de la pierre». Praha, 1961; Т. Пассек. Relations entre l'Europe occidentale et l'Europe orientale à l'époque néolithique. «VI Congress International des sciences prehistoriques et protohistoriques». Moscow, 1962; Т. Пассек. Ancient crop and stock-raising cultures in East Europe. «Cahiers d'histoire mondial». Neuchâtel, 1962, 7, N 1.

¹¹ Т. С. Пассек. Румыно-советский семинар по проблемам первобытной археологии. СА, 1963, № 3.

Особое внимание было уделено при этом неолитической подоснове древнейших земледельческих культур и прежде всего триполья. В качестве одного из конкретных компонентов такой подосновы наряду с балкано-дунайскими культурами Т. С. Пассек указала буго-днестровскую культуру, лишь недавно открытую и исследованную украинскими и молдавскими археологами и по древности своей не уступающую культуре Старчево—Криш. Была внесена значительная ясность и в сложный вопрос соотношения культур линейно-ленточной керамики, боянской и трипольской. Привлечение данных стратифицированных поселений и суммирование их позволили убедительно опровергнуть широко распространенное ранее как в зарубежной (В. Г. Чайлд), так и в советской (Е. Ю. Кричевский) литературе представление о генетической связи триполья с культурой линейно-ленточной керамики и даже о прямом эволюционном переходе от второй к первой. Четкое выделение характерных комплексов различных этапов развития обеих культур, обоснование их периодизации и относительной хронологии, сопоставление строго систематизированных материалов позволили Т. С. Пассек доказать принадлежность триполья и культуры линейно-ленточной керамики к различным, генетически не связанным группам европейских раннеземледельческих племен. Тем самым рельефно представлены сложность и многообразие развития древнейших групп европейского населения, освоивших и развивавших производящие формы экономики.

Выше отмечены лишь некоторые проблемы, подлинный перелом в разработке которых неразрывно связан с именем Татьяны Сергеевны Пассек, с ее талантом, с ее более чем сорокалетним самоотверженным служением отечественной науке. 40 лет тому назад основные вопросы трипольской культуры оставались не только неразрешенными, но и непоставленными. Ныне же нет ни одной раннеземледельческой культуры в Восточной Европе, которая была бы изучена столь глубоко и всесторонне, как трипольская.

I. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

Т. А. ПОПОВА

ЗООМОРФНАЯ ПЛАСТИКА ТРИПОЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ
ПОЛИВАНОВ ЯР

Характерную черту разных по возрасту памятников трипольской культуры составляют находки глиняных фигурок человека и животных. Оба типа пластических изображений встречаются преимущественно в виде самостоятельных скульптур, реже в виде налепов на керамике или украшений ручек сосудов.

Антропоморфные и зооморфные статуэтки постоянно привлекают внимание исследователей не только своим оригинальным исполнением и загадочным содержанием, но и тем, что служат важным источником для познания отдельных сторон духовной культуры и мировоззрения раннеземледельческих племен.

Настоящее сообщение посвящено зооморфной пластике одного из интереснейших многослойных поселений — Поливанова Яра (с. Молодово Кельменецкого района Черновицкой области). Здесь в 1948 г. Т. С. Пассек было сделано исключительно важное открытие: впервые на территории СССР обнаружен памятник с редкой стратиграфией культурных отложений и прослежены три последовательных, но разновременных горизонта, относящиеся к этапам В/І—В/ІІ—γ/І (по периодизации Т. С. Пассек)¹.

Собрание зооморфных скульптур Поливанова Яра выгодно отличается от известных нам, во-первых, тем, что происходит из четко стратифицированного поселения, что дает возможность провести сравнительный анализ форм и типов пластики по горизонтам; во-вторых, это достаточно большая по количеству и яркая по содержанию серия терракот.

Вся коллекция зооморфных скульптур насчитывает 75 изображений, из которых 52 экземпляра (69%) относятся к фигуркам животных, а 23 (31%) — составляют налепы или украшения ручек сосудов в виде головок животных. Зооморфные статуэтки обнаружены в жилищах всех горизонтов; каждый культурный слой поселения содержит свой набор фигурок, отличающихся разнообразием видов и своими стилистическими приемами в передаче образа животного. Количественное их соотношение также неодинаково. Значительная часть приходится на период развитого

¹ Т. С. Пассек. Трипольские поселения на Днестре. КСИИМК, вып. XXXII, 1950; она же. Трипольское поселение Поливанов Яр. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951; она же. Итоги работ трипольской (Днестровской) экспедиции. КСИИМК, вып. XV, 1952; она же. Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре. КСИИМК, вып. 51, 1953; она же. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья. МИА, № 84, 1961, стр. 105—139, 141—142.

триполья (нижний и средний слои), причем в древнем горизонте они преобладают; меньшая доля падает на поздний этап (верхний слой)².

Перейдем к рассмотрению фигурок животных по горизонтам.

К культурному слою древнего трипольского поселения в Поливановом Яру, обозначенному Т. С. Пассек Поливанов Яр III (этап В/1), относится 33 экземпляра зооморфных фигурок. Основная их часть (24 экз.) обнаружена в большом наземном доме (жилище № 1), остальные найдены в землянках (№ 2 и 13).

Глина, шедшая на изготовление статуэток, аналогична той, которая употреблялась при выделке кухонной посуды. Тесто содержит значительную примесь довольно крупного шамота. Обжиг терракот в большинстве случаев хороший, равномерный, иногда — совсем слабый. Преобладающий цвет — светло-желтый либо палевый. Фигурки животных отличаются очень грубой и небрежной формовкой, поэтому их поверхность не обработана и не заглажена.

Общей чертой скульптурных изображений является предельная схематизация, что подчас затрудняет определение породы животного. Тем не менее по отдельным признакам и характеру лепки можно выделить несколько видов животных.

Наибольшую группу (22 экз., 66%) составляют изображения быков (рис. 2, 1). Все статуэтки небольших размеров: 2—3,5—4,5 см, приземистые, но пропорции тела соблюдены. Задние ноги у них несколько короче передних. Следует особо отметить специфический и своеобразный прием формовки этих фигурок. Туловище, шея с рогами и передние ноги вылеплены вместе; встречены фигурки, у которых выделены только задние ноги, передние же сливаются с шеей и мордой, плоской, без деталей, а дальше идут рога. У одной фигурки, правда, намечены на затылке уши в виде тоненьких закругленных вдавлений, может быть сделанных ногтем по сырой глине.

Зато туловище статуэток сформовано отчетливо: широкая, ровная спина с раздутыми боками, хвост. Интересен фрагмент фигурки, у которой на боку содержится отпечаток зерна. Сохранившаяся нога аккуратно вылеплена, а ее ровное окончание диаметром 0,5 см хорошо заглажено. Найдена она около глинобитной вымостки среди печной обмазки. Не исключено, что статуэтка имела культовое значение, специально была здесь поставлена и несла функции, связанные, может быть, с размножением, плодородием. Среди изображений бычков две фигурки несколько отличаются своей формой, но не манерой исполнения (рис. 2, 2). Они имеют вытянутые, узкие очертания и большие размеры (длина 6 см). Передние ноги у них значительно выше задних. Поэтому голова поставлена высоко, но выполнена без деталей и сливается со спиной и передними ногами; на месте рогов — небольшие выступы.

Одно изображение принадлежит, видимо, овце (3%). Оно передает животное с неширокой спиной, но очень покатыми боками, отчего в фас фигурка имеет вид треугольника. Ноги без моделировки и широко поставлены, морды нет; формовка неаккуратная (рис. 2, 3). Еще одна статуэтка (3%) принадлежит изображению барана. Она занимает особое место среди фигурок этого слоя. Туловище, как и у большинства терракот, хорошо вылеплено, отчетливо выделены ноги, хвост. Морда небольшая, вытянутой формы и наклонена резко вниз. Самой любопытной деталью является сквозное отверстие, проделанное в голове. Его назначение остается непонятным. Однако если учесть, что фигурка к тому же плохо

² Фигурки животных распределяются следующим образом: нижний слой — 33 экз. (63%); средний слой — 5 экз. (10%); верхний слой — 14 экз. (27%). Количество наделов по слоям: нижний — 12 экз. (52%); средний — 7 экз. (31%); верхний — 4 экз. (17%).

обожжена, то можно предположить, что она была изготовлена для какого-то одноактного обряда, связанного с жертвоприношением. Может быть, изображение передает просто раненое животное (рис. 2, 4). Найдено только одно изображение бегущего кабана (3%). Особую динамичность придают скульптуре вытянутые задние ноги (рис. 2, 4).

Накопец, среди фигурок нижнего слоя имеется группа аморфных изображений (8 экз., 25%). Это бесформенные комочки глины, иногда с намеренными местами для ног, но определить вид животного невозможно.

Помимо статуэток в жилищах пижнего горизонта найдено 11 налепов на керамике в виде головок животных и 1 фрагмент ручки сосуда, украшенной зооморфной скульптурой. Надо сказать, что если фигурки животных достаточно широко освещены в археологической литературе³, то такая своеобразная и не менее любопытная группа зоопластики, как скульптурные изображения на керамике, пока мало привлекает внимание специалистов⁴.

Обычно изображения животных встречаются на сосудах кухонного типа, преимущественно горшках; два из них выполнены на сосудах с расписным орнаментом. Наблюдения показывают, что головки животных лепили вместе с сосудом. Чаще они располагаются на месте перехода от венчика к тулову, иногда на ручке или на самом венчике. При этом древний мастер очень искусно подчеркивает и выделяет изображение животного, располагая концентрическими кругами вокруг головы углубленный или каннелированный узор. Многим налепам присущи сквозные отверстия разного диаметра (0,5, 0,7, 1 и 1,5 см) расположенные вертикально, реже горизонтально, служившие, как известно, для продевания шнура при подвешивании сосуда.

В сюжетном отношении на сосудах доминируют изображения бычков — узкомордых (рис. 2, 5а) или широкомордых (рис. 2, 5в), есть одно изображение овцы. Преобладают скульптурные головки животных — налепы на сосудах, как исключение — зооморфное изображение на горизонтально расположенной ручке.

Интересно отметить, что эти две группы изображений выполнены различными стилистическими приемами. Серию налепов на посуде отличает схематическая манера исполнения, но с элементами реализма. Поэтому, несмотря на схематизм в трактовке образа животного и непроработанность деталей, можно тем не менее по характеру лепки, контуру головок или изгибу рогов установить вид животного. Иногда это дополняется лишь одним штрихом — углублениями на месте глаз, ноздрей. На горизонтальной ручке мы встречаемся с реалистическим типом изображения: в скульптуре подчеркнуты детали морды животного. Она выполнена в плоскостной манере. Морда животного (бык или корова) вытянута, глаза даны в виде округлых углублений, отчетливо переданы раздутые

³ Б. А. Богаевский. Орудия производства и домашние животные Триполья. М.—Л., 1937; Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949; Е. К. Черныш. Раннетрипольские поселения Ленківці на Середньому Дністрі. Київ, 1959; Е. К. Черныш. К истории населения неолитического времени в Среднем Приднестровье (по материалам многослойного поселения у с. Незвиско). МИА, № 102, 1962; С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. МИА, № 38, 1953; II. Сешак. Plastyka eneolitycznej kultury ceramicznej w Polsce. «Swiatowit», т. XIV (1930—1931). Warszawa, 1933; E. Bultanda. Kult Bogini-Matki w kulturach prehistorii i etnologii. «Swiatowit», т. XVIII. Warszawa, 1947; К. Мажевский. Studia nad kultura Trypilska. «Archeologia», т. I. Wrocław, 1947; он же. Chronologia i styl plastiki figuralnej zachodnotrypilskiej. «Archeologia», т. II. Wrocław, 1948.

⁴ С. Н. Бибииков. Указ. соч.; Е. К. Черныш. Указ. соч.; Т. А. Попова. Зооморфная пластика на керамике трипольского поселения Поливанов Яр. «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) за 1966 г.». Л., 1967, стр. 42—44; V. Dumitrescu. Hâbăsești. «Monografie arheologica». Bucuresti, 1954.

<p>Верхний горизонт (этап В/1)</p>		
<p>Средний горизонт (этап В/II)</p>		
<p>Нижний горизонт (этап В/1)</p>		
	<p>Фигурки животных</p>	<p>Скульптурные налеты на сосудах</p>

Рис. 2. Поливанов Яр. Зооморфная пластинка

ноздри, рот изображен глубокой горизонтальной щелью, хорошо сформованы уши, рога сохранились частично (рис. 2, 6).

Скульптурные изображения животных второго слоя поселения (Поливанов Яр II, этап В/II) значительно малочисленнее и худшей сохранности. В жилищах обнаружено всего пять фигурок животных и семь налепов на керамике. У статуэток животных, которые почти все представлены мало-выразительными фрагментами, надо отметить более плоские формы (рис. 2, 7). Налепы в виде головок животных на сосудах передают лишь изображения бычков. Они выполнены только на кухонной посуде и по сравнению с рассмотренными выше имеют малые размеры (рис. 2, 8). В стилистическом отношении все изображения животных переданы в одной — схематической — манере.

К верхнему слою поселения (Поливанов Яр I, этап V/I) относится 14 пластических фигурок и 4 скульптурных налепа.

Статуэтки животных своей манерой исполнения и характером лепки резко отличаются от фигурок предшествующих двух слоев. Глина, из которой они изготовлены, содержит примесь не шамота, а мелкотолченых раковин, что отражает и изменения в керамике того времени. Они характеризуются тщательной формовкой и обработкой поверхности, четкой моделировкой и реалистической трактовкой. Прекрасно проработаны детали морды (глаза, рот), рога, уши, а само тело передано с большим знанием анатомического строения животных — показана мускулатура шеи, туловища; на них имеется орнамент, который отсутствовал на статуэтках прежних этапов: поверхность некоторых фигурок сохранила следы красной краски.

По численности первое место занимают изображения бычков (11 экз., 79%); единичны фигурки коровы, барана, лошади. Статуэтки более массивны, их длина 5,5—7 см. У некоторых фигурок бычков морда выполнена без деталей, но проработаны уши (защипом), свисающие складки кожи под шеей, обозначены и половые органы (рис. 2, 9). Изображение коровы наделено натуралистическими деталями — налепами шаровидной формы подчеркнуто вымя (рис. 2, 10). Очень хорошей моделировкой отличается фигурка барана (рис. 2, 11, 12). В профиль она напоминает фигурку барашка из нижнего слоя (рис. 2, 11). Интересно изображение лошадки, которая выполнена с большей долей схематизма, чем другие. Особенно интересно, что хотя она и относится к категории терракот, однако выполнена, вернее выточена, на фрагменте керамики (рис. 2, 13).

Скульптурные украшения на посуде еще схематичнее и более массивны. Появляются изображения новых видов животных: козы, барана (рис. 2, 14, 15). Особенно следует отметить единственную в своем роде находку горизонтально поставленной ручки сосуда в виде фигурки животного с монохромной росписью (рис. 2, 16, а, в). Как и фигурки других животных этого слоя, она выполнена в реалистической манере. Скульптура имеет два изображения, которые смотрятся в двух разных ракурсах. Оба они, несмотря на имеющиеся детали, обобщены, что затрудняет определение вида животного. По вытянутой морде с характерным изгибом, наличию шишки-«серьги», по мягкой, отвислой нижней губе и рельефно вылепленной холке на верхней стороне шеи изображение обнаруживает сходство с лосем (рис. 2, 16, а). Рот показан открытым, ноздрей нет, а глаза выполнены краской. Однако рога, обращенные в стороны и вперед, скорее похожи на бычьи. При рассмотрении ручки в фас изображение не улавливается. Если же скульптуру повернуть на 180°, то холка лося превращается в тяжелую, свисающую шею быка, а характерная шишка — в резко выступающий лоб. Линия широко расставленных, вогнутых рогов отчетливо передает контуры бычьих рогов (рис. 2, 16, б). Имеющаяся на скульптуре роспись дополняет и усиливает моделировку. Интересно, что при наличии двух изображений одно из них могло смот-

реться лишь при установке сосуда вверх дном. Можно высказать предположение, что изображения животных здесь имели магическое значение и при любом положении налlep-скульптура выполнял роль оберега. К сожалению, других фрагментов этого сосуда не сохранилось, поэтому реконструировать его форму не удается.

Комбинированное изображение двух животных на одной ручке в триполье встречается впервые.

Проведенный анализ зоопластики по горизонтам показывает, что основным типом изображений являются, за исключением кабана, домашние животные. Этому не противоречат и данные анализа костного материала, проведенного В. И. Бибиковой. По средним показателям наибольший процент составляют домашние животные, меньший — дикие⁵. Среди изображений домашних животных первое и центральное место занимают изображения бычков — самый устойчивый сюжетный образ как Поливанова Яра, так и других памятников трипольской культуры.

Интересен вопрос, связанный с местонахождением и размещением зооморфных изображений. Почти все они найдены в пределах жилищ. Как показали наблюдения, кухонная посуда, снабженная скульптурными налlepами, располагается недалеко от печей и сопровождается находками фрагментов каменных зернотерок. Что касается статуэток животных, то им очень часто сопутствуют находки антропоморфных фигурок, причем все они локализируются вокруг печей. Терракоты животных и керамика с зооморфными скульптурными налlepами встречаются на многих трипольских поселениях Украины, Молдавии и в памятниках трипольского типа Дунайского бассейна (Румыния, Венгрия, Болгария).

Выполненные в своеобразной манере, особым приемом, схематические изображения бычков из нижнего горизонта по трактовке близки фигуркам из некоторых поселений линейно-ленточной керамики на территории Румынии (Периени)⁶ и Поднестровья. Наиболее тесная связь прослеживается с некоторыми фигурками из Незвиско (нижний слой)⁷, из Новых Русешт (нижний слой) и из Хэбэшешть⁸. Фигурка, напоминающая изображение овцы, близка статуэтке из Луки-Врублевецкой⁹, хотя в общих чертах зоопластика Поливанова Яра (нижний горизонт) отличается от Луки-Врублевецкой.

Наллепы в виде головы животных на керамике в Поливановом Яру, в Незвиско и Хэбэшешть встречаются также чаще на кухонной посуде, реже — на расписных сосудах. Фигурки среднего слоя поселения, выполненные более плоско, совпадают по стилю со статуэтками, известными в южнобугских памятниках (Владимировка, Немирово), которые сформированы в плоскостной манере.

Зоопластика верхнего горизонта, а именно изображения бычков, — это типичные для позднего триполья статуэтки, которые встречаются и в других памятниках (Трифлуца). Таким образом, как мы видим, зоопластика Поливанова Яра отображает общие закономерности в развитии зооморфной скульптуры южных и юго-западных районов европейской части СССР в энеолитическое время. С другой стороны, многие фигурки животных Поливанова Яра наделены специфическими чертами. Здесь нет зооморфных сосудов, как в Луке-Врублевецкой, Кошиловцах, Шипенцах,

⁵ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья, стр. 138.

⁶ M. Petrescu-Dîmbosita. Sondajul stratigrafic de la Perieni. «Materiale si cercetari arheologice», vol. III. București, 1957, рис. 8 (4).

⁷ Е. К. Черныш. Указ. соч., рис. 22.

⁸ V. Dumitrescu. Указ. соч., рис. 40 (17), стр. 428.

⁹ С. Н. Бибиков. Указ. соч., табл. 116, а.

Эрозде; не встречено изображений животных, выполненных краской на сосудах, какие известны в Петренах, Варваровке.

Все эти отличительные особенности свидетельствуют о локально-этнической самобытности группы трипольских племен с культурой типа Поливанова Яра.

Изучение статуэток животных из Поливанова Яра, проведенное с учетом данных стратиграфии, дало возможность увидеть развитие зоопластики в течение большого хронологического отрезка времени (этапы В/І—В/ІІ—γ/І) и ввести в научный оборот довольно крупное (после Луки-Врублевцевкой и Хэбэшешть) собрание зооморфных терракот, которые служат новым, дополнительным источником для изучения идеологических представлений раннеземледельческих племен Среднего Поднестровья в IV—II тыс. до н. э.

Н. В. РЫНДИНА

МЕДНЫЙ ИМПОРТ ЭПОХИ РАЗВИТОГО ТРИПОЛЯ

Эпоха развитого триполья или этапы V/I—V/II (по периодизации Т. С. Пассек) датируется первой половиной — серединой III тыс. до н. э.¹

Исследованиями Т. С. Пассек установлено, что с этим периодом связан наивысший расцвет в жизни трипольских племен. Они заметно расширяют свою территорию, увеличивают площади поселков, успешно развивают земледелие и скотоводство, усовершенствуют приемы домостроительства, добиваются высокого мастерства в гончарстве, в производстве каменных и костяных орудий².

Культурные и технические достижения трипольцев нашли свое отражение и в способах обработки металла. Металлографическое исследование трипольских медных изделий позволяет утверждать, что в рассматриваемое время впервые осваивается техника литья меди, совершенно неизвестная на раннем этапе развития культуры³. Применение односторонних (этап V/I), а затем и двусторонних литейных форм (этап V/II) позволило быстрее и в больших количествах получать орудия и украшения, кузнечная формовка которых была более трудоемкой.

Одновременно трипольские мастера осмысливают упрочняющий характер холоднойковки металла и используют этот прием для повышения твердости рабочих окончаний орудий.

В связи с важными открытиями местной металлообработки возрастает роль медных изделий в быту местных племен. В эпоху раннего триполья их ассортимент весьма ограничен. Он состоит преимущественно из украшений. Орудия из металла единичны, представлены в основном шильями и рыболовными крючками. В эпоху развитого триполья медь уже широко используется для изготовления орудий труда, впервые она находит применение в производстве предметов вооружения, большее разнообразие приобретают украшения. Значительная группа изделий из металла сохраняет формы, известные по раннетрипольским коллекциям. Это шилья, рыболовные крючки, браслеты, бусы, пронизки, антропоморфные бляхи и амулеты. Среди неизвестных ранее трипольцам типов могут быть названы плоские клиновидные топоры, топоры-молоты, топоры-тесла, височные кольца, перстни, колечки, булавки.

Какие основания позволяют говорить о местном производстве основных категорий металлического инвентаря эпохи развитого триполья? По

¹ T. Passék. Relations entre l'Europe occidentale et l'Europe orientale à l'époque néolithique. «VI Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques». Moscow, 1962, стр. 10, 12, 15.

² Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, № 84, 1961, стр. 134, 136, 139—140; она же. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 42—108; она же. Новые открытия на территории СССР и вопросы позднелитических культур Дунайско-Днестровского междуречья. СА, 1958, № 1, стр. 28 и сл.

³ Н. В. Рындина. Раннетрипольская обработка меди. СА, 1969, № 3.

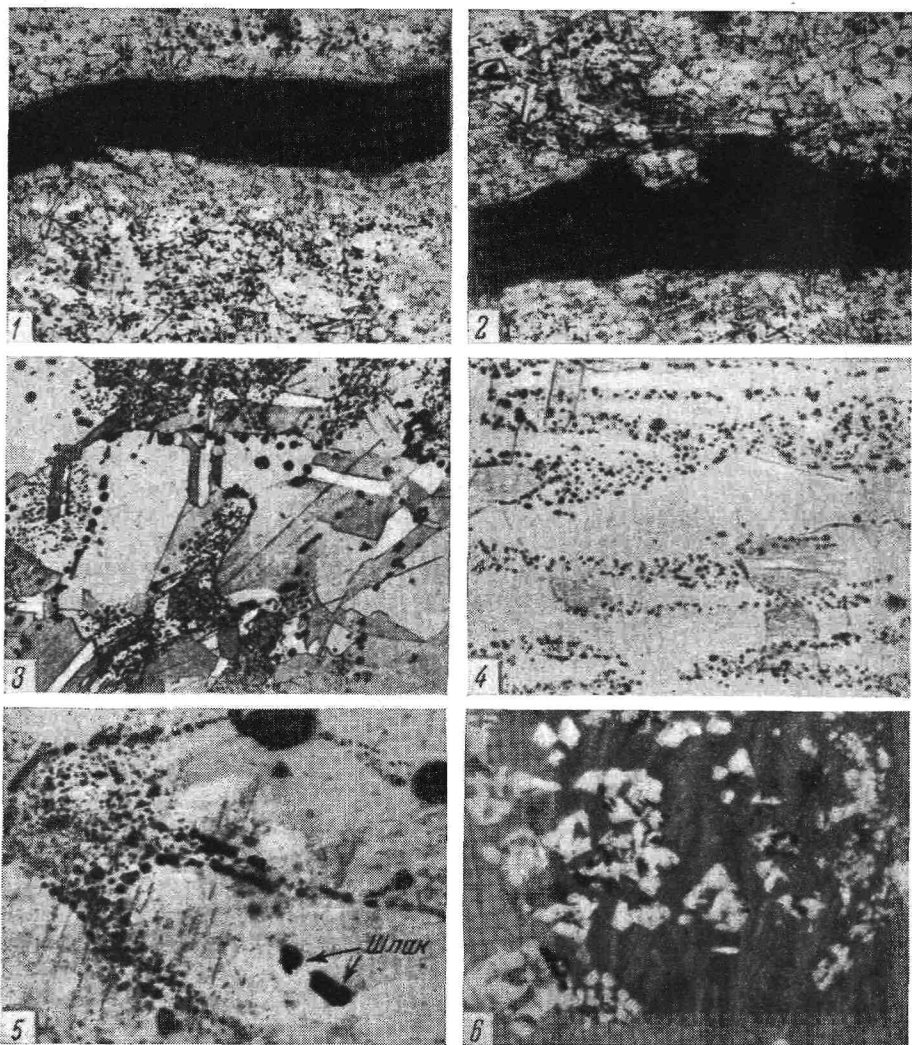

Рис. 3. Микроструктуры находок из меди:

1 — шила с поселения Новые Русешты (слой этапа В/І), ув. 120; 2 — шила с поселения Поливанов Яр (слой этапа В/І), ув. 120; 3, 4 — топора-молота с поселения у Березовской ГЭС, ув. 120; 5 — слитка с поселения Незвиско, ув. 120; 6 — шлаковых включений того же слитка, ув. 1340

технологическим признакам удастся отчетливо проследить местное изготовление изделий, форма которых обнаруживает сходство с предметами раннего этапа трипольской культуры. В способах их формовки отчетливо дают себя знать раннетрипольские традиции обработки металла⁴.

К примеру, шилья этапа В/І из поселений Новые Русешты⁵, Поливанов Яр⁶, Городница-Городище⁷ совершенно идентичны по способам испол-

⁴ См.: Н. В. Рындина. Указ. соч.

⁵ См. статью В. И. Маркевича в настоящем выпуске КСИА. Автор приносит ему благодарность за разрешение использовать медные изделия из Новых Русешт для лабораторных исследований.

⁶ Т. С. Пасек. Трипольское поселение Поливанов Яр. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 53, рис. 19, 1.

⁷ Шило из поселения Городница-Городище на Среднем Днестре не опубликовано.

нения шильям из раннетрипольского поселения Лука-Врублевцевка⁸. И те, и другие сварены из двух продольных полос металла. Особенно поразительно полное сходство использованной при этом сварочной техники. Структуры сварных соединений убеждают в том, что сварка шильев этапа В/І осуществлялась в характерном для раннего периода температурном интервале (350—450°). Совпадение касается и применяемых при этом флюсов (рис. 3, 1, 2). Типичная для раннетрипольского времени технология сохраняется у бус и пронизок из поселений Поливанов Яр⁹ и Хэбэшешть (этап В/І), у антропоморфного амулета из поселения Новые Русешты (слой эпохи развитого триполья), у бляхи из Хэбэшешть¹⁰ и т. д. Преимущество местной обработки металла проявляется не только в технологических схемах изготовления изделий, но и в способах исполнения отдельных операций, слагающих эти схемы. Кроме вышеупомянутой сварки в их числе можно назвать обрезку, прошивку и пробивку отверстий, тиснение, изгиб и т. д.

Особое место в рассматриваемой группе изделий занимают два шила из Залешиков¹¹ (этап В/ІІ). Обычная для раннетрипольского времени горячая формовка этих орудий была усложнена вторичной, упрочняющей проковкой их рабочих окончаний при температуре 200—250°. Очевидно, что неизвестный ранее прием вторичного упрочнения освоен на месте, поскольку он сочетается с технологической схемой, давно знакомой трипольским мастерам.

Ряд изделий, не имеющих аналогий в раннетрипольском инвентаре, обращает на себя внимание некоторыми технологическими новшествами их исполнения. При изготовлении булавок с петлеобразно изогнутой головкой и плоских клиновидных топоров этапа В/ІІ использованы литые заготовки, полученные в открытых литейных формах¹².

В простейших двусторонних формах отлиты некоторые орудия и украшения этапа В/ІІ. Среди них круглопроволочное колечко из поселения Незвиско¹³, клиновидные топоры из Щербаневки¹⁴, Веремья¹⁵, Городницы ІІ¹⁶, Бодаков¹⁷.

⁸ С. Н. Бибииков. Поселение Лука-Врублевцевка. МИА, № 38, 1953, стр. 121, рис. 51, а, в, з, д.

⁹ Т. С. Пассек. Трипольское поселение Поливанов Яр, стр. 54.

¹⁰ Упомянутые медные бусы и бляхи из Хэбэшешти входят в состав клада, обнаруженного в слое одноименного поселения. (см.: V. Dumitrescu. *Hăbăsești*. «Monografie arheologica». București, 1954, рис. 41—42, табл. СХХІV).

¹¹ Оба шила найдены Н. Панасом на поверхности поселения у с. Залешики. Хранятся в Львовском Историческом музее, инв. № 1340, 1341.

¹² Раскопками трипольских поселений этапа В/І получено восемь булавок с петлеобразно изогнутыми головками, семь из них исполнены указанным способом: Извоаре — 3 экз., Хэбэшешть — 2 экз., Фрумушика — 1 экз., Поливанов Яр — 1 экз. (см.: R. Vulpe. *Izvoare săpăturile din 1936—1948*. București, 1957, стр. 262, рис. 272, 3, 273, 1, 2; V. Dumitrescu. Указ. соч., стр. 267—271, рис. 29; С. Matasa. *Frumușica*. București, 1946, стр. 384, таб. LХVІІІ, 3; Т. С. Пассек. Трипольское поселение Поливанов Яр, стр. 53, рис. 19, 2. Плоские клиновидные топоры, отлитые в открытых формах, представлены в коллекции металла этапа В/І двумя орудиями из Ариушта и одним из Кукутени, слой А (см. F. Laszlo. *Stations de l'époque préaéolienne dans le comitat de Hâromszek*. «Dolgozatok», т. ІІ, 1911, стр. 226, рис. 92, 1, 2; H. Schmidt. *Cucuteni in der oberen Moldau, Rumänien*. Berlin—Leipzig, 1932, табл. 38).

¹³ Е. К. Черныш. К истории населения энеолитического времени в Среднем Поднестровье. МИА, № 102, 1962, стр. 51, рис. 28, 3.

¹⁴ Ф. Вовк. Вироби передмікенського типу. «Антропологія», т. І. Київ, 1928, рис. 14, в.

¹⁵ Там же, рис. 14, а, табл. ІІІ, 6.

¹⁶ T. Sulimirski. Copper Hoard from Horodnica on the Dniester. «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», XCI, 1961, стр. 92, табл. 1—2.

¹⁷ Последний топорик, дошедший до нас в обломках, найден при поверхностном обследовании поселения у с. Бодаки (фонды Киевского Института археологии, инв. № 65).

Можно ли считать перечисленные изделия привозными, опираясь на особенности способов обработки их металла? Видимо, достаточных оснований для этого нет.

Все они отлиты из чистой меди, условно названной Е. Н. Черных «позднетрипольской»¹⁸. По характеру микропримесей она ничем не отличается от прочего металла эпохи развитого триполья. С точки зрения технологической из основной массы местного инвентаря они выделяются только применением литейной техники.

Открытие в поселении Хэбэшенть в Румынии большой серии тиглей доказывает местное освоение плавления и литья меди в эпоху развитого триполья¹⁹. Переход к использованию литья был подготовлен всем предшествующим развитием трипольской металлообработки. Накопление опыта в высокотемпературной ковке меди, случаи ее пережога и даже расплавления, прослеженные на некоторых раннетрипольских изделиях, не могли не обратить на себя внимание местных мастеров. Наблюдения над металлом, нагретым выше 1000°, скорее всего и привели к первым попыткам его полного расплавления, а затем и отливки в открытые формы.

Многочисленные археологические и этнографические примеры показывают, что такой путь естественной эволюции металлообработки неизбежен повсюду, где она не прерывается посторонними воздействиями. С точки зрения этой эволюции характерным является и более позднее освоение литья в двусторонние разъемные формы, и одновременное с двусторонним литьем открытие упрочняющего наклепа²⁰. Приведенные сведения, на наш взгляд, достаточны, чтобы связывать с деятельностью собственно трипольских мастерских упомянутые клиновидные топоры, булавки, колючки. Исполнение этих простых по форме, почти плоских орудий и украшений было доступно даже при первом знакомстве с литейной техникой.

Несравненно больших знаний требовала отливка таких сложнопрофилированных изделий, как топоры-молоты, топоры-тесла, клевцы, представленные несколькими находками в коллекции металла эпохи развитого триполья. Видимо, они были завезены на трипольскую территорию из более развитых металлургических центров: у нас нет оснований думать, что первые опыты местных литейщиков могли привести к столь совершенным результатам.

Особенно высокий уровень технических навыков требовался при литье топоров-молотов. Среди медных изделий этапа В/І насчитывается три таких орудия (поселение у Березовской ГЭС — 1 экз.²¹; Реча — 1 экз.²²;

¹⁸ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 57—58.

¹⁹ V. Dumitrescu. Указ. соч., стр. 382; табл. СХІ, 3, 8—12.

²⁰ A. Oldeberg. Metalltechnik under förhistorisk tid, t. I, 1942—1943, стр. 230, 303; V. G. Child. Archaeological Ages and Technological Stages. «Journal of the Royal Anthropological Institute», 1944, № 74, стр. 7—25; R. Tylecote. Metallurgy in Archaeology. London, 1962, стр. 107 и далее; R. F. Forbes. Studies in Ancient Technology, т. IX. Leiden, 1964, стр. 79—81; A. Clément. Contribution à l'étude de la metallurgie précolombienne. «Journal de la Société des Americanistes». Нов. сер., XXVII, 1935, стр. 417—458; Сб. «Народы Америки», т. II. М., 1959, стр. 276.

²¹ Топор-молот из Березовской ГЭС не опубликован. Пользуюсь случаем, чтобы принести свою благодарность В. П. Цыбескову, который предоставил это орудие для всестороннего лабораторного исследования.

²² Топор с поселения Реча по периодизации Вл. Думитреску соответствует периоду Кукутени А — Триполью В/І. (V. Dumitrescu. Originea si evolutia culturii Cucuteni—Tripolie (II). SCIV, т. XIV, N 2, 1963, стр. 305; Al. Vulpe. Cu privire la cronologia topoarelog de arma cu bratele «in cruce». SCIV, т. 15, № 4, 1964, стр. 459; Z. Szekely. Contributions à l'étude du développement du Néolithique dans la Transylvanie Sudorientale. «Atti del VI Congresso Internazionale delle scienze preistoriche e protostoriche». Tivoli, 1965, стр. 273, табл. СХХ, 1).

Кукутени-Четыщуйя — 1 экз.²³). Все три относятся к одному и тому же типу топоров, известных в западноевропейской литературе под названием «тип Видра». Это прямоугольные в сечении орудия со слегка оттянутыми вниз полукруглыми лезвиями и короткими расплюснутыми молотами. Ось топоров имеет почти симметричный наклон по обеим сторонам от проушин. Стык наклонно расходящихся от проушин боковых граней у всех экземпляров четко выражен в виде вертикальных ребер (рис. 4).

Детальному технологическому изучению был подвергнут топор-молот из поселения у Березовской ГЭС. При рассмотрении его поверхности в бинокулярный микроскоп прослежены остатки литейного шва, идущего вдоль корпуса орудия от середины проушины к вершине лезвия. Между проушиной и обухом обнаружены, кроме того, воспроизведенные в металле следы обработки восковой модели, по которой была изготовлена форма для отливки изделия.

Каким образом была получена проушина топора: в процессе литья или последующей пробивкой сплошного корпуса орудия? Ответ на этот вопрос удалось получить после микроскопического исследования подполированной верхней грани топора-молота. Характер выявленной на шлифе структуры сразу подтвердил вывод об отливке изделия: почти на всем протяжении шлифа наблюдались характерные для литой меди сфероидальные скопления эктектики $Cu-Cu_2O$ (рис. 3, 3). Никаких изменений в первоначальном ее распределении у проушины не обнаружено (рис. 3, 4). Совершенно очевидно, что она получена при литье, одновременно с телом топора.

После отливки заготовка топора была прокована. В этом убеждают наложенные на сеть первоначальной эктектики полиэдрические кристаллы (рис. 3, 3). Доработка ковкой не привела к существенному изменению формы изделия и была связана с удалением пороков литья — литейных швов, заусенцев и т. д.

В качестве исходного сырья использована очень чистая плавненная медь. По результатам спектрального анализа она загрязнена только примесями Ag, Pb, Ni²⁴.

В связи с выводом об отливке топора-молота из поселения у Березовской ГЭС по восковой модели уместно вспомнить, что использование этого приема становится доступным на заключительных стадиях освоения литейной техники²⁵. К помощи разъемных форм, сделанных по восковой модели и усложненным вставным стержнем, прибегали только опытные литейщики наиболее передовых по техническим достижениям металлургических центров.

Итак, специфика формы и методов обработки трипольских топоров-молотов заставляет искать их происхождение не в местной среде.

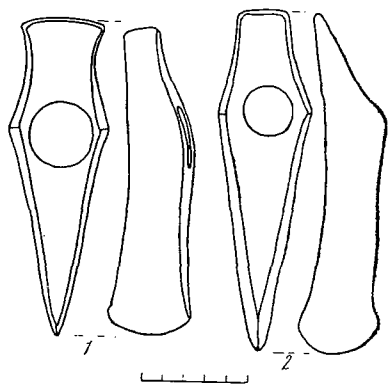

Рис. 4. Топоры-молоты этапа В/1.
1 — Березовская ГЭС; 2 — Кукутени-Четыщуйя

²³ М. Петреску-Дымбовица относит топор с поселения Кукутени-Четыщуйя к поздней фазе этапа Кукутени А. М. Petrescu-Dimbovita. Evolution de la civilisation de Cucuteni à la lumière des nouvelles feuilles archéologiques du Cucuteni-Baiceni. «Rivista di Scienze Preistoriche», т. XX, вып. 1, 1965, стр. 166—167, рис. 3.

²⁴ Анализ выполнен Е. Н. Черныхом (№ 3798).

²⁵ Н. Н. Соголлан. Notes on the Prehistoric Metallurgy of Copper and Bronze in the old World. «Occasional Papers of Technology», N 4. Oxford, 1951, стр. 59—60.

Аналогии этим орудиям можно найти в Нижнем и Среднем Подунавье в поселениях культуры Гумельница этапов А₂—В₁, синхронных этапу В/І трипольской культуры (Хотница, Тею, Видра, Габарево, Сливница и др.)²⁶. Только орудие из Великой Прлени, близкое им по форме, найдено в поселении Винча-Плочник²⁷.

Видимо, источником импорта интересующих нас топоров-молотов являются гумельницкие районы Подунавья. Доказательством этому служит не только очерченная область их распространения, но и наблюдения Д. Росетти над технологией топора из Видры. По его мнению, он отлит по восковой модели, как и исследованный нами топор из поселения у Березовской ГЭС²⁸.

С Балкано-Карпатской территории попали в трипольскую среду и топоры-тесла, известные по находкам в поселениях у с. Брад²⁹ и Город-

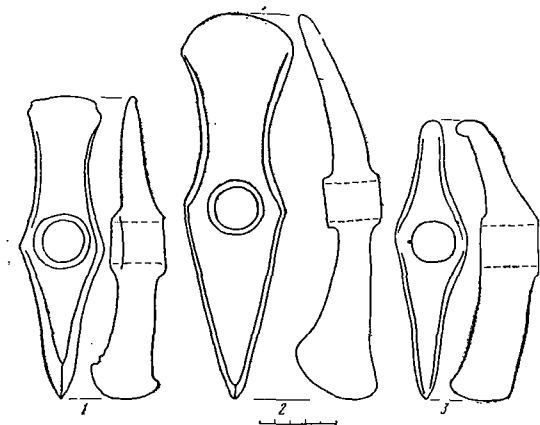

Рис. 5. 1, 2 — топоры-тесла (поселения Городница II, Брад), 3 — топор-клевец (Веремье)

ница³⁰ (этап В/II). В археологическую литературу они вошли под именем «крестообразных» топоров типа «Ясладань»³¹.

Обе части топоров имеют симметричный наклон относительно проушины и отличаются почти равной длиной. Обуховая половина представляет собой широкое, слегка выгнутое тесло. Ромбовидно расширяясь у проуха, оно переходит в узкий продольный клин с полукруглым оттянутым вниз лезвием. Проушина округлой формы продолжена двумя небольшими манжетами (рис. 5, 1, 2). Оба топора отлиты в двусторонних разъемных формах с вставным стержнем (сложная профилировка в сочетании с полной симметричностью их лезвий).

Проблема происхождения топоров-тесел типа «Ясладань» до сих пор вызывает споры: ареал этих орудий широк, а культурная принадлежность до конца не выяснена. В Юго-Восточной и Центральной Европе они

²⁶ Al. Vulpe. Указ. соч., стр. 458—459; Н. Ангелов. Селищна могила при с. Хотница. «Исследования в чест. на Акад. Д. Дечев». София, 1958, стр. 395; D. V. Rosetti. Sapaturile de la Vidra (raport preliminar). «Publicatiile Muzeului Bucuresti», т. I, 1934, стр. 29—30; J. H. Gaul. The Neolithic Period in Bulgaria, 1948, стр. 193, табл. XXXIV, 12, 13; В. Миков. Предисторически селища и находки в България. «Издания на Народния Арх. Музей», № 30, 1933, стр. 90.

²⁷ М. Гарашанин. Каталог металла. «Праистория», т. I, 1954, табл. XXXIII, 6; стр. 48.

²⁸ Вывод Д. Росетти излагается в статье И. Гауля (J. H. Gaul. Possibilities of Prehistoric Metallurgy on the East Balkan Peninsula, AIA, XLVI, 1942, стр. 400—407).

²⁹ Al. Vulpe. Указ. соч., стр. 457—467.

³⁰ T. Sulimirski. Указ. соч., стр. 92, табл. I, 1.

³¹ J. Driehaus. Zur Datierung und Herkunft donauländischer Axttypen der frühen Kupferzeit. «Archaeologia Geographica», Т. 2, Hamburg, стр. 2; Al. Vulpe. Указ. соч., стр. 460, 462—463.

представлены в большом количестве, но преимущественно в виде случайных находок³². Из всех известных к настоящему времени орудий этого типа с определенными культурными комплексами увязываются только четыре. В их числе трипольские топоры из Городницы и Брад и два топора из захоронений поздней фазы культуры Бодроккерештур в Деча Мурешулюи и Ясладань³³. По мнению М. Гарашанина, к той же культуре относится топор-тесло из клада, открытого в Сплите³⁴.

Неоднократно высказанная точка зрения о принадлежности топоров-тесел типа «Ясладань» к культуре Бодроккерештур³⁵ убедительно опровергнута И. Богнар-Кутциан. По ее мнению, территория последней не может рассматриваться как источник их экспорта по двум причинам. Во-первых, эта территория бедна медью; во-вторых, из общего числа топоров-тесел на ней локализуется слишком ничтожное их количество³⁶.

Проблема происхождения интересующих орудий вряд ли может быть решена без массового исследования их технологии и состава исходного металла. Первые шаги в этом направлении уже сделаны Р. Питтиони, Х. Когленом и группой венгерских исследователей во главе с П. Потаем³⁷. Полученные ими сведения еще слишком ограничены, но достаточны, чтобы говорить о существовании нескольких производящих центров³⁸. Р. Питтиони считает возможным называть среди них трансильванский и словацкий³⁹. Правда, он имеет в виду тип «крестообразных» топоров-тесел в целом, а не только их ясладаньский вариант. Однако, возможно, в дальнейшем удастся доказать изготовление в названных центрах и орудий типа «Ясладань». Во всяком случае ясно, что в технологическом отношении они распадаются на две группы, причем обе тяготеют к балканокарпатскому металлургическому очагу. К одной группе принадлежат литые топоры с вторично пробитыми отверстиями⁴⁰, к другой — цельнолитые топоры⁴¹. С последней связаны и упомянутые трипольские экземпляры.

В числе импортных изделий эпохи развитого триполья можно назвать еще топор-клевец из Веремья, известный по отчетам В. В. Хвойко⁴². Он отличается клинообразным оттянутым вниз лезвием и тонким сильно изогнутым обухом почти конической формы (рис. 5, 3).

Осмотр поверхности клевца в бинокулярный микроскоп МБС-2 оказался достаточным для того, чтобы сделать заключение о его отливке в двусторонней форме с вставным стержнем. На верхней и нижней гранях

³² J. Driehaus. Указ. соч., стр. 7.

³³ Al. Vulpe. Указ. соч., стр. 460—461.

³⁴ M. Garasanin. Neolithikum und Bronzezeit in Serbien und Makedonien. «Bericht der Römisch-Germanischen Kommission», т. 39, Berlin, 1958, стр. 48—49, рис. 9, 1a, 1b.

³⁵ F. Sulimirski. Указ. соч., стр. 94; M. Novotná. Medené nástroje a problémy najstaršej ťazby medi na Slovensku. «Slovenska Archeologia», т. III, Bratislava, 1955, стр. 77 и далее; P. Patay. Frühbronzezeitliche Kulturen in Ungarn. «Dissertationes Pannonicae», стр. 11, 13, Budapest, 1938, стр. 6 и далее.

³⁶ J. Bogнар-Kutzián. The Copper age Cemetery of Tiszapolgár—Basatanya. Budapest, 1963, стр. 493—494.

³⁷ R. Pittioni. Urzeitlicher Bergbau auf Kupfererz und Spurenanalyse. «Archaeologia Austriaca», вып. I, Wien, 1957, стр. 166 и далее; H. H. Goghlan. Some problems Concerning the Manufacture of Copper shaft-hole axes. «Archaeologia Austriaca», вып. 29, Wien, 1961; P. Patay, K. Zimmer, Z. Sgrabó, G. Sinaу. Spektrographische und Metallographische Untersuchung Kupfer und Frühbronzezeitlicher Funde. «Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», т. XV, Budapest, 1963, стр. 37—63.

³⁸ P. Patay, K. Zimmer, Z. Sgrabó, G. Sinaу. Указ. соч., стр. 63.

³⁹ R. Pittioni. Указ. соч., стр. 19—20.

⁴⁰ H. H. Goghlan. Указ. соч., стр. 60—64; стр. 58, рис. 1; стр. 60, рис. 3.

⁴¹ P. Patay, K. Zimmer, Z. Sgrabó, G. Sinaу. Указ. соч., стр. 53, 54, 56, рис. 1—2, стр. 48.

⁴² В. В. Хвойко. Каменный век в Среднем Поднепровье. АС, т. I, М., 1901, табл. XXI, рис. 11.

изделия виден литейный шов, образовавшийся во время литья по линии стыка створок формы.

По результатам спектрального анализа, клевец отлит из мышьяковистой меди с заметной примесью никеля⁴³.

Аналогии топору-клевицу из Веремья ведут нас на Кавказ. Б. А. Куфтин обратил внимание на его абсолютное сходство с некоторыми клевицами Армении⁴⁴. Целую серию аналогичных клевицов опубликовал А. А. Мартиросян⁴⁵. Прослеживая генетическое родство закавказских клевицов с древневосточными, он полагает, что предметы этого типа изготовлялись и на собственно кавказской территории в середине и второй половине III тыс. до н. э.⁴⁶

По мнению Е. Н. Черных, состав меди клевица из Веремья сходен с медью некоторых изделий майкопской культуры, которые выделяются повышенным содержанием As и Ni (так называемая I майкопская группа)⁴⁷. Источники металла с подобной химической характеристикой Е. Н. Черных помещает в областях, расположенных к югу от Кавказа⁴⁸. Это, однако, не исключает возможности собственно кавказской его переработки.

Медный импорт эпохи развитого триполья не ограничивался перечисленными готовыми изделиями. В большом количестве поступала на трипольские земли необработанная, сырьевая медь, на которой базировалось местное производство. По своему химизму она четко укладывается в группу чистого «позднетрипольского» металла. Его происхождение Е. Н. Черных связывает с Балкано-Карпатским рудным районом, справедливо ссылаясь на насыщенность этого района близкими по составу изделиями эпохи неолита и бронзы⁴⁹.

Доставка сырья на трипольскую территорию производилась не только в форме готовых слитков, но и в виде тщательно отобранной окисленной руды. Неоспоримым доказательством ее местной металлургической переработки является слиток из поселения Незвиско (слой этапа В/1)⁵⁰.

Обычная для литой меди структура слитка имеет важную особенность (рис. 3, 5). Речь идет о наблюдаемых в ней при больших увеличениях включениях шлака, состоящих из дендритов магнетита (Fe_3O_4) и пераскристаллизованной стекловидной массы (рис. 3, 6). Шлаки такого рода образуются в процессе плавки окисленных медных руд, сопровождаемых минералами железа⁵¹. Судя по данным металлографического исследования, слиток из Незвиско является выплеском из плавильного, металлургического тигля.

⁴³ Анализ выполнен в лаборатории Института археологии, № 120.

⁴⁴ Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры. «Вестник Государственного музея Грузии», 1944.

⁴⁵ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 32—33.

⁴⁶ Там же, стр. 33.

⁴⁷ Е. Н. Черных. Указ. соч., стр. 69.

⁴⁸ Там же, стр. 44—45, 71.

⁴⁹ Там же, стр. 68, 71.

⁵⁰ Н. В. Рындина. Анализы металлических изделий из трипольского поселения у с. Незвиско. МИА, № 102, 1962, стр. 88, рис. 2, 2.

⁵¹ Е. Tylecote. Указ. соч., стр. 34; R. Pleiner. Vyuziti chemickych a spektralnich analyz pri studii praveke metalurgie. «Archeologické Rozhledy», т. V, 1953, вып. 6, стр. 792.

Е. Н. ЧЕРНЫХ

О ДРЕВНЕЙШИХ ОЧАГАХ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ ЮГО-ЗАПАДА СССР

С трипольской культурой связывается интереснейшая для истории металлургии деятельность древнейших очагов металлообработки на юго-западе СССР. Зона раннетрипольской культуры (этапы А и В, по периодизации Т. С. Пассек) была одной из трех важнейших областей первичного знакомства человека с металлом на территории СССР: Южная Туркмения — анауский очаг металлообработки, Закавказье — кюль-тепинский и куро-араксинский металлургические очаги и, наконец, юго-запад СССР. Деятельность этих очагов определяла характер первого этапа развития древнейшей металлургии нашей страны¹.

Металлообработке в трипольской культуре посвящено много работ. Пожалуй, металл ни одной из прочих восточноевропейских культур ранней эпохи не исследован столь подробно с применением методов естественных наук: спектрального и металлографического анализов. Изучению технологии трипольского металлообрабатывающего мастерства посвятила свою большую работу Н. В. Рындина².

Исследовав металлографически многие десятки изделий, автор пришла к интереснейшим выводам относительно динамики развития этой отрасли.

Лабораторией ИА АН СССР спектрально проанализировано более 200 предметов различных вариантов в период трипольской культуры. Металлу триполья, его источникам и металлургическим связям посвящен раздел книги автора³.

Изучение трипольской металлообработки неразрывно связано с именем Татьяны Сергеевны Пассек. Исключительная широта ее научных взглядов и интерес к древнему металлу проявились еще в 30-х годах и выразились в ее участии в работе Комиссии металлов при ГАИМК⁴. Именно по инициативе Т. С. Пассек научные исследования лабораторий кафедры археологии МГУ и ИА АН СССР проводились по трипольскому металлу. Проведенные в последнее время новые и публикуемые здесь анализы трипольского металла (табл. 2) позволяют наряду с разработкой типологии металлических изделий и технологии их изготовления углубить наши знания об истории и структуре металлообрабатывающего трипольского ремесла. От определения триполья как единого металлообрабатывающего очага, как это делали ранее автор статьи и Н. В. Рындина⁵, мы можем теперь перейти к более дробным подразделениям. Исто-

¹ Е. Н. Черных. Первый металл планеты. «Наука и жизнь», № 7, 1968.

² Н. В. Рындина. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. Автореф. канд. дисс., М., 1967.

³ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 51—72, 114—122.

⁴ Отчет Комиссии металлов. «Изв. ГАИМК», вып. 110, 1935.

⁵ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии..., стр. 53—58; Н. В. Рындина. Указ. соч.

рия развития трипольской обработки металлов такова, что позволяет предварительно наметить в пределах трипольской культуры по крайней мере три металлообрабатывающих очага: раннетрипольский, софиевский и усатовский. К сожалению, мы не сможем здесь изложить результаты статистической обработки новых анализов. Однако подробная группировка металла триполья, проведенная нами ранее, послужит базой и для настоящих членений анализов.

Намечая трипольские очаги металлообработки, я опираюсь на предложенную недавно терминологию⁶. Действительно, типологическая обособленность, бесспорное наличие собственной высокоразвитой металлообработки, отсутствие явных следов собственного металлургического производства, т. е. выплавки меди из руд⁷, дают нам право на такое определение.

Мы постараемся в весьма сжатой форме выразить основные черты каждого из намеченных очагов, отразить их основные отличия друг от друга (табл. 1). Предварим нашу таблицу лишь общим замечанием, что софиевский и усатовский металлообрабатывающие очаги сложились на базе раннетрипольского и явились его своеобразным продолжением.

Изучение данных табл. 1 показывает, что отличия между намеченными очагами касаются практически всех важнейших деталей, хотя при этом и намечается ряд вариаций (например, сходство основных технологических приемов у мастеров софиевского и усатовского очагов).

Раннетрипольский очаг был бесспорной платформой для развития более поздних — софиевского и усатовского. Поэтому естественно, что последние стоят на более высоком техническом уровне. Это заметно на более совершенных технологических приемах металлообработки и на распространении новых форм орудий. Но не только внутреннее развитие трипольской культуры и ее металлообработки и далеко не одни они привели к сложению выделенных нами очагов. Весьма существенными были здесь причины, восходящие к резким изменениям общеисторической картины в северопричерноморских областях, происшедшим в середине — третьей четверти III тыс. до н. э. И, может быть, ярче всего изменения отразились на металлургическом инвентаре культур этого региона. Резко возросшая активность кавказских металлургических и металлообрабатывающих очагов и проникновение большого количества кавказских мышьяковистых бронз в степи, быстрое передвижение на запад тесно связанных с Кавказом (майкопской культурой) племен ямной культуры Северного Причерноморья и кеми-обинской культуры Крыма, резкое ослабление и дифференциация некогда единой и мощной трипольской культуры, образование в результате интеграций позднетрипольского населения с чуждыми ему племенами новых культурных группировок типа усатовской, киевско-софиевской, городско-вольинской и др. — вот далеко не полный список причин, приведших к изменению характера металлообработки раннетрипольского типа.

⁶ Е. Н. Черных. О терминах «металлургический центр», «очаг металлургии» и других. СА, 1967, № 1.

⁷ Н. В. Рындина на основании единственного кусочка черновой меди, который она именуется в автореферате «тигельным вылеском» (Н. В. Рындина. Указ. соч., стр. 14) считает возможным утверждать что «... в отличие от предшествующего периода (В/1—Е. Ч.) трипольские мастерские получают из карпато-балканских районов не готовую медь, а тщательно отобранную руду. Осваивается ее металлургическая переработка». Думается, что это единственное и к тому же отнюдь не безусловное доказательство местной металлургии не позволяет постулировать столь решительно вывод о резком изменении характера связей. На основании этого я предлагаю иную формулировку: на этапе В/1 возможен ограниченный завоз чистых медных минералов в трипольские безрудные области Западной Украины. Следует учесть, что черновая неочищенная медь в древности, как показывают многие источники, служила наряду с рафинированной объектом торговых обменов. Так что кусочек из Незвиско мог быть свидетельством обмена и таким сортом меди.

Основные черты трипольских металлообрабатывающих очагов

Очаг		Рянетрипольский	Софиевский	Усатовский
Локализация		Молдавия, Правобережная Украина	Среднее Поднепровье	Средний и Нижний Днестр, Побужье
Хронология		Конец IV — первая половина III тыс. до н. в.	Вторая половина III тыс. до н. в.	Вторая половина III тыс. до н. в.
Источник сырья	Балкано-Карпаты	Исключительно	Почти исключительно: 37 предметов	Ограниченно: 10 предметов
	Кавказ	Нет	Весьма ограничено: 4 предмета	Значительно преобладают: 26 предметов
Искусственные сплавы		Нет	Весьма ограниченные мышьяковистые бронзы	Многочисленные мышьяковистые бронзы
Основные формы инвентаря (типология)		Ранний этап (А): украшения и орудия карбунских типов, шилья, рыболовные крючки. Поздний этап (В): плоские топоры-клинья, топоры-молоты, булавки	Основные новые формы: ножи с широким намечающимся трапециевидным черенком, резе — ножи с узким черенком, кинжалы. Продолжение форм рянетрипольского очага: плоские топоры-клинья, шилья, бусины, пронизи, булавки и т. д.	Основные новые формы: кинжалы с nervurой и без, долота круглые с четырехгранным насадом. Продолжение некоторых форм рянетрипольского очага: плоские топоры-клинья, шилья, бусины, подвески и т. д.
Технология металлообработки (по Н. В. Рындиной)		<p>I период: исключительно кузнечные приемы формовки вещей — холодная и горячаяковка, пробивка отверстий в толстых медных болванках и т. д.</p> <p>II период: дальнейшее развитие кузнечных приемов; термообработка (отжиг), начало литья в открытые формы.</p> <p>III период: кузнечные приемы формовки, термообработка, отливка предметов в открытых формах, начало использования закрытых двусторончатых литейных форм</p>	Весь набор прошлых приемов кузнечной формовки, усовершенствование некоторых из них (плющение, резание), отливка предметов в двусторонних литейных форм	Развитие приемов кузнечной формовки рянетрипольского очага, литье в многообразные двусторонние литейные формы

Первым следствием историко-культурных перемен была переориентация металлургических связей позднетрипольских племен. Трипольцы этапов А и В, как это нам удалось установить на материалах Карбунского клада, получали весьма своеобразный с химической точки зрения металл (металлургически чистую медь) из металлургических очагов, базировавшихся на месторождениях Балкано-Карпатской горнометаллургической области. Весьма осторожно можно предположить, опираясь на материалы отчетов советско-румынской геологической экспедиции⁸, что одним из источников могли служить очень богатые медные месторождения Баната (юго-запад РНР, восток Югославии). Сходную с исследованной ранее медь обнаружили и наши последние анализы из Новых Русешт (ан. 3153—3170), Бодаков (ан. 2314), Ленковцев

⁸ Г. И. Малматин. Отчет 1953 года. Всесоюзный Геологический фонд.

(ан. 2434), Залещиков и Солончен (ан. 2471—2475), Поливанова Яра (ан. 2482—2484), Незвиска (ан. 2479) и др. Принципиальное сходство в химическом составе не исключает некоторых не уловленных на карбунской меди вариаций, происшедших скорее всего в результате перемешиваний. Любопытно, что к этим же карбунским группам (II группа)⁹ относится и медь, найденная на поселении гумельницкой культуры в Болграде (ан. 2470).

Примерно в середине III тыс. до н. э. связи с этими традиционными источниками прерываются. На позднетрипольских памятниках резко преобладает металлургически чистая медь иной химической группы, которая связывается нами уже с иными, но не определенными сегодня месторождениями Балкано-Карпат. Этот вывод был подкреплен нашими новыми анализами преимущественно с памятников софиевского металлообрабатывающего очага: Софиевки, Красного Хутора, Чернина. Медь, сходная по составу с карбунской, чрезвычайно редка (Подгорцы II — ан. 2312). Появляется металл еще одного источника — Кавказской горнометаллургической области, мышьяковистые бронзы которого стали играть ведущую роль в металлообработке усатовского очага.

Переориентация культурных связей и смена источников металлургического сырья отразилась и на типологии металлического инвентаря. Появляется новая категория вещей — ножи и так называемые кинжалы, которая позволяет отличать продукцию любого из намеченных очагов. Для софиевского очага характерны пожи со слабо выделяющимися трапециевидными черенками. Такого типа орудий в усатовских памятниках нет, для них характерными являются так называемые кинжалы усатовского типа¹⁰. К семи названным В. Г. Эбеновичем экземплярам можно прибавить еще два: из погребения у с. Нерушай (ан. 4527) и из Тудорова¹¹, хотя последний по своей форме достаточно своеобразен. В памятниках софиевской группы таких орудий много меньше: всего три. Однако они не могли попасть туда из усатовского металлообрабатывающего очага, как пишет В. Г. Эбенович. Все усатовские кинжалы приготовлены из импортных кавказских мышьяковистых бронз, а кинжалы из Красного Хутора сделаны из металлургически чистой меди балканских источников. Следовательно, речь может идти только о вероятном влиянии. Среди металла софиевского очага лишь одна форма ножей может считаться импортной из степи: оба небольших ножика с узким черенком изготовлены из мышьяковистой кавказской бронзы.

Не исключено, что В. Г. Эбенович прав в своем утверждении, намечая в качестве исходной формы кинжалов усатовского типа крито-средиземноморские орудия этого типа с нервюрой. Но бесспорно и то, что эти кинжалы стали характерным видом продукции усатовского металлообрабатывающего очага, хотя и изготовлены они из кавказских бронз. Воздействие Кавказа в типологии форм намного сильнее сказалось в круглых долотах с четырехгранным насадом, хорошо известных в памятниках Закавказья, и особенно майкопской культуры. Но даже при этом прекрасно виден творческий подход усатовских мастеров: майкопские долота преимущественно желобчатые, тогда как долбящий край усатовских экземпляров всегда прямой. Интересно и то, что усатовские мастера заимствуют с Кавказа лишь эту форму, тогда как, например, зависимость племен ямной или кеми-обинской культуры от форм майкопского металла проявляется намного полней.

⁹ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии. . . , стр. 51—72.

¹⁰ В. Г. Эбенович. Про кинжалы усатовского типа. «Археология», т. XX, 1966.

¹¹ А. И. Мелюкова. Курган усатовского типа у села Тудорова. КСИА, вып. 88, 1962, стр. 76—83, рис. 21, 1; табл. 1.

Результаты спектрального анализа металла трипольской культуры

Шифр лаборатории	Предмет	Место находки, хранения и инвентарный номер	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
2285	Пробойник	Александровка; ОАМ, 70316	Основа	—	0,01	—	0,001	0,002	—	—	0,16	0,002	—	—	—
2287	Книжал	Усатово III; ОАМ, 44114	"	?	0,002	—	0,001	0,006	0,003	3	0,003	0,08	—	—	—
2288	"	Усатово; к. 3; ОАМ, 11366	"	—	0,001	—	0,001	0,15	0,015	≥ 10	0,003	0,015	—	—	< 0,001
2289	Шило	То же; к. 13; ОАМ, 73980	"	—	—	—	—	0,1	—	—	0,003	0,0015	—	—	—
2290	"	Софиевка; ИА АН УССР	"	—	—	—	0,001	0,07	—	—	0,001	0,001	—	—	—
2291	Пронизка	То же	"	0,0008	0,001	—	—	0,012	—	—	0,007	?	—	—	—
2292	"	То же, С-29	"	—	0,0015	—	—	0,05	—	—	0,001	0,0015	—	—	—
2293	"	" С-29	"	—	—	—	?	0,04	—	—	0,001	?	—	—	—
2294	Колечко	" С-29	"	?	—	—	0,0005	0,05	—	—	0,004	0,0015	—	—	—
2295	"	" С-29	"	?	0,002	—	0,0008	0,07	—	—	0,001	0,004	—	—	—
2296	"	" С-29	"	—	—	—	0,001	0,05	—	—	0,001	0,001	—	—	—
2297	Пряжка	" 483	"	—	?	—	0,001	0,09	—	—	0,001	0,001	—	—	—
2298	Нож черенковый	" 483	"	?	—	—	0,001	0,005	—	2,5	0,003	0,008	—	—	> 0,01
2299	Нож без черенка	" 483	"	—	—	—	—	0,04	—	—	0,005	0,002	—	—	—
2300	Шило	" 291	"	?	—	—	0,001	0,06	—	—	0,01	0,001	—	—	—
2301	"	" 547	"	—	—	—	—	0,03	—	—	0,008	0,002	—	—	—
2302	"	" 52	"	—	—	—	0,001	0,12	—	—	0,005	0,002	—	—	—
2303	Проволочка	" 52	"	—	0,001	—	—	0,04	—	—	0,003	0,001	—	—	—
2304	Пронизка	" 52	"	?	0,001	—	0,0005	0,1	—	—	0,001	0,002	—	—	—
2305	Колечко	" 307	"	0,001	0,001	—	0,001	0,08	—	—	0,003	0,002	—	—	—
2306	Пронизка	" 307	"	—	—	—	?	0,06	—	—	0,008	0,001	—	—	—
2307	Колечко	" 307	"	—	0,004	—	0,002	0,01	0,01	0,7	0,003	0,001	—	—	~ 0,003
2308	Книжал	Красный Хутор, ИА АН УССР	"	0,02	—	—	—	0,12	—	—	0,02	0,003	—	—	—
2309	"	То же; погр. 52; 129	"	0,0005	—	—	—	0,05	—	—	0,003	0,001	—	—	—
2310	Нож	Красный Хутор, погр. 62; ИА АН УССР, № 134	"	0,0005	0,005	—	0,001	0,05	—	—	0,03	0,001	—	—	—

Таблица 2 (продолжение)

Шифр лаборатория	Предмет	Место находки, хранения и инвентарный номер	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
2312	Колечко	Подгорцы II, раск. 1961; ИА АН УССР	Основа	—	—	—	0,007	0,5	0,2	—	0,003	0,05	—	—	> 0,1
2314	Топорик	Бодаки	"	0,005	0,004	—	—	0,05	—	—	0,06	0,013	—	—	< 0,001
2315	Пронизь	Чернин, п. 12 N 112	"	—	—	—	0,0007	0,09	—	—	—	0,002	—	—	—
2316	"	" п. 23 N 182	"	0,0009	—	—	—	0,07	—	—	0,003	0,002	—	—	—
2434	Браслет	Ленковцы	"	0,0009	0,6	—	0,01	0,2	0,18	0,035	0,003	0,002	—	—	< 0,01
2470 **	Не определен.	Болград	"	0,004	—	—	0,002	0,007	—	—	0,002	0,01	—	—	> 0,003
2471	Колечко	Залещики; ЛИМ, А—4090/2	"	0,007	0,001	—	—	0,0003	—	—	0,003	0,01	—	—	—
2472	Крючок	То же; А—2355	"	0,002	0,007	—	0,0007	0,0005	—	—	0,005	0,027	—	—	—
2473	Пронизь	То же; А—4090/2	"	0,003	0,016	—	0,003	0,0008	—	—	0,01	0,015	—	—	—
2475	Крючок	Солончцы, 1952 год	"	0,002	0,001	—	0,035	0,4	0,009	0,07	0,003	—	—	—	< 0,01
2479	Шило	Незвиско, кв. 14г	"	0,001	?	—	—	0,001	—	?	0,002	0,03	—	—	< 0,001
2481	Подвеска	Усатово, к. 13, центр. погр.; ОАМ	≤ 1	Есть	Есть	—	Есть	Основа	—	—	Мало	Мало	—	Мало	Есть
2482	Пластинка	Поливанов Яр	Основа	0,01	—	—	?	0,006	—	—	0,001	0,025	—	—	—
2483	Булавка	То же	"	?	0,017	—	—	0,0003	—	—	0,001	0,01	—	—	—
2484	Шило	"	"	—	0,002	—	—	0,002	—	—	0,002	0,005	—	—	—
2486	Пронизь	Цвиклавыц, ИМ УССР	"	0,0008	0,07	—	0,002	0,005	?	0,2	0,003	0,006	—	—	> 0,003
3150 *	Топор-мотыга	Клад с. Рынгац Черновицкой обл.; ЧКМ—12379—II—788	"	0,003	?	—	—	0,0001	—	—	0,004	0,005	—	0,003	—
3151 *	"	Ториевка, Черновицкой обл., случ. находка; ЧКМ—12560—II—8591	"	?	0,013	—	—	0,0005	—	—	0,004	0,002	—	—	—
3152	Долого	Сороки, случ. находка на пос.	"	0,0009	—	—	0,007	0,05	0,07	—	0,002	0,013	—	—	—
3153	Шило	Новые Русецы I, кв. 8г	"	—	—	—	?	0,05	—	—	0,002	0,02	—	—	—
3154	Браслет	То же; кв. 7а	"	—	0,002	—	0,001	0,03	—	—	0,002	0,004	—	—	—
3155	Крючок	" кв. 7а	"	?	0,003	—	—	0,0007	0,003	—	0,04	0,005	—	0,001	—

Таблица 2 (продолжение)

Шифр лаборатории	Предмет	Место находки, хранения и инвентарный номер	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
3162	Шило	Новые Русешты I, кв. 12ж	Основа	0,003	?	—	0,004	0,4	—	—	0,002	0,05	—	—	< 0,03
3163	"	Новые Русешты	"	?	0,01	—	0,002	0,07	—	—	0,002	0,01	—	?	< 0,001
3164	Антропоморфная подвеска	То же; кв. 8б	"	0,002	0,17	—	0,003	0,002	0,025	—	0,002	0,006	—	—	—
3165	Пробойник	" кв. 10з	"	0,001	0,025	—	—	0,09	0,02	1	0,015	0,05	—	—	—
3166	Колечко?	"	"	—	—	—	—	0,003	—	—	0,001	0,012	—	—	—
3167	Крючок	" кв. 8г	"	—	0,004	—	0,0025	0,07	?	—	0,003	0,014	—	—	< 0,003
3168	Пластинка	" кв. 8з	"	0,001	0,14	—	0,035	0,035	—	—	0,2	0,025	0,005	0,001	?
3169	Крючок	" землянка	"	0,0009	0,17	—	0,002	0,05	0,017	—	0,005	0,002	—	—	< 0,003
3170	Шильце?	"	"	0,0009	0,027	—	0,007	0,07	—	—	0,002	0,005	—	—	< 0,003
3796 *	Топор-могыга	Каменец-Подольский р-н, случ. находка; КПМ, 663	"	?	0,01	—	—	0,002	0,003	—	0,002	0,012	—	—	—
3797 *	"	"Альсая Гора" Каменец-Подольского р-на, случ. находка; КПМ, 673	"	—	0,09	—	—	0,0002	—	—	0,003	0,002	—	—	~ 0,003
3798	Топор-молот	Пос. у Березовской ГЭС (р. Южный Буг); В.И. Дыбесков	"	—	0,001	—	—	0,0003	—	—	—	0,007	—	—	—
4221	Топор-гесло	Триполье; ИМ УССР, 4407	"	—	—	—	—	0,01	—	—	0,001	0,005	—	—	< 0,001
4222	"	То же, 4406	"	—	—	—	—	0,001	—	—	0,002	0,004	—	—	—
4223	"	Веремье, ИМ УССР, 4403	"	—	?	—	—	0,02	—	—	0,005	0,005	—	—	—
4224	Гривна	Клад у с. Двигловцы; ИМ УССР 594/1	"	—	0,006	—	0,003	0,02	0,004	1	0,003	0,13	—	—	> 0,01
4225 *	Топор-гесло	с. Черняхово; ИМ УССР, 7381	"	—	—	—	—	0,001	—	—	—	0,006	—	—	—
4226 *	"	Поднепровье? из собр. Куп-деревича	"	—	—	—	—	0,002	—	—	0,001	0,005	—	—	—
4227 *	"	Щербаневка; ИМ УССР, 27489	"	0,001	—	—	—	0,003	—	—	0,001	0,007	—	—	—
4228	"	Колодяжное; ИМ УССР, 53/16	"	0,003	0,006	0,1	0,002	0,02	0,13	1,2	0,01	0,003	—	—	—

Шифр лаборатории	Предмет	Место находки, хранения и инвентарный номер	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
4489	Бусица	Клад у с. Цвикловым; ИМ УССР, 594	Основа	0,003	0,006	—	0,001	0,01	0,003	0,5	0,001	0,005	—	—	—
4490	"	То же	"	0,0008	0,02	—	0,008	0,002	?	1,8	0,008	0,002	—	—	—
4491	"	"	"	—	0,02	—	0,002	0,015	0,004	1	—	0,003	—	—	—
4492	Пронизь	"	"	—	0,005	—	—	0,01	?	0,06	0,003	0,002	—	—	—
4493	"	"	"	?	0,005	—	—	0,02	0,003	0,6	0,002	0,06	—	—	~0,003
4513	Нож	Усатово, к. 15, центр. погр.	"	—	0,03	?	0,01	0,09	0,016	3	0,001	0,007	—	—	~0,001
4514	Топор-гесло	То же	"	—	0,05	—	0,009	0,001	0,05	4	0,001	0,02	—	—	>0,001
4515	"	"	"	—	—	—	0,002	0,002	0,008	1	0,003	0,004	—	—	—
4527	Нож	Нерушай, к. 9, центр. погр.	"	0,002	0,002	—	0,002	0,4	0,014	2	0,04	0,06	—	—	>0,003
5103	Гривна	Курган в с. Кайнары МССР	"	0,0006	0,015	—	—	0,015	0,02	—	0,18	0,01	—	—	~0,001
5189	Браслет	То же	"	0,003	0,016	—	0,02	0,015	0,018	—	0,005	0,03	—	—	—
5598	Книжал	Усатово; к. 9, ОАМ	"	—	0,002	—	—	0,02	0,01	3	—	0,12	?	—	?
5600	"	То же; к. 2 "	"	—	0,001	—	?	0,01	—	5	0,001	0,005	—	—	?
5601	Топор-гесло	Усатово II; к. 3 "	"	0,001	0,002	—	—	0,01	—	0,02	0,001	?	—	—	>0,001
5602	"	Усатово I; к. 3 "	"	0,001	0,03	0,12	0,002	0,001	0,003	0,5	0,002	0,01	—	—	—
5603	Шило	Усатово, разруш. погр. у усадьбы Копалена; ОАМ	"	0,0007	?	—	—	0,0005	—	—	0,005	0,002	—	?	—
5604	"	Усатово I; к. 7; ОАМ	"	—	—	—	—	0,0005	—	—	0,002	—	—	—	—
5605	"	Усатово II; к. 2 "	"	0,0005	0,005	0,006	—	0,015	?	?	0,15	0,005	—	—	—
5606	"	Усатово I; к. 3 "	"	—	0,001	?	0,001	0,02	?	0,4	0,025	0,012	—	—	~0,003
5607	"	Усатово; к. 13 "	"	—	0,001	0,3	—	0,01	—	—	0,4	0,0007	—	—	—
5608	Долого	Усатово; к. 13 "	"	—	0,004	0,5	0,003	0,007	0,04	0,9	0,016	0,007	—	—	—

* — случайные находки, условно относимые к трипольской культуре.

** — гумельницкая культура.

Исследования последних лет выяснили, что культура усатовского типа сложилась на раннетрипольской основе под сильным воздействием степных племен, бывших передатчиками многих культурных достижений майкопской кавказской культуры. Это прослеживается и в подкурганном погребальном обряде, связанном к тому же с каменными сооружениями и закладками, и в керамике¹², и в паличии антропоморфной стелы¹³, указывающей на связь с кеми-обинской крымской культурой, насыщенной кавказским майкопским металлом. Отчетливые кавказские воздействия уловили мы и в металлообработке усатовского очага. Но, указывая на юго-восточные истоки многих новых черт культуры, мы должны еще раз подчеркнуть, что усатовский очаг сложился на базе предшествовавшего ему раннетрипольского, как об этом неоднократно писала Т. С. Пассек; что усатовские мастера металлообработки творчески переработали ряд чужеродных форм, благодаря чему металлическая продукция усатовского очага приобрела достаточно своеобразный характер.

Менее заметны посторонние воздействия на софиевском (среднеднепровском) очаге. Его продукция сохраняет традиционные трипольские формы и основные направления металлургических связей. Культура про-кавказских групп населения, перемещение которых шло преимущественно по южным причерноморским степям, существенно меньше коснулась металлообработки софиевского типа.

---

¹² В. Г. Збенович. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Автореф. канд. дисс., Киев, 1967.

¹³ Э. Ф. Патокова. Обряд погребений усатовских курганных могильников ЗОАО, т. II (35), 1967, стр. 14.

В. С. Т И Т О В

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЭТНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СЛОЕВ¹ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ НА ЮГЕ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Уже древние авторы оставили многочисленные свидетельства о том, что греки не были первоначальным населением Греции¹, что им предшествовало другое, более древнее население, к которому относятся пеласги, лелеги и др. Об этом же свидетельствуют реликтовые явления греческого языка и данные топонимики.

Один из этно-лингвистических догреческих слоев — неиндоевропейский — впервые был установлен около 70 лет назад П. Кречмером². Позже между неиндоевропейским догреческим и греческим был помещен еще один слой — догреческий индоевропейский или, по терминологии П. Кречмера, — протоиндогерманский.

В ряде статей П. Кречмер предпринял расширенное исследование первого из предполагаемых трех слоев в Эгейе — неиндоевропейского. Например, в Центральной Анатолии он выделяет два неиндоевропейских субстратных языка: префигирующий хеттский или протохеттский и суффиксальный язык, родственный халдскому, хуррийскому и, возможно, эламскому³. К неиндоевропейским языкам Эгейи П. Кречмер отнес и этеокритский язык⁴. Объясняя происхождение догреческого неиндоевропейского слоя в Эгейе, он говорит о движении, идущем из Малой Азии в направлении восток-запад, главную составную часть которого составляют лелеги. Для носителей этого движения характерны префигирующий строй речи и образование топонимов путем суффикса -ss-. В 1953 г. в специальной работе, посвященной изучению доиндоевропейского населения Средиземноморья⁵, П. Кречмер вновь отнес суффикс -nt(-vθ-), использовавшийся для образования догреческих топонимов и многих названий растений и других предметов («культурных слов»), к языку неиндоевропейского первоначального населения Средиземноморья, но оговорил, однако, что лишь его аспирированная форма -vθ- восходит к протиндоевропейскому слою.

¹ Например, Геродот, II, 56, Фукидид, I, 3, 1. Сведения древних авторов о пеласагах недавно были собраны в кн.: F. Lochner-Hüttenbach. Die Pelasger. Wien, 1960.

² P. Kretschmer. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896.

³ P. Kretschmer. Zur ältesten Sprachgeschichte Kleinasiens. «Glotta», XXI, 1932, стр. 76—100.

⁴ P. Kretschmer. Sprachliche Vorgeschichte des Balkans. «Revue internationale des études balcaniques», т. II, 1935, стр. 379—386.

⁵ P. Kretschmer. Die Leleger und ostmediterrane Urbevölkerung. «Glotta», XXXII, 1953, стр. 161—204.

К нему же восходят и топонимы сигматического образования, широко распространенные в Эгейе и Анатолии. Доиндоевропейский суффикс *-nt-* лишь случайно соответствует индоевропейскому суффиксу *-nt-*. Как представители этого первоначально малозийско-эгейского населения рассматриваются делеги.

Протиндоевропейское (позже названное рэтотирренским) население заимствовало различные элементы у малоазийского первоначального населения, в том числе и суффиксы *-s-*, *-ss-*, причём суффикс *-s-* был перенесён этрусками из Малой Азии. Рэтотирренское население, согласно П. Кречмеру, было принесено идущим с севера на юг движением дунайского слоя носителей лепточно-керамической крестьянской культуры. К нему относятся рэты в Верхней Италии, пеласги в Греции и на островах, тиррены на Лемносе и в Лидии. Следы этого движения — в топонимах *Rativov* в Далмации, *Ratíai* — в Аркадии. В Лидии они получили название по главному городу Тирса — тирсоны или тиррены. Рэто-пеласготирренское население, по мнению П. Кречмера, вторглось в Эгейю в конце III тыс. до н. э. и двигалось с северо-запада. Первоначально оно обитало в Богемии и Моравии и являлось соседом праиндгерманцев, живших в Саксонии и Тюрингии.

Итак, топонимы и некоторые «культурные слова» являются единственными реликтами догреческого населения Эгейи. И те и другие характеризуются двумя основными суффиксами: *-σσ-* и *-vθ-*. К какому языку они относятся — эта проблема до сих пор не решена у лингвистов. Мы уже познакомились с точкой зрения П. Кречмера. Обратимся к другим теориям.

По мнению одной группы исследователей, к которой относятся А. Гётце⁶, В. Ландсбергер⁷, Л. Пальмер⁸ и Дж. Мелларт⁹, суффиксы *-ss-*, *-nt-* принадлежат лувийскому языку — одному из индоевропейских языков Малой Азии, распространённому к югу от Каниша и имеющему свой центр в южной и юго-западной Малой Азии. Насколько мне известно, А. Гётце был первым, кто выдвинул теорию лувийской принадлежности топонимов с суффиксами *-ss-* (*-σσ-*) и *-nt-* (*-vθ-*) и, несмотря на серьёзные возражения, придерживается ее до сих пор. Недавно эту теорию вновь поднял на щит Пальмер, а археологическую интерпретацию фактам дал Дж. Мелларт. Согласно А. Гётце, суффиксы *-nt-* и *-ss-* могут быть поняты из лувийского языка.

Отметив, что топонимы с этими суффиксами могут быть связаны с населением, оставившим западноанатолийскую культуру раннего бронзового века, распространение которой совпадает с распространением топонимов с суффиксами *-nt* и *-ss-*, А. Гётце указывает подобное же совпадение для топонимов с суффиксом *-σσ-* и *-vθ-* и области распространения раннеэладской культуры.

Против лувийско-индоевропейской принадлежности топонимов с суффиксами *-ss-* и *-nt-* выступает целый ряд исследователей, в том числе Ф. Шахермейр¹⁰, К. Биттель¹¹, Ф. Зоммер¹², а в последнее время А. Кам-

⁶ A. Goetze. *Kleinasien*. Изд. 1, 1933; изд. 2, 1957, стр. 60—61.

⁷ B. Landsberger. *Kommt Hattum «Hettiterland» und Hatti um «Hethiter» in der Kültepe—Tafeln vor?* *Ar. Or.*, в. 18, 1950, № 1—2, стр. 329—349; он же. *Assyrische Königsliste und «Dunkles Zeitalter»*, *JCS*, т. 8, 1954, стр. 47.

⁸ L. B. Palmer. *Mycenaean and Minoan*. Glasgow, 1961; New York, 1962. Работа Л. Пальмера подверглась строгой и справедливой критике в ряде рецензий и в статье Г. Мидонаса («The Luvian Invasions of Greece»). «*Hesperia*», XXI, 1962, N 3).

⁹ J. Mellaart. *The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean*. *AJA*, т. 62, 1958, стр. 1—31.

¹⁰ F. Schachermeyr. *Klio* 27, 1934, стр. 171.

¹¹ K. Bittel. *Grundzüge der Vor- und Frühgeschichte Kleinasien*. Изд. 1, 1945, стр. 49; изд. 2. Tübingen, 1950.

¹² F. Sommer. *Hethiter und Hethitisch*. Stuttgart, 1947, стр. 13—18.

менхубер¹³. Последняя относит топонимы на -ss-, -nt- к протолувийскому неиндоевропейскому языку, распространенному до появления лувийцев в Южной Анатолии, языку, которой А. Гётце в своих работах называет канишитским языком или языком на -umap-, ahšu-, -ašu-, поскольку имена на -umap-, ahšu- являются главной основой, позволяющей судить о существовании подобного языка. Против индоевропейской интерпретации слов на -umap- говорит то, что этот суффикс заимствован в хеттском языке в форме -umpa- (-uma-), а в лувийском и хеттском иероглифическом — в форме -wapa-, что осталось бы непонятным, если бы суффикс был уже лувийским.

Однако А. Камменхубер не считает вполне доказанным тот факт, что именно протолувийский язык ответствен за распространение топонимики на -nt- и -ss- вплоть до Греции. Она предлагает другую возможность, а именно, что противолувийский суффикс -ašša- был заимствован из более древнего, неиндоевропейского языка и передан индоевропейскому лувийскому языку. Эта теория представляется нам более приемлемой по сравнению с другими.

В настоящее время существует несколько теорий происхождения греков и догреческого населения в Эгейе.

Ортодоксальная теория в своей лингвистической части сформировалась в конце XIX в. как результат работ П. Паули¹⁴, П. Кречмера¹⁵ и А. Фика¹⁶. Археологическая сторона, насколько мне известно, была впервые разработана с достаточной полнотой в работе К. Блегена в 1928 г.¹⁷ Ее дальнейший анализ и защита ведутся Г. Милонасом¹⁸. Эта теория вошла в такие работы, как работы Г. Хенкена¹⁹ и С. Дау²⁰. Главные ее положения заключаются в следующем (изложение ведется с учетом новых положений, выдвинутых недавно в защиту этой теории):

1. Археологически нет никакого культурного разрыва между среднеэладским и позднеэладским периодами (СЭ и ПЭ)²¹. Таблички линейного В из Пилоса показали, что греки жили здесь уже около 1200 г. до н. э. и к этому времени прочно обосновались. Греки материка, базируясь в Микенах, господствовали над Кноссом и Критом с 1400 г. В Микенах непрерывное развитие прослежено через династию толосовых могил и за ней — через династию шахтных могил. Шахтные гробницы круга А являются древнейшим проявлением ПЭ I. Шахтная могила VI, как часть могил круга В, относится к концу СЭ периода. Недавно в Микенах обнаружена стена СЭ времени, которая ограждает и шахтные могилы. Таким образом, шахтные могилы связывают между собой два периода: СЭ и ПЭ. Некоторое время шахтные, толосовые и камерные могилы сосуществовали.

Все это свидетельствует о том, что нет никаких новых культурных элементов, которые показали бы внезапное появление на материке около 1600 г. до н. э. говорящих по-гречески индоевропейцев. Отсюда вывод:

¹³ A. Kammenhuber. Zu den epichorischen Sprachen Kleinasiens. Das Altertum., т. 4, 1958.

¹⁴ K. Pauli. Aitalische Forschungen II, 1, 1886.

¹⁵ P. Kretschmer. Einleitung...

¹⁶ A. Fick. Vorgriechische Ortsnamen, 1905.

¹⁷ J. B. Haley and C. W. Blegen. The Coming of the Greeks. AJA XXXII, 1928. № 2.

¹⁸ G. Mylonas. The Luvian Invasions of Greece. «Hesperia», XXXI, 1962.

¹⁹ H. Hencken. Indo-European Languages and Archaeology, 1955, стр. 34—37.

²⁰ S. Dow. The Greeks in the Bronze Age. «XI Congrès International des Sciences Historiques», Rapports II, Stockholm, 1960.

²¹ Здесь и ниже употребляются принятые в науке сокращения: РЭ — раннеэладский; РМ — раннеминойский; РКикл — раннекикладский; СЭ — среднеэладский; СМ — среднеминойский; СКикл — среднекикладский; ПЭ — позднеэладский; ПМ — позднеминойский; ПКикл — позднекикладский (микенский).

если микенское общество говорило на диалекте греческого, значит, и СЭ общество говорило уже по-гречески.

2. Настоящий разрыв существует между РЭ и СЭ культурами²². Он подтверждается (обосновывается) следующими моментами:

многие РЭ поселения закончились слоем пожара;

СЭ культура принесла новые типы домов — абсидные;

СЭ культура принесла новые погребальные обычаи: интрамуральные погребения в цистах;

СЭ культура принесла новую керамику — минийскую, первую керамику, сделанную на кругу.

3. Культурный разрыв между СЭ и РЭ позволяет легко предположить, что новый язык, вернее древнейшие диалекты греческого, были принесены с СЭ культурой. «Греки вошли в Грецию с начала СЭ I: этот факт можно рассматривать теперь как достоверный»²³.

Исходя из первого положения, рубеж между РЭ и СЭ можно считать позднейшим возможным периодом для появления первых говорящих по-гречески индоевропейцев. Минийская инвазия не затронула Крит.

4. Топонимы с суффиксами -σ(σ)- и -νφ- близки топонимам с суффиксами -s(s)- и -nt-, распространенными в западной части Малой Азии, и свидетельствуют об общности населения Западной Анатолии и Греции, Крита и островов. К какому периоду эта общность может быть отнесена? Или в какой период общая культура или близкие культуры охватывают Западную Анатолию, материковую Грецию, Киклады и Крит?

5. В неолите отсутствует культурная общность между Критом и материком. К. Бледжен говорит об отсутствии такой общности между материком и Кикладами, но сейчас оба эти положения остаются справедливыми лишь для раннего неолита. Характерная минийская керамика отсутствует на Крите. Следовательно, ни к неолиту, ни к СЭ—СМ времени нельзя отнести эту общность культуры Крита, Греции и Западной Анатолии.

6. Остаются культуры раннего бронзового века: РЭ, РМ, РКикл и ранний бронзовый век Западной Анатолии.

Действительно ли эти культуры близки между собой? К. Биттель утверждает, что археологи позже пришли к выводу об общей основе этих культур, уже имея перед глазами выводы лингвистов (П. Кречмера), и «поэтому совершенно произвольно и археологический материал рассматривали с подобной точки зрения»²⁴.

У П. Кречмера это звучит так: «Наблюдение, что РМ, РКикл и РЭ культуры имели общую основу, которая происходила с Востока, привело к познанию догреческого анатолийского слоя»²⁵.

7. Существовал еще один слой населения, предшествовавший догреческому, неолитический, поскольку отсутствует прямой переход между ранней бронзой и неолитом, анатолийским и неолитическим слоями населения²⁶.

Взгляды Ф. Шахермейра на вопросы о происхождении греков и характер догреческого населения не составляют особой теории, но примыкают к основным положениям ортодоксальной теории. Однако существуют некоторые моменты, которые отличают их от взглядов Г. Милонаса, Г. Хенкена и С. Дау. Они заключаются в следующем.

Имеются только два слоя древнего населения Греции. Один включает неолитических и раннеэлладских обитателей, так как неолит и РЭ культура преемственно связаны между собой, несмотря на малоазиатское вли-

²² H. Hencken. Indo-European Languages... стр. 36.

²³ S. Dow. The Greeks in the Bronze Age... стр. 4.

²⁴ K. Bittel. Kleinasiatische Studien. Istanbul, 1942, стр. 187.

²⁵ P. Kretschmer. Die vorgriechischen Sprach- und Volksschichten. «Glotta», XXVIII, 1939, стр. 234.

²⁶ S. Dow. The Greeks in the Bronze Age... стр. 2.

ание в начале РЭ. Другой слой составляют греки, идентичные с носителями минийской керамики.

Исходя из этого положения, необходимо отнести происхождение топонимов с суффиксами *-σ(σ)-* и *-νθ-* к самому раннему неолиту, который, согласно Ф. Шахермейеру, имеет апаатолийские связи. Это утверждение сделано до начала раскопок Хаджилара и Чатал-Юйюке и подразумевает совсем другие связи, чем те, о которых можно говорить в настоящее время.

Ф. Шахермейером составлены новые карты распространения догреческих топонимов²⁷. Согласно им, эгейские топонимы распространены не только в Западной Анатолии, но и в Южной и Центральной, вплоть до Восточной Анатолии и доходят до Верхнего Евфрата (почти вся Анатолия, кроме северного побережья). На Балканах эгейские топонимы распространены вплоть до Будапешта и Средней Тиссы.

Интерпретация столь широкого распространения дается следующим образом: апаатолийская культурная зона связана с *vorderasiatische Kulturtrift*, который должен объяснить генезис культуры Сескло. Балканская и средиземноморская зоны (вплоть до Италии) являются сферой влияния культуры Сескло-сесклоидной внешней зоны (Старчево-Кёрёш).

В 1936—1941 гг. В. Г. Георгиев выступает с рядом работ, обосновывающих индоевропейский характер догреческого языка²⁸. Он доказывает, что слова, которые считались догреческими неиндоевропейскими, имеют этимологические связи с другими индоевропейскими языками, но в греческом языке появляются в форме, не соответствующей закономерностям сравнительно-исторической фонетики греческого языка. Основные положения теории В. Георгиева можно свести к следующему²⁹.

Слова и топонимы с суффиксами *-σ(σ)-*, *-νθ-* оставлены догреческим индоевропейским языком, или пеласгским.

По данным топонимики, доэллинский или пеласгский район охватывает Пелопоннес и Центральную Грецию (включая большую часть островов) приблизительно к югу от линии Ахелеос—Паминисос—Пенейос (от залива Амбрасия до устья Пенейоса в северо-восточной Фессалии) и о. Крит³⁰.

Пеласгский топонимический слой является древнейшим, и нет никаких данных, что имеется еще более древний топонимический слой.

Топонимы с суффиксами *-σ(σ)-*, *-νθ-* не могут относиться к тому же языку, что малоазийские топонимы с суффиксами *-s(s)-*, *-nt-*. Последние относятся к апаатолийским языкам (хеттскому и особенно лувийскому).

По данным топонимики, древнейший протогреческий район расположен в области Эпира и современной Албании.

Второй и третий тезисы В. Георгиева противоречат археологическим данным. Если пеласгский топонимический слой считать древнейшим, то его надо отнести к раннему неолиту. К этому, видимо, и склоняется В. Георгиев, хотя прямо не называет ранний неолит. «Пелопоннес, а также Аттика были заселены пеласгами, вероятно, еще с IV тыс. до н. э.»³¹ Согласно старой хронологии, так датируется ранний неолит. Но никаких ранненеолитических находок типа греческого материка (I и даже II неолитических периодов) на Крите нет. Отсюда единый топонимический слой,

²⁷ F. Schachermeyr. Die ältesten Kulturen Griechenlands. Stuttgart, 1955, карты 7, 8, 9, 11, стр. 239—264.

²⁸ V. Georgiev. Die Träger der Kretisch-Mykensischen Kultur. Sofia, 1936—1937; он же. Vorgriechische Sprachwissenschaften, I—II, 1941—1945; он же. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958; он же. La toponymie ancienne de la péninsule balkanique et la thèse méditerranéenne, «Linguistique Balkanique», III. Sofia, 1961.

²⁹ В. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, стр. 99—107.

³⁰ V. Georgiev. La toponymie ancienne..., стр. 12.

³¹ В. Георгиев. Указ. соч., стр. 107.

включающий греческий материк и Крит, может быть отнесен ко времени не ранее конца среднего неолита, III неолитического периода Южной и Средней Греции³². Отсюда неизбежно следует другой вывод, направленный против третьего положения Георгиева, а именно, что пеласгский топонимический слой не является древнейшим.

Археологические положения и их этническая интерпретация, защищаемые В. Георгиевым, вызывают еще больше возражений.

Так, карановская последовательность интерпретируется следующим образом:

Караново I—III — древние фракийцы, родственные по языку пеласгам и индоевропейским племенам западной Малой Азии (анатолийским языкам?).

Караново IV—V — дако-мизийские племена, вторгшиеся из центральной части Балканского полуострова (вторжение Димини, по Шахермейру) и продвинувшиеся через Фракию в северо-западную часть Малой Азии.

Караново VI — фригийцы, разрушившие культуру графитной керамики и захватившие Южную Фракию, чтобы затем перейти в Малую Азию.

Прежде всего вызывает возражения интерпретация вторжения Димини как дако-мизийского. Подтверждается ли какими-либо лингвистическими материалами существование этих элементов в Греции или хотя бы в Фессалии? Ф. Шахермейр далек от того, чтобы утверждать, что это вторжение принесло культуру Димини в Фессалию и одновременно культуру Гумельницы во Фракию. Это культуры совершенно различные и не участвовали в общей инвазии. Никакой графитной росписи в Греции нет, хотя она есть в Македонии³³.

В сущности Мелларт³⁴ в своей теории происхождения греков не выходит за рамки ортодоксальной теории, но то новое, что он внес в нее, во многом способствовало ее подрыву. Основные положения его теории сводятся к следующему.

Движение культуры Веселиново (Караново III) под давлением надвигающейся с севера Гумельницы вызвало гибель Трои I, Эмпория на Хиосе, Терми и еще двадцати других поселений. Одна часть населения Трои I мигрировала на Халкидику в Македонии, где основала раннемакедонскую культуру. Другая часть вместе с пришельцами через Северные Киклады, захватив элементы группы Сирос, переселилась на восточное побережье Греции, где образовала вокруг Саронического и Арголидского заливов первые РЭ поселения, смешавшись с местным поздне-неолитическим населением. Таким образом, РЭ культура состоит уже из четырех совершенно различных компонентов.

Прибытие северян на рубеже Трои I и II вызвало культурные изменения в Северо-Западной Анатолии, выразившиеся в выделении прибрежной культуры Трои II в—с. Культура Иортана остается незатронутой. Для культуры Трои II характерна форма двуручной чашки, прототипом которой могла быть одноручная чашка культуры Веселиново. В области архитектуры основа из деревянных балок вводится в конструкцию из кирпича. Эти северяне и есть лувийцы.

В конце Трои II первые греки, идущие за лувийцами, попадают в Анатолию и продвигаются в район Йнегёль-Изник и Кютахья, где древние культуры исчезают. Именно там создается микийская керамика, которая приносится отсюда в Центральную и Южную Грецию. Единст-

³² В. С. Титов. Неолит Греции. Периодизация и хронология. М., 1969.

³³ Многие другие положения теории В. Георгиева были подвергнуты справедливой критике (см., например, рецензию В. Б. Герунга на книгу: V. Georgiev. La toponymie... «Вопросы языкознания», № 1, 1962, стр. 126—132).

³⁴ J. Mellaart. The End of the Early Bronze Age...

венное свидетельство появления греков в Трое — это лицевые урны, посуда явно варварская.

Суффиксы *-s(s)-*, *-nt-* Дж. Мелларт считает лувийскими. Поскольку культура Веселиново названа лувийской, а раннеэлладская культура включает элементы Веселиново, то именно РЭ культура и принесла топонимы с суффиксами *-σ(σ)-* *-νφ-* в Грецию.

Теория Мелларта вызывает целый ряд возражений как в археологической ее части, так и в части, посвященной лингвистической интерпретации археологических явлений.

Во-первых, предполагать одновременность культуры Трои I и культуры Веселиново (Караново III) в настоящее время невозможно. Если Веселиново может быть помещено в V тыс. до н. э.³⁵, то с Троей I может быть сопоставлена по времени лишь культура типа Михалич-Караново VII (V, по Микову). Почему раннемакедонский и раннеэлладский периоды позже Трои I? Что касается элементов группы Сирос в РЭ I, то в действительности они появляются лишь в РЭ II.

Во-вторых, обратим внимание на то, что лувийцы попадают в Анатолию с северо-запада, а хетты, другая часть анатолийской группы языков, через Кавказ. Возможно ли это при столь близком родстве языков? Мне кажется это маловероятным. Лувийцы попадают в Анатолию значительно раньше хеттов, утверждает Д. Мелларт вместе с А. Гётце (скорее вслед за ним). Мне кажется, вернее считать вслед за Ф. Зоммером, что это произошло одновременно.

В-третьих, минийская керамика объявляется керамикой анатолийского происхождения. Этот тезис справедливо критиковал Г. Милонас.

Итак, современные лингвистические работы представляют основные этно-лингвистические слои в Эгейе следующим образом: древнейшим считается доиндоевропейский неиндоевропейский субстрат (или субстраты). Между ними и первыми говорящими по-гречески индоевропейцами имеются еще один или два индоевропейских негреческих слоя. В появившейся недавно работе, посвященной этой проблеме, Л. А. Гиндин³⁶ называет их «анатолийским» и «пеласгским», причем первый связан с анатолийской группой языков: хеттским, лувийским, палайским, хеттским неоглифическим и другими, а последний — с северобалканскими.

Восстановливая ретроспективно историю Эгейи на протяжении по крайней мере пяти тысячелетий, мы можем вслед за представителями ортодоксальной теории утверждать, что первые говорящие по-гречески индоевропейцы появились на территории Греции на рубеже III и II тыс. до н. э. вместе с носителями СЭ культуры. В специальной работе о начале периода средней бронзы мы попытаемся показать, что СЭ I, примерно совпадающий по времени с РЭ III и восходящий к XXI в. до н. э., отмечен рядом черт, таких, как курганные погребения, костяные молоточкообразные булавки и некоторые другие, которые позволяют указать на значительные северо-восточные связи СЭ I периода. СЭ и микенский периоды столь тесно связаны между собой, что невозможно предполагать появление нового населения, не связанного преемственно со старым.

РЭ период показывает исключительно высокую культуру с поселениями, обнесеными стенами, экстрамуральными могильниками, двухэтажными общественными зданиями, очень развитым типом печатей с геометрическими орнаментами, т. е. культуру более высокую, чем культура пришельцев СЭ I периода. РЭ культура тесно связана с близкими ранне-

³⁵ В. С. Титов. Указ. соч.

³⁶ Л. И. Гиндин. Исследования по древней топонимии юга Балканского полуострова. М., 1966 (автореф. канд. дисс.); он же. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967.

минойской и раннеанатолийской (западноанатолийской культурой раннего бронзового века), а также раннекикладской.

Остается в силе сделанное уже давно наблюдение, что топонимы с суффиксами *-σ(σ)-* и *-υθ-* в Эгейе совпадают по территории с распространением раннеэлладской и раннеминойской культур (к этому можно прибавить культуру раннего бронзового века Западной Анатолии). Видимо, именно эти культуры ответственны за распространение указанных топонимов в тех грациях, которые они занимают к началу II тыс. до н. э. Однако вопросы происхождения этих культур далеко еще не решены. Пока можно высказать лишь негативные положения: эти культуры не могли развиться из связанной с северобалканским энеолитом культурно-исторической общности, в которую входит культура Димини. Более вероятно связь с той общностью, которая характеризуется черной (и красной) лощеной керамикой и к которой относятся Лариса и VI период неолита Южной Греции. Достаточно вспомнить связи между лежащим на рубеже неолита и бронзового века могильником Кефала на Кеа, где встречена красная лощеная керамика, орнаментированная узором, выполненным лощением, и подобной же керамикой из нашего VI периода неолита Пелопоннеса³⁷. Все это позволяет, опять-таки вслед за представителями ортодоксальной теории, связать племена раннеэлладской культуры с индоевропейским догреческим этно-лингвистическим слоем Эгейи. Высокая культура этих племен вполне объясняет существование у них тех «культурных слов», которые сохранились и в греческом языке. Тесные связи с Западной Анатолией, поддерживаемые в это время, указывают, что именно этот индоевропейский догреческий этно-лингвистический слой может рассматриваться как «анатолийский», хотя это название далеко не означает, что само население обязательно пришло из Анатолии.

Мы уже указывали, что раннеэлладская культура не могла развиться из балканской культурно-исторической общности, в которую входит и Димини. Однако Димини и связанный с ним V период неолита Южной Греции, несомненно, сыграли свою роль в истории Эгейи и должны были оставить свои реликты в греческом языке. Гипотетически можно считать, что именно с ними связан тот «пеласгский» слой с сильными северобалканскими характерными чертами, который сейчас в Эгейе отмечают как второй индоевропейский догреческий этно-лингвистический слой. Он, несомненно, имел меньшее значение, чем первый, что уже достаточно ясно как из распространения Димини и его аналогов в Греции, охватывающего далеко не всю материковую Грецию, так и из менее высокого уровня культуры его посетителей.

Скорее следует предполагать, что РЭ культура развилась из предшествующего появлению Димини в Греции «балкано-анатолийского» комплекса, как называет его М. Гарашанин³⁸, характеризующегося черной лощеной керамикой с остросеребристыми сосудами типа мисок и «вазами для фруктов». Свидетельства существования этой культурно-исторической общности найдены сейчас как в материковой Греции (причем в основном в Средней и Южной, но не в Фессалии), так и на Кикладах, на Крите и в Западной Анатолии, главным образом на побережье и на островах

³⁷ Ведь именно с этой керамикой в Коринфе, в Эвтрессисе (группа II) и в том же могильнике Кефала на Кеа, чьи погребальные сооружения уже целиком раннекикладские, появляется и та тяжело ангобированная красная и коричневая керамика, которая может считаться непосредственным предшественником раннеэлладской и раннекикладской посуды.

³⁸ M. V. Garašanin. Zur Chronologie und Deutung einiger frühneolithischer Kulturen des Balkans. «Germania» 39, 1961; он же. Der Stand der Neolithikumforschung in Serbien und Makedonien mit besonderer Rücksicht auf die neuen Ergebnisse in der Agäis und am Ostbalkan. Bericht über den V Internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1961, стр. 307—312.

(Герейон на Самосе дал наиболее яркие черты), т. е. там, где в III тыс. сложились РЭ, РКикл, РМ и западноанатолийская культуры раннего бронзового века. В настоящее время трудно еще отыскать переходные звенья между этим неолитом и ранним бронзовым веком, но это объясняется слабой изученностью соответствующих памятников или же слоев (Палеа Коккиния, например, дала бы многое для этого, как и Герейон на Самосе или же Бесика-тепе в Трояде). Столь высокое развитие трудно объяснить в РЭ, если предположить приход РЭ культуры извне. Действительно, нигде, кроме Эгейи, подобная культура в столь развитом виде сложиться не могла. Отсюда предстает, что первые индоевропейцы должны были появиться в Греции (в Эгейе) раньше, чем в III тыс. до н. э., или даже раньше, чем в IV тыс., когда засвидетельствовано появление «пеласгов» — племени Димини, — может быть, в V тыс. до н. э.

Мысль о том, что первые индоевропейцы, связанные с «балканско-анатолийским» комплексом или, по нашей терминологии, с культурно-исторической общностью серо-черной лощеной керамики, не является новой. Впервые ее высказал Дж. Мелларт³⁹, но в другой форме. Он считал лувийцами носителей культуры Веселиново (Караново III) и отнес их к времени Трои I. Однако Веселиново далеко не самый типичный представитель этого комплекса, хотя и довольно ранний (он восходит к рубежу VI и V тыс. до н. э.). Аналогичную мысль высказал и Б. В. Горнунг⁴⁰, отнес культуру Винча, которая входит в этот комплекс (или общность), к древнейшей индоевропейской языковой общности.

В пользу предлагаемой гипотезы о том, что культурно-историческая общность серо-черной лощеной керамики в Эгейе может быть интерпретирована как древнейший индоевропейский этно-лингвистический слой, говорит и то, что движение, прослеживаемое по серо-черной лощеной керамике с запада на восток — в настоящее время единственное твердо зафиксированное движение в этом направлении в Анатолии, которое может быть интерпретировано как движение индоевропейцев. Оно зафиксировано в позднем халколите Юго-Западной Анатолии, в позднем халколите равнины Коньи уже в начале IV тыс. до н. э., в XIIa слое Мерсина в середине IV тыс. до н. э. Это движение решительно противоречит утверждению А. Гётце, что население в Южной Анатолии на протяжении неолита и халколита не менялось, и скорее говорит в пользу теории А. Камменхубер.

Древнейшая культурно-историческая общность, к которой восходят культура I и II неолитических периодов Южной и Средней Греции, ранне-керамический неолит и Протосескло Фессалии, а также неолит Южной Анатолии, показывает столь высокоразвитую культуру (особенно ярко проявляющуюся в Чатал-Юйюке), что не может быть и речи о том, чтобы она не оставила следов в топонимике Эгейи, как иногда считают. Видимо, именно к ней должен восходить древнейший топонимический слой, характеризующийся топонимами и суффиксами -σ(σ)- и -νθ-. Именно этот слой топонимии представляет доиндоевропейский, неиндоевропейский субстрат, связанный, согласно П. Кречмеру, со средиземноморскими языками.

Однако нет никаких свидетельств того, что Крит входит в состав этой древнейшей юго-восточной культурно-исторической общности, хотя в настоящее время на Крите и известен ранний неолит того же времени. Однако топонимы с суффиксами -σ(σ)- и -νθ- на Крите имеются. Следовательно, они должны были попасть сюда позже, уже с другим населением. Видимо, как предполагал еще П. Кречмер и как теперь считает А. Камменхубер, топонимы с этими суффиксами были переняты у мест-

³⁹ J. Mellaart. The End of the Early Bronze Age. . .

⁴⁰ В. В. Горнунг. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности. М., 1964.

ного неиндоевропейского населения первыми индоевропейцами, «анатолийцами», тем более что суффикс *-nt-* спонтанно соответствовал индоевропейскому *-nt-*. Это могло произойти уже в V тыс. до н. э., а позже топонимы были разнесены индоевропейцами-анатолийцами по всей Эгейе и Южной Анатолии. Собранные Ф. Шахермейром на Балканах подобные топонимы могут объясняться воздействием древнейшей юго-восточной культурной общности, влияние которой несомненно как в Старчево-Кривковцах-Кёрёше, так и в самой Винче.

Итак, современные данные лингвистики о существовании нескольких догреческих индоевропейских и неиндоевропейских этно-лингвистических пластов в Эгейе подтверждает наш основной вывод о том, что неолит Греции не является единым целым⁴¹. Культурно-исторические общности, которые пашли в нем свое отражение на протяжении нескольких тысячелетий, могут быть сопоставлены с этими слоями так, как это было сделано нами выше, или, возможно, иначе, но само выделение этих слоев является лучшим подтверждением археологически зафиксированного в неолите и бронзовом веке Греции взаимодействия различных культурно-исторических общностей. Исследование этих общностей — изучение неолита Греции уже не по вертикали, а по горизонтали — очередная насущная задача ученых.

---

⁴¹ В. С. Титов. Указ. соч.

Ю. А. КРАСНОВ

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ РОГОВЫХ
И ДЕРЕВЯННЫХ ОРУДИЙ ЭПОХИ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

Среди орудий, найденных на европейских поселениях эпохи неолита, энеолита и бронзы, обращает на себя внимание своеобразная группа близких по форме и размерам роговых и деревянных предметов, интерпретация которых вызывает разногласия среди археологов.

Один из них найден на стоянке Касьчоареле (Румыния), относящейся к фазе В культуры Гумельницы¹ (рис. 6, 1). Орудие изготовлено из рога оленя таким образом, что оставлены только два массивных коленообразно изогнутых отростка. Один из них, нижний, который мы будем называть подошвой, имеет длину около 18 см при ширине 2,5—3,5 см и толщине 3—5 см. Отходящая вверх часть рога, которую мы будем называть рукояткой, сохранилась в длину на 23 см. Угол между рукояткой и подошвой близок к 140°. На высоте 15 см от основания подошвы в рукоятке проделано сквозное отверстие подпрямоугольной формы размером 3,5 × 2,5 см, расположенное перпендикулярно продольной оси орудия. Подошва носит следы работы в виде штрихов, борозд и заполированности, особенно яркие на ее нижней части. Они могли быть оставлены длительным трением о землю.

Близкое по форме роговое орудие происходит из слоя эпохи ранней бронзы на поселении Езория-Ягелльска (Цедмар) в северо-восточной части Польши² (рис. 6, 2). Здесь древним мастером также были тщательно удалены все отростки ветвистого оленьего рога, кроме двух, образующих между собой угол около 150°. Длина подошвы составляет 17 см, наибольшая ширина — 4,5 см. Рабочий конец слегка приострен. На подошве ясно видны следы работы. Рукоять сохранилась в длину на 37 см. У перехода подошвы в рукоять — округлое сквозное отверстие диаметром около 2,5 см, перпендикулярное продольной оси орудия.

К той же группе предметов следует отнести обломок орудия из рога оленя, найденный на поселении эпохи бронзы Чесав в Чехословакии³ (рис. 6, 3). Сохранилась часть подошвы длиной 17 см и шириной около 6 см, на которой заметны следы работы, аналогичные следам работы на орудиях из Касьчоареле и Езории-Ягелльской. Форма обломка предполагает наличие рукояти, в которую постепенно переходит подошва. У перехода подошвы в рукоять имеется сквозное отверстие диаметром 3 см, в месте расположения которого орудие было сломано.

¹ V. Dumitrescu, T. Bănăţeanu. A propos d'un sos de charrue primitive en bois de cerf, decouvert dans la station neolitique de Căscioarele. Dacia. «Revue d'archéologie d'histoire ancienne», т. IX. Bucarest, 1955, стр. 59—67, рис. 1—2.

² W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens Königsberg, 1929, 34; I. Falkowski. Narzędzia rolnicze typu rilkowego. Lwow, 1931, стр. 29.

³ F. Sach. Radlo a pluh na uzemi Československa. «Vedecke prace zemedelskeho museja v Prahe», вып. 5. Praha, 1961, стр. 48—49, рис. 21.

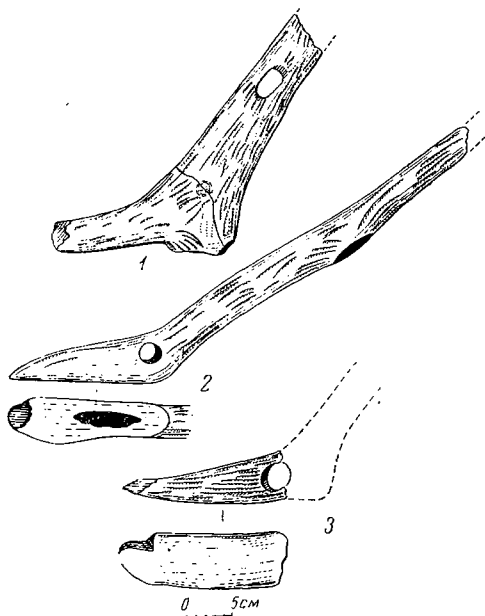

Рис. 6. Роговые орудия

1 — Касьчоварскае (Румыния); 2 — Езория Ягелльска (Польша); 3 — Чесав (Чехословакия)

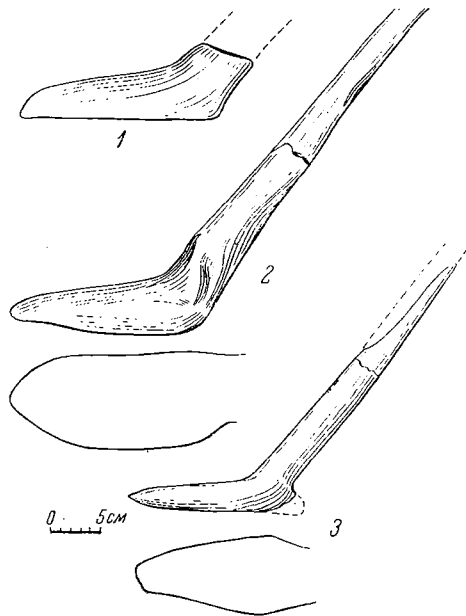

Рис. 7. Деревянные орудия

1—Робенгаузен; 2—Бодман-Шахен; 3—Финельц

Орудие такой же формы, размеров и пропорций, но изготовленное из дуба, было найдено в свайном поселении Бодман-Шахен на Боденском озере⁴ (рис. 7, 2). Оно изготовлено из части ствола с отходящим от него суком. Угол между подошвой и рукоятью лежит в пределах $130-140^\circ$. Подошва имеет длину около 20 см, ширину до 10 см и толщину до 5—6 см. Форма ее в плане лопатообразная, в профиле клиновидная, в поперечном сечении напоминает треугольник, основанием которого является нижняя грань подошвы. Рукоять обломана; у нее заметен некоторый отгиб назад. Сквозного отверстия нет.

Такое же орудие, но меньших размеров обнаружено в свайном поселении Финельц близ Невшателя⁵ (рис. 7, 3). Его подошва лопатообразной формы имеет длину 16 см, наибольшую ширину 8 см при толщине около 3—4 см. Обломанная рукоять была отогнута по отношению к подошве под углом около 140° . В задней части подошвы имеется небольшой выступ, частично фрагментированный. Сквозного отверстия нет.

Оболомок аналогичного орудия найден в свайном поселении Робенгаузен⁶ (рис. 7, 1). Длина его подошвы около 20 см, ширина — 10 см,

⁴ P. L e y. Stein- und Bronzefalbauten zu Bodman am Überlingersee. Mitteilungen der Antiquarischen Gesellschaft in Zürich, т. XV, 1866, стр. 290; J. Heierli. Pfahlbauten, 9-te Bericht. «Mitteilungen der Antiquarischen Gesellschaft in Zürich», т. XXII, 1882, стр. 33; H. Reinerth. Pfahlbauten am Bodensee. Augsburg—Stuttgart, 1922; табл. 13; W. La Baume. Die sogenannten Steinzeitpflug aus Bodman am Bodensee. «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», т. XCII, 1962, стр. 206—210, рис. 1.

⁵ V. Gross. Les protohelvetes on les premiers sur les bords des lacs de Bienn e et Neushatel. Berlin, 1883, табл. IV, рис. 10.

⁶ F. Keller. Pfahlbauten, 6-te Bericht. «Mitteilungen der Antiquarischen Gesellschaft in Zürich». т. XV, 1886. табл. II, рис. 6.

толщина в средней части — 4,5—5 см. Рукоять обломана в самом начале, однако можно установить, что угол между подошвой и рукоятью составлял около 120°. Все три находки из свайных поселений могут относиться к концу палеолита или началу эпохи бронзы.

Следует упомянуть находку на одном из поселений эллербергской культуры в Шлезвиге (ФРГ) «плугообразно изогнутого орудия» из дуба⁷. По данным радиоуглеродного анализа, находка датируется временем около 4000 г. до н. э. В том же слое были найдены деревянные лопаты и их обломки.

Все эти орудия, несмотря на различие материала, чрезвычайно близки друг другу по форме, размерам и пропорциям. Характерным для них является специфическая форма с коленообразным изгибом, наличие рабочей части — подошвы, у роговых орудий имеющей ясные следы работы, и рукояти, отогнутой вверх и назад под углом 120—150°, близкие размеры и пропорции подошвы, длина которой в небольших пределах колеблется около 20 см. Некоторые орудия имеют сквозное отверстие у перехода подошвы в рукоять, расположенное перпендикулярно длинной оси орудия. Все это позволяет объединять эти разновременные орудия, найденные в различных частях Европы и изготовленные из различных материалов, в одну типологическую группу и предположить для них одинаковое функциональное назначение.

Относительно назначения этих орудий высказывались различные мнения. Орудие из Бодмана рассматривалось как боевая дубина, палица, рукоять топора; обломок орудия из Робенгаузена — как сапожная колодка; орудие из Финельца — как детская игрушка, изображающая палицу. Часть исследователей связывает эти предметы с земледелием, в пользу чего достаточно убедительно говорят следы работы на роговых орудиях, и квалифицирует как детали «примитивных плугов», т. е. рал⁸. В связи с этим орудие из Бодмана, а недавно — орудие из Касьчоареле стали рассматриваться как древнейшие свидетельства наличия в Европе пашенного земледелия.

Вряд ли рассматриваемые орудия были палицами. Против этого говорит их своеобразная форма, не встречающаяся у боевых дубинок ни в этнографическом, ни в археологическом материале. Такое предположение совершенно неприемлемо для тех орудий рассматриваемой группы, которые снабжены сквозным отверстием, в данном случае совершенно ненужным. Вряд ли можно рассматривать их и в качестве рукоятей каменных топоров, как это делает Ла Бум⁹. Приведенные им аналогии из различных свайных поселений лишь напоминают бодманскую находку, но далеко не идентичны ей, отличаясь как размерами, так и характером изгиба. Роговые орудия для этой цели слишком тяжелы. В то же время характер сработанности на них и в известной мере характер изломов свидетельствуют скорее всего о том, что перед нами орудия для обработки почвы.

Однако вызывает серьезные возражения и интерпретация рассматриваемых орудий в качестве деталей рал. Ни этнографические, ни археологические данные не дают возможности говорить о применении роговых деталей для упряжных пахотных орудий. Размеры рассматриваемых предметов представляются слишком малыми для того, чтобы они могли так истолковываться. Длина подошвы рал самых малых размеров, известных

⁷ H. Schwabedissen. Ausgrabung mesolithisch—neolithischer Wohnplätze im Saurper Moor, Kr. Schleswig. «Germania», т. 35, 1957, стр. 371—373.

⁸ H. Reinert. Указ. соч.; E. Wahle. Wirtschaft. Reallexicon der Vorgeschichte, hrsg. von M. Ebert, т. 14. Berlin 1929, стр. 356; I. Falkowski. Указ. соч., стр. 29; F. Sach. Указ. соч., стр. 48—49; V. Dumitrescu, T. Bănăţeanu. Указ. соч.

⁹ W. La Bume. Указ. соч.

в этнографическом и археологическом материале, никогда не бывает меньше 40—50 см. Если предположить, что эти предметы были обломками рал, совершенно непонятно, как осуществлялось у них скрепление рабочей части с грядилом. Все исследователи, реконструирующие предметы из Бодмана, Езории-Ягелльской, Касьчоареле и др. в качестве частей упряжных пахотных орудий, имеют в виду тот их тип, который мы называем однорукоятными прямогрядильными ралами. Их характерной чертой является наличие изготовленной из одного куска дерева цельной конструкции рукоять—ральник, нижний конец которой служит рабочей частью, ральником, нередко образующим горизонтальный полоз, а верхняя — рукоятью. Прямой грядиль таких пахотных орудий крепится в отверстии, проделанном в конструкции рукоять—ральник параллельно направлению движения орудия и закрепляется в нем клиньями¹⁰. Именно в качестве конструкции рукоять—ральник и рассматриваются интересные нас предметы. Однако ни один из них не имеет такого сквозного отверстия для закрепления грядила. Любой же способ привязывания грядила к конструкции рукоять—ральник в процессе работы должен был оказаться крайне ненадежным, учитывая распределение сил в движущемся пахотном орудии. Не случайно он не встречается ни в этнографическом, ни в бесспорном археологическом материале. Именно поэтому крайне искусственной и ни на чем не основанной представляется реконструкция «неолитического плуга из Бодмана», предложенная Х. Райнертом¹¹.

Нет оснований предполагать здесь и такой способ скрепления грядила и конструкции рукоять—ральник, при котором последний вставляется в отверстие, проделанное в заднем конце грядила. Это характерно для однорукоятных кривогрядильных рал, известных и в археологическом материале (Доструц, Доннерупланд и др.)¹². Но такой способ скрепления грядила с основной частью орудия предполагает совершенно иную форму конструкции рукоять—ральник, никогда не образующую полоза.

С точки зрения принадлежности рассматриваемых предметов к пахотным орудиям совершенно непонятно наличие у некоторых из них сквозного отверстия, перпендикулярного направлению движения орудия. Нет никаких оснований предполагать, что оно имело отношение к скреплению грядила с конструкцией рукоять—ральник. Никаких аналогий этому в этнографическом или бесспорном археологическом материале нет, и попытки умозрительной реконструкции такого рода оказываются ненадежными с точки зрения механики почвообрабатывающих орудий. Кроме того, у предметов из Чесава и Езории-Ягелльской такие отверстия расположены слишком низко, чтобы иметь отношение к креплению грядила.

Все это заставляет отказаться от попытки истолкования рассматриваемых предметов как деталей упряжных пахотных орудий. Однако связь их с обработкой почвы в земледелии вряд ли может быть подвергнута сомнению. Очевидно, ответ на вопрос о функциональном назначении этих орудий следует искать на пути сопоставления с известными по данным этнографии ручными почвообрабатывающими орудиями. В этом плане

¹⁰ К такому типу относятся рала, изображенные на симферопольской стеле (Б. А. Шрамко. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника. СА. 1964, № 4, рис. 5—6), на скалах Северной Италии (С. Bicknell. The Prehistoric Rock Engraving in the Italian Maritime Alps. Bordighera, 1911; P. V. Glob. Ard og Plov; Nordens Oldtid. Aarhus, 1951; оп же. Plovbilder i Val Camonica. Kuml, 1954), некоторые изображения пахотных орудий из Богуслена в южной Швеции (P. V. Glob. Ard og Plov..., рис. 58—63). Подлинная археологическая находка рала такого типа известна на городище Ак-Бешим в Киргизии (Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. «Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. II, М., 1959, рис. 37).

¹¹ H. Reinert. Die jungere Steinzeit der Schweiz. Lugsburg, 1926, рис. 10, 1.

¹² P. V. Glob. Ard og Plov...

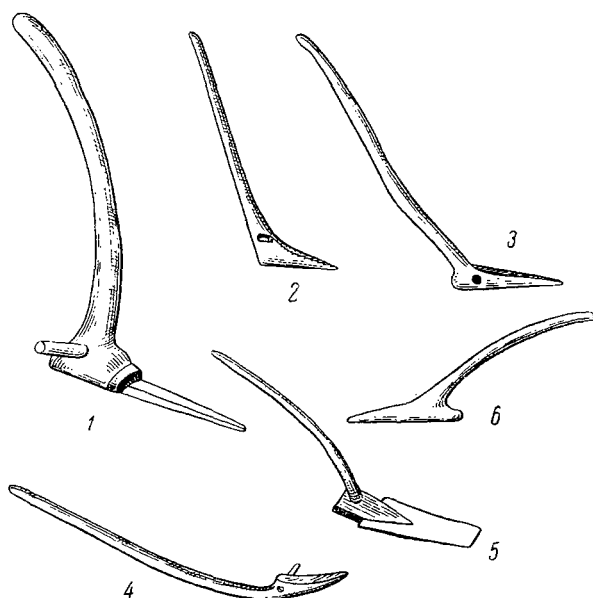

Рис. 8. Орудия для проведения борозд по этнографическим данным
 1 — Новые Гебриды (по Карвену); 2 — Шотландия (по Логану);
 3 — Палестина (по Лезеру и Коте); 4 — Судан (по Коте); 5—6 —
 Япония (по Коте)

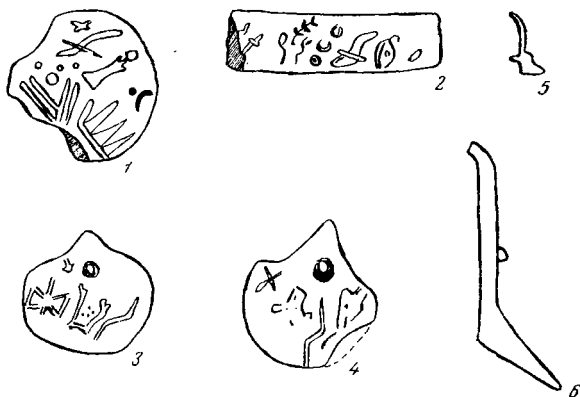

Рис. 9. Изображения ручных орудий для проведения борозд
 1—4 — на глиняных табличках из Кносса 5 — на цилиндрической
 печати с о. Кипр; 6 — на средневековом городском гербе
 (Германия)

наиболее близкую аналогию им представляют орудия типа шотландского *cashgrom'a*, на что было впервые указано Х. Котс¹³. Такие орудия (рис. 8) предназначаются для вскапывания земли длинными узкими бороздами, а также для проведения борозд перед посевом на уже обработанной почве. По этнографическим данным, они известны (местами) на огромной территории Старого Света, от Японии и Китая до Шотландии и Ирландии, а также в Северной и Центральной Африке. Имеется довольно большое количество вариантов таких орудий, но для всех них характерно наличие горизонтальной подошвы длиной 20—40 см, иногда снабженной железным наконечником, и рукоятки длиной 1—1,5 м, отогнутой по отношению к подошве под углом 120—150°. Рукоять бывает прямая или отогнутая назад, как у орудия из Бодмана. Часто такие орудия имели сквозное отверстие в нижней части рукоятки или в задней части подошвы, в которое вставляется подножка для упора ноги при работе. Аналогичное отверстие мы наблюдаем у орудий из Касьчоареле, Езории-Ягелльской и Чесава. Известны такие орудия и без подножек. В этих случаях ее роль выполнял выступ в задней части подошвы, наблюдающийся у орудия из Финельда. Часто орудие приводилось в действие просто нажатием на рукоятку.

Таким образом, все характерные черты таких орудий, известных по этнографическим данным, мы видим и у рассмотренных выше предметов из археологических находок. Здесь имеется полное совпадение размеров, формы, пропорций и конструктивных деталей. Все это позволяет считать наиболее вероятной их интерпретацию в качестве ручных орудий для проведения борозд и бороздчатой обработки земли.

Имеются и другие данные о применении в древности ручных почвообрабатывающих орудий типа *cashgrom'a*. Их изображения имеются на пиктографических табличках из Кносса¹⁴ и на печатях с острова Кипр¹⁵ (конец III—начало II тыс. до н. э.). Эти изображения (рис. 9, 1, 2, 5) дают отчетливое представление об орудиях с подошвой лопатообразной формы, отогнутой по отношению к ней рукояткой, имеющей значительный изгиб назад, и перекладной-подножкой для упора ноги. Возможно, такие же орудия, но без перекладки-подножки, изображены на двух других табличках¹⁶ (рис. 9, 3, 4). Имеются иконографические сведения об употреблении таких же орудий в средневековой Европе¹⁷ (рис. 9, 6).

Приведенный материал позволяет уже с эпохи неолита констатировать наличие по крайней мере в Европе и в части Западной Азии ручных орудий для проведения борозд и бороздчатой обработки земли. Это убедительно опровергает мнение ряда этнографов о том, что такие орудия появились сравнительно поздно, под влиянием форм упряжных пахотных орудий. Этот материал указывает также, что предположения о наличии пашенного земледелия в Европе в неолитическую эпоху пока лишены достаточных оснований, поскольку неолитические орудия, трактуемые некоторыми исследователями как детали примитивных рал, имели, очевидно, иное функциональное назначение. Древнейшими прямыми указаниями о наличии пашенного земледелия в Европе по-прежнему остаются рисунки рал на некоторых пиктографических табличках и печатях из Кносса.

¹³ H. Kothé. Die völkerkundliches zur Frage der neolithischer Anbauformen in Europa. Ethnographisch-archaeologischen Forschungen, вып. 1. Berlin, 1953.

¹⁴ A. I. Evans. Scripta minoa. Oxford, 1909, стр. 168, рис. 87a; стр. 175, рис. 111.

¹⁵ W. H. Ward. The Seal Cylinders of Western Asia, Washington, 1910, стр. 348, рис. 1187.

¹⁶ A. I. Evans. Указ. соч., стр. 168, рис. 89, б и 90, а.

¹⁷ H. Kothé. Die Hirsemesser in Furchenstockbau. Opuscula ethnologica memoire Ludowici Biro sacra. Budapest, 1959, рис. 13.

А. А. ФОРМОЗОВ

ЭПИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ
В ПРИЧЕРНОМОРСКОМ ИСКУССТВЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА

При изучении древнейшего искусства не раз удавалось отождествить сюжеты росписей, скульптур, гравировок с эпизодами мифов, этических сказаний и других ранних форм художественной литературы. Немало примеров такого рода можно привести для античной вазописи или месоэтамской глиптики. Убедительны параллели шведских наскальных рисунков бронзового века с текстами «Старшей Эдды». В советской литературе сделаны интересные попытки сопоставлений карельских петроглифов с «Калевалой»¹ и изображений на сибирских бляхах скифо-сарматского времени с тюркским героическим эпосом².

В первобытном искусстве встречаются и какие-то другие неоднократно повторяющиеся сюжеты. Они тоже скорее всего отражают эпизоды мифов или сказаний, но сами сказания до нас не дошли, и расшифровка композиций остается гадательной. Тем не менее выделение повторяющихся сюжетов в древнем искусстве представляет бесспорный интерес для истории культуры. О таком случае и пойдет речь ниже.

В 1953 г. у с. Казанки в горном Крыму было обнаружено каменное антропоморфное изваяние — одно из серии аналогичных скульптур, распространённых в III—начале II тыс. до н. э. в Северном Причерноморье. На изваянии низким рельефом обозначены лицо в виде буквы Т, руки и пояс. Все это вполне обычно для антропоморфных стел бронзового века. Необычно же то, что ниже пояса на стеле помещены две дополнительные фигурки людей. Они стоят в геральдической позе — расставив ноги, протянув друг к другу руки на уровне плеч в центре композиции и подняв полусогнутые руки над головой по ее краям (рис. 10, 1). Издавший стелу А. А. Щепинский интерпретировал это изображение как сцену ритуального танца при погребении³.

В 1967 г. недалеко от Казанков в урочище Ак-Чокрак на территории Бахчисарайского эфирсовхоза найдено другое изваяние, очень похожее на первое. И здесь рельефно обозначены лицо в виде буквы Т, руки и пояс; и здесь ниже пояса две фигурки людей. Но есть и отличия: за пояс заткнут топор, а на оборотной стороне статуи мы видим двух животных, вероятнее всего лошадей. Они ориентированы в ином направлении, чем фигурки людей, вдоль, а не поперек длинной оси стелы и стоят одна за другой, а не в геральдической позе. Положение рук у людей также не совсем такое, как в Казанках: поднятые вверх руки находятся тут в центре композиции, а не по ее краям; руки, обращенные вовне, полу-

¹ К. Д. Лаушкин. Онежское святилище. «Скандинавский сборник», V. Таллин, 1962, стр. 177—298.

² М. П. Грязнов. Древнейшие памятники героического эпоса народов Сибири. «Археологический сборник Гос. Эрмитажа», 3, 1961, стр. 7—31.

³ А. А. Щепинский. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму. СА, 1958, № 2, стр. 143—148.

согнуты и опущены (рис. 10, 2)⁴. Повторение дополнительных фигур со стелы из Казанков еще на одном крымском изваянии показывает, что перед нами отнюдь не случайная деталь; а какой-то важный для создателей антропоморфных памятников сюжет. Иное положение рук у человечков; то, что двум фигуркам людей соответствуют две фигуры лошадей, заставляет с осторожностью отнестись к предположению, что и на этой стеле изображен ритуальный танец.

Нам уже приходилось писать о близких параллелях причерноморским изваяниям в мегалитических скульптурах Франции⁵. На них мы найдем не только посохи с загнутым концом, Т-образные скипстры, пояса и личицы в виде перпендикулярных друг другу черт, но на одной из статуй и парные фигурки людей. На этом изображении со стелы из Мореля в департаменте Авейроп в центре композиции руки обоих людей слились в одну линию, а по краям группы опущены вниз в полусогнутом положении. Правая фигура слегка изогнута так, как будто другой человек несколько пригнул ее к земле (рис. 10, 3)⁶.

А. А. Щепинский раскопал курганы, на которых стояли стелы из Казанков и Ак-Чокрака. Оказалось, что под насыпями находились захоронения в ящиках: в Казанках — в деревянном, в Ак-Чокраке — в каменном. Такие могилы теперь принято относить к памятникам кеми-обинского типа⁷. А. А. Щепинский и А. М. Лесков датируют их второй половиной III—началом II тыс. до н. э. и отмечают тесную связь крымских погребений в каменных ящиках с дольменами Северо-Западного Кавказа⁸. Этот вывод убедительно подтвердила находка комплекса вещей но-

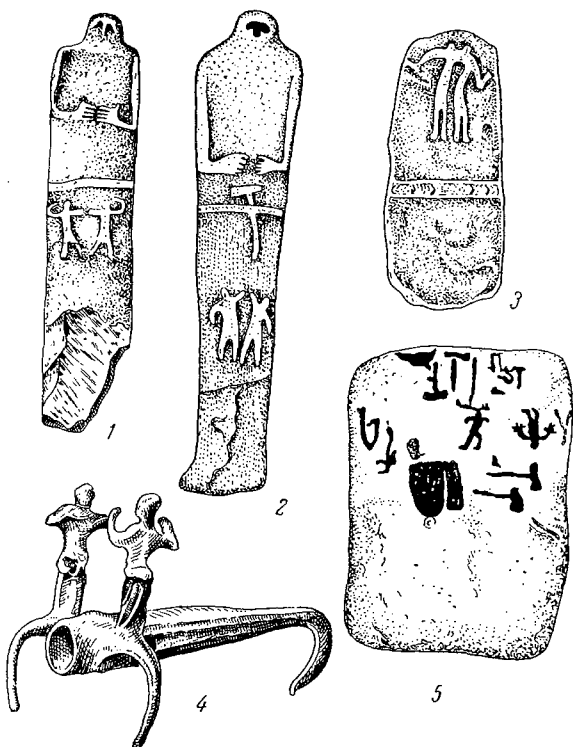

Рис. 10. Изображения единоборства на памятниках искусства эпохи бронзы в Средиземноморье

1 — стела из Казанков; 2 — стела из Ак-Чокрака; 3 — стела из Мореля; 4 — бронзовые вилы из Новосободной; 5 — стела из Бахчи-эли

⁴ М. Чорев. Находке 5000 лет. «Слава Труд» (Бахчисарай), 19 ноября 1966 г. Обе стелы хранятся в Бахчисарайском историко-археологическом музее.

⁵ А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья. СЭ, 1965, № 6, стр. 179—181; он же. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966, стр. 94—96.

⁶ Первая публикация: F. Hermet. Sculptures préhistoriques dans les cantons de Saint-Affrique et de Saint-Sernin. Rodez, 1892.

⁷ Из этого не следует, что все причерноморские стелы связаны с кеми-обинской культурой. Они известны далеко за пределами ее сравнительно узкого ареала — в Болгарии, Румынии, близ Умани, Днепропетровска, Новочеркасска. По-видимому, так же, как катакомбы и курганы, это явление культуры было свойственно разным этническим общностям.

⁸ А. А. Щепинский. Культуры энеолита и бронзы в Крыму. СА, 1966, № 2, стр. 19; А. М. Лесков. Работы керченской экспедиции ИА АН УССР. Сб. «Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг.». Киев, 1967, стр. 32.

восвободненского типа в кургане у с. Долинка на р. Чатырлык, раскопанном А. А. Щепинским в 1965 г. Особенно показательно бронзовое вилообразное орудие из этого кургана, тождественное новосвободненским.

Находка в Долинке позволяет привлечь в качестве параллели к изображениям на стелах из Казанков и Ак-Чокрака известное вилообразное орудие из раскопок Н. И. Веселовского в Новосвободной в 1898 г. На втулке этих вилов помещены отлитые вместе с орудием фигурки двух людей, стоящих друг перед другом в напряженной позе борцов с поднятыми наизготовку кулаками (рис. 10, 4)⁹. Это изображение проливает свет и на рельефы трех стел. На них запечатлен не танец, а поединок соперников, спешившихся со своих коней (Ак-Чокрак), единоборство, в котором уже наметился победитель (Морель).

Это в свою очередь дает нам право включить в круг исследуемых памятников стелу из Бахчи-эли около Симферополя из раскопок Н. Л. Эрнста 1924 г. При издании ее уже высказывалось предположение, что на ней изображен поединок: в центре плиты — победитель, справа от него — перевернутый вниз головой и безвольно растопыривший пальцы побежденный, вокруг — боевые топоры (рис. 10, 5)¹⁰. Сейчас пользуется популярностью другая интерпретация этой композиции (по нашему мнению, неубедительная), однако предположение о разной природе двух персонажей перешло и сюда¹¹. А. А. Щепинский считает, что стела из Бахчи-эли, как и антропоморфные изваяния, создана носителями кеми-обинской культуры¹².

Итак, мы знаем в Причерноморье три стелы и литое бронзовое изображение примерно одного времени, на которых представлен сюжет, характерный для любого эпоса, — поединок¹³. Парные фигурки людей достаточно часто встречаются при археологических раскопках — от этрусских могильников Италии¹⁴ до глазковских погребений Приангарья¹⁵. В данной связи не стоит перечислять все эти изображения. По-видимому, всюду перед нами конвергентное явление, отражающее культ близнецов, дуальное деление первобытного общества¹⁶. Упомянем лишь не совсем обычную кавказскую статуэтку из Сарыкамыша, более близкую к нашей серии. Это два человека, обращенные лицами друг к другу и держащиеся за правую руку, поднятую до уровня плеч и согнутую в локте. А. А. Захаров думал, что это танцоры¹⁷, но не менее вероятно, что это борьба, как и на вилах из Новосвободной.

В неопубликованных разделах монографии А. М. Золотарева «Дуальная организация первобытных народов и дуалистические космогонии» собраны кавказские легенды о борьбе двух братьев, воплощавших доброе и злое начала¹⁸. Быть может, на вилах из Новосвободной и на крымских стелах запечатлен именно этот сюжет. Дальнейшие находки позволят подтвердить это предположение.

⁹ Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной. М., 1963, табл. III. Предмет хранится в ГИМ.

¹⁰ А. А. Формозов. Материалы к изучению искусства эпохи бронзы Юга СССР. СА, 1958, № 2, стр. 137—139.

¹¹ Б. А. Шрамко. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника. СА, 1964, № 4, стр. 96—98.

¹² А. А. Щепинский. Памятники искусства эпохи ранней бронзы в Крыму. СА, 1963, № 3, стр. 43.

¹³ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 10.

¹⁴ М. Hoernes, O. Menghin. Urgeschichte der Bildenden Kunst in Europa. Wien, 1925, стр. 451, рис. 9, 10.

¹⁵ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 43, 1955, рис. 139, 144, 145.

¹⁶ А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

¹⁷ A. Zakharow. Material for the archaology of the Caucasus. «Swiatowit», XV. Warszawa, 1933, рис. 33, 39.

¹⁸ Архив ИА АН СССР, р. — 2, № 10.

Э. С. Ш А Р А Ф У Т Д И Н О В А

К ВОПРОСУ О ТОПОГРАФИИ ПОСЕЛЕНИЙ
ТИПА КОБЯКОВО НА НИЖНЕМ ДОНУ

Среди памятников Нижнего Дона предскифского времени сейчас можно выделить небольшую группу поселений кобяковского типа — Кобяково, Нижне-Гниловское, Хапры и Сафьяново. Все четыре поселения по своей топографии, керамическому комплексу, типу жилищ и характеру хозяйства совершенно идентичны и отличаются от других поселений южнорусских степей той же поры. Поселения Кобяково, Нижне-Гниловское и Хапры исследовались экспедицией ГАИМК в 1923—1927 гг., а поселение Кобяково раскапывалось в течение многих сезонов (1956—1962 гг.) экспедицией ЛОИА АН СССР. Поселение Сафьяново открыто в 1926 г. и обследовано отрядами Кобяковской и Нижне-Донской экспедиций в 1956—1958 гг. и Сафьяновским отрядом в 1967 г.²

Рассматривая вопрос о топографии, мы считаем необходимым дать прежде всего краткую характеристику основных черт культуры памятников типа Кобяково³.

В керамическом комплексе рассматриваемых поселений содержится пять групп сосудов. Это горшки, лощеные кубки и кувшины, миски и плошки. Специфика указанных сосудов состоит в том, что здесь отсутствуют острореберные и баночные формы, а у горшков всегда четкая профилировка. Орнаментом покрыты только плечики горшков, иногда и часть тулова ниже плечиков. Это различные углубления, образующие простой узор, или валик, опоясывающий плечики сосуда в один ряд и чаще гладкий, нежели расчлененный. Кубки и кувшины обладают своеобразной формой и украшены нарядным геометрическим орнаментом, выполненным линейным и веревочным штампами. Своеобразие керамики типа Кобяково народный веревочный узор выделяет памятники этой группы среди остальных степных поселений эпохи поздней бронзы.

Жилища, обнаруженные на Кобякове, принадлежат к двум типам:

¹ А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии истории материальной культуры в 1923 г. «Известия РАИМК», т. IV, 1925, стр. 1—42; он же. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг. «Сообщение ГАИМК», I. Л., 1926, стр. 71—142; он же. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг. «Сообщение ГАИМК», II. Л., 1929, стр. 60—123; С. И. Капошина. Итоги работ Кобяковской экспедиции. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 45—52; Э. С. Шарафутдинова. Кобяковское поселение эпохи бронзы. «Археологические раскопки на Дону». Ростов, 1962, стр. 40—51; она же. Жилища эпохи бронзы на Кобяковом городище. КСИА, вып. 93, 1963, стр. 58—62; она же. Раскопки на Кобяковском поселении эпохи бронзы в 1962 г. КСИА, вып. 112, 1967.

² С. Н. Братченко. Новое поселение эпохи бронзы в донской дельте. «Археологические раскопки на Дону». Ростов, 1962, стр. 120—127; Э. С. Шарафутдинова. Раскопки поселения Сафьянова эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону. «Археологические открытия 1967 г.». М., 1968.

³ Подробная характеристика кобяковской культуры с публикацией материала помещается нами в специально подготавливаемой работе.

землянки и наземные. Кроме того, среди жилищ имеются производственные помещения, в которых обжигали глиняную посуду. Некоторые жилые землянки двухкамерные. Камень в домостроительстве употребляется как для облицовки стенок землянок, так и для возведения самостоятельных стен (перегородки, хозяйственные пристройки и т. п.). При этом наблюдается несколько типов кладок.

Мощный культурный слой, имеющий характер зольника, большие жилища с несколькими горизонтами полов, на каждом из которых по несколько очагов, производственные постройки, характер орудий труда (зернотерки, песты, рыболовные грузила и др.), состав домашних животных и ихтиофауна, а также значительная площадь самих поселков — все это свидетельствует о прочной оседлости населения. Наряду со скотоводством и земледелием очень существенную роль в хозяйстве этих племен играло и рыболовство.

Из этого сжатого обзора видно, что памятники позднебронзовой поры, даже соседние с донской дельтой (т. е. Нижний Дон в районе Цимлянского водохранилища, Северное Приазовье, Северский Донец и Маныч), отличаются от кобяковских поселений.

Интересна топография этих поселений. Они располагаются на второй надпойменной террасе, т. е. на высоком правом берегу Дона, именуемом в самой дельте Мертвым Доном (это северный несудоходный рукав дельты). Площадь поселений значительна: Кобяково — 63 000 кв. м; Хапры — 9500 кв. м; Нижне-Гниловское — 6000 кв. м; Сафьяново — 5000 кв. м.

Участки берега, занятые этими поселениями, представляют собой своеобразные холмы, две противоположные стороны которых ограничены глубокими оврагами, выходящими к реке, а третья сторона заканчивается крутым береговым обрывом. Четвертая сторона, противоположная берегу, является напольной. Высота берегового обрыва 20—25 м. Отсюда хорошо просматриваются ближайшие окрестности и противоположные стороны оврагов. Но особенно хорошо видна территория дельты: в ясную погоду почти вплоть до ее южного рукава, т. е. примерно на протяжении 20 км.

Итак, поселения кобяковской группы естественно защищены с трех сторон. Такой выбор места, удобный для обороны, не случаен и характеризует скорее всего определенную историческую обстановку перед приходом скифов и традиции кобяковских племен, облик культуры которых отличается от степных культур периода поздней бронзы.

Территория, на которой расположены поселения, охватывает в основном дельту Дона. Они расположены цепочкой вдоль берега на протяжении примерно 35 км. Крайние поселения в этой цепочке Сафьяново и Кобяково; последнее находится уже вне дельты. Вместе с тем вполне возможно, что г. Ростов, расположенный у начала дельты, между Нижне-Гниловским и Кобяковским поселениями, перекрывает два-три поселения этой же группы. Во всяком случае мы вправе допустить наличие культурных напластований эпохи поздней бронзы, которые подстилают (и теперь уже, видимо, окончательно разрушены) слои первых веков н. э. на Теменицком и Кизигиринском городищах, находящихся в пределах современного Ростова⁴.

На поселениях Кобяково, Нижне-Гниловское и Хапры слои предскифского времени перекрыты отложениями первых веков н. э., и в археологи-

---

⁴ Не случайно в культурных слоях этих городищ были обнаружены черепки сосудов майкопского и срубного типов (А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии истории материальной культуры в 1923 г., стр. 14, 24, 25; он же. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг., стр. 80).

ческую литературу эти многослойные памятники вошли как городища. Исключение составляет лишь поселение Сафьяново, которое выгодно отличается от остальных трех памятников тем, что на нем отсутствуют поздние слои.

Иная топография наблюдается у другой группы памятников поздне-бронзовой поры в дельте Дона. Это двенадцать поселений типа Ливенцовка I (Ливенцовка I—VI, Нижне-Гниловское, Каратаево, Хапры, Мартыново I—III), тянущиеся цепочкой по нижней надпойменной террасе у подножия правого, высокого берега Мертвого Дона, между современными поселками Нижне-Гниловское и Мартыново⁵. Высота этой террасы над уровнем реки 2—8 м. Поселения открытые, неукрепленные. Некоторые из них, например, находятся совсем рядом с такими поселениями кобяковской группы, как Нижне-Гниловское и Хапры, и отстоят от них всего на расстоянии полукилометра. Подобное соседство поселений, резко отличающихся по своей топографии, говорит об их одновременности и о различной исторической обстановке, сложившейся в период их существования. Однако отличие этих двух групп памятников состоит не только в этом. По размерам ливенцовские поселения уступают кобяковским. Ширина их 50—80 м, длина 200—300, реже 500—600 м. Керамика этих памятников состоит из баночных и слабопрофилированных сосудов. У некоторых из них наблюдается слабая остросереберность. Орнаментация располагается под краем венчика или на плечиках и представлена всевозможными углублениями или обычно расчлененным валиком.

Итак, в керамике ливенцовских поселений отсутствуют формы, которые могли бы как-то связываться с сосудами типа Кобяково. А среди последних содержатся также и формы, совершенно отсутствующие в ливенцовской посуде.

Стены ливенцовских полуземлянок облицованы камнем, но само устройство жилищ и их внутренняя планировка отличаются от кобяковских построек. Ведущее место в хозяйстве «ливенцовских» племен занимает скотоводство, а земледелие и рыболовство имеют второстепенное значение.

Таким образом, керамика, устройство жилищ и характер хозяйства у племен этих двух групп поселений тоже разные, что свидетельствует о принадлежности их к разным культурам. Памятники типа Ливенцовка I, возникнув примерно в XIII в. до н. э., исчезают на рубеже II—I тыс. до н. э.⁶

Все известные поселения интересующего нас времени на Нижнем Днепре, в Северном Приазовье, на Нижнем Дону (типа Ливенцовки и типа хутора Ляпичева) и в Степном Поволжье располагаются, как правило, на первых надпойменных, обычно невысоких, террасах, а иногда и в самой пойме и являются открытыми⁷. Гораздо реже поселения находятся на второй, высокой, надпойменной террасе, как, например, Красный Яр на Нижнем Дону и Кайбелы в Среднем Поволжье⁸. Открытый,

⁵ С. Н. Братченко, В. Я. Кияшко. Бронзовый век. «История Дона». Ростов-на-Дону, 1965, стр. 28—29.

⁶ С. Н. Братченко, В. Я. Кияшко. Указ. соч., стр. 27, 29.

⁷ «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг». М.—Л., 1941, стр. 174, 176; И. В. Сипицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949, стр. 196; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1956, стр. 77, 82; И. И. Ляпушкин. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища. МИА, № 62, 1958, стр. 228, 230, 244—254.

⁸ «Археологические исследования...», стр. 200; Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 149.

неукрепленный характер этих поселений неоднократно подчеркивается археологами⁹.

Но в Среднем Поволжье открыто два поселения, находящиеся на естественно защищенных участках высокого берега. Это поселения Первое Сусканское близ Жигулей и упомянутые нами Кайбелы под Мелекесом¹⁰. На первом из них обнаружены даже следы довольно примитивных, как указывает Н. Я. Мерперт, рвов и валов.

На Северном Кавказе поселения позднебронзовой эпохи, как и поселения последующего, скифского периода, находятся в предгорьях или в примыкающих к ним степях¹¹ и тоже открытые, неукрепленные. Однако исключением являются поселения Змейское (Северная Осетия) и Сержень-Юрт I (Чечено-Ингушетия) предскифского времени. Змейское поселение лежит на крутом холме третьей надпойменной террасы Терека. Такое местоположение, как считают исследователи, затрудняет доступ к поселению и несомненно связано с оборонительными целями¹². Но специальные искусственные укрепления в Змейском не обнаружено.

Подобная топография и у поселения Сержень-Юрт I, которое также находится на очень высоком холме с крутыми склонами. У его южного края открыты даже следы рва глубиной до 0,7 м. Окрестности таких укрепленных поселков были тоже заселены. По мнению археологов, поселение Сержень-Юрт I служило убежищем, где укрывались жители окрестностей в опасные периоды¹³.

Расположение древних поселков на местах, удобных для защиты, вероятно, влекло за собой, хотя, может быть, и не во всех случаях, сооружение дополнительных, искусственных укреплений. Однако классическим примером могут служить сейчас лишь чернолесские городища предскифского времени в днепровском лесостепном Правобережье. Все они находятся на мысах, ограниченных глубокими оврагами и береговыми обрывами, и дополнительно укреплены мощными рвами и валами¹⁴.

Для степных поселений, в том числе и для памятников кобьяковской группы, вопрос этот пока остается открытым. Хотя, как уже говорилось, исследователи считают, что на Первом Сусканском поселении и в Сержень-Юрте I имелись остатки оборонительных сооружений. На поселениях кобьяковского типа напольная, незащищенная сторона либо перекрыта поздними отложениями, либо разрушена, либо застроена.

Итак, топография основной массы степных поселений периода поздней бронзы на указанной нами территории свидетельствует об отсутствии необходимости у обитавших там племен как-то укреплять свои поселки. Эта мирная жизнь какой-то определенной части доскифского населения может быть связана с его единством — культурно-этническим, хозяйственным, племенным и т. п.

В иной исторической обстановке, а иногда, видимо, и с несколько иным типом хозяйства должно было протекать существование укреплен-

⁹ И. М. Шарфутдинова. Нові пам'ятки епохи пізньої бронзи в Нижньому Подніпров'ї. АП, X, 1961, стр. 23 и др.; И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 228; О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 82.

¹⁰ Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 104, 118, 149.

¹¹ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 174.

¹² Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение кобанской культуры. «Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии». Орджоникидзе, 1961, стр. 12, 35.

¹³ В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. КСИА, вып. 88, 1962, стр. 33, 34, 43; А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии. КСИА, вып. 94, 1963, стр. 42, 44, 51, 52; В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения. КСИА, вып. 98, 1964, стр. 80.

¹⁴ А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 12—26.

ных поселков. Поэтому не случайно, что поселение Кайбелы, существовавшее в самом конце эпохи бронзы, располагалось у северной границы ареала срубной культуры в Поволжье¹⁵. Поселение Сержень-Юрт I погибло под ударами скифов¹⁶.

Кобяковские племена, также чуждые по культуре степным племенам позднебронзовой поры, являлись, по всей вероятности, пришлыми, сменившими в дельте Дона позднебронзовые племена ливенцовской группы поселений. Кобяковские племена с самого начала заселяют участки, выгодные при обороне. К этому их вынуждает то, что вся окружающая дельту степь, т. е. Нижний Дон в районе Цимлянского водохранилища, Северное Приазовье, Северский Донец и Маныч принадлежат местным племенам с иной культурой. Выбор определенных мест для заселения мог быть связан и с иными традициями «кобяковцев».

Таким образом, топография поселений кобяковского типа характеризует такую историческую обстановку в низовьях Дона, которая свидетельствует о существовании здесь в первые века I тыс. до н. э. военной опасности. В аналогичных условиях и в тот же период времени протекала жизнь племен, населявших укрепленные поселки Первое Сусканское, Кайбелы, Змейское и Сержень-Юрт I.

¹⁵ Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 136, 145, 149.

¹⁶ В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследования Сержень-Юртовского поселения (по раскопкам 1964 г.). КСИА, вып. 106, 1966, стр. 87.

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. И. МАРКЕВИЧ

МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НОВЫЕ РУСЕШТЫ I

Из многочисленных первобытных памятников, ставших известными за последние годы в Молдавии, поселение Новые Русешты I представляет особый интерес с точки зрения стратиграфии, изобилия находок палеозоологических остатков, свидетельств межплеменных связей¹. Оно расположено на юго-восточной окраине одноименного села Котовского района на участке в пойме р. Ботны, возвышающемся над ней на 40—50 см. Через поселение проходит искусственное русло реки. Участок постоянно распахивается на глубину до 30 см. Поселение открыто в 1959 г. отрядом разведки Пруто-Днестровской археолого-этнографической экспедиции, возглавлявшимся Л. Л. Полевым.

Раскопки, проведенные автором в 1962—1964 гг. на площади 308 м², установили наличие двух культурных слоев. Нижний принадлежит неолитической культуре линейно-ленточной нотной керамики, верхний — трипольской культуре. Он делится на два горизонта: нижний — этапа А, верхний самого начала этапа В/1, по периодизации Т. С. Пассек². В настоящей статье мы публикуем материалы слоя, относящегося к трипольской культуре, горизонты которого органически связаны и стерильными прослойками не разделяются.

Нижний горизонт трипольского слоя относится к раннетрипольской культуре (этап А). К этому времени относятся две землянки: землянка 1 (размером 13 × 8 м, глубиной 1,05 м), сооруженная на месте неолитического жилища (рис. 11, I, III), землянка 2 (5,2 × 3,8 м, глубиной 1,39 м) и хозяйственная яма, расположенная между ними (рис. 11, I, III).

В землянке 1 прослежены остатки двух ям, в которые, судя по их расположению, были вкопаны столбы диаметром 25—27 и 30—32 см, служившие опорой для перекрытия землянки. В заполнении землянки прослежено несколько тонких прослоек угля и глины, подсыпавшейся периодически на отдельные участки пола. В юго-западной части землянки 1 были найдены остатки трех вымосток очажных площадок размером около 0,8 × 0,8 м, 1,10 × 1,10 м. В хорошо сохранившихся остатках очажных площадок аналогичных сооружений в наземных жилищах описывае-

¹ И. М. Ганя, В. И. Маркевич. Данные об орнитофауне неолита и энеолита Молдавии. «Изв. АН МССР», № 1, 1966; А. И. Давид, В. И. Маркевич. Фауна млекопитающих поселений Новые Русешты I. «Изв. АН МССР», № 4, 1967.

² Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949. На раскопанном участке найдена также хозяйственная яма и печь славянского времени (VII—VIII вв.). Среди подыемного материала с поселения найдены единичные фрагменты поздне трипольской и черняховской керамики.

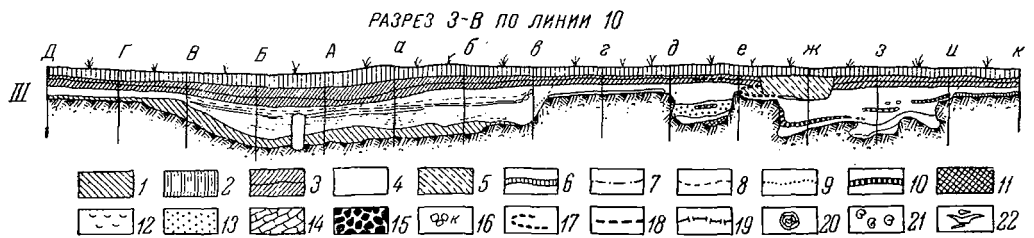
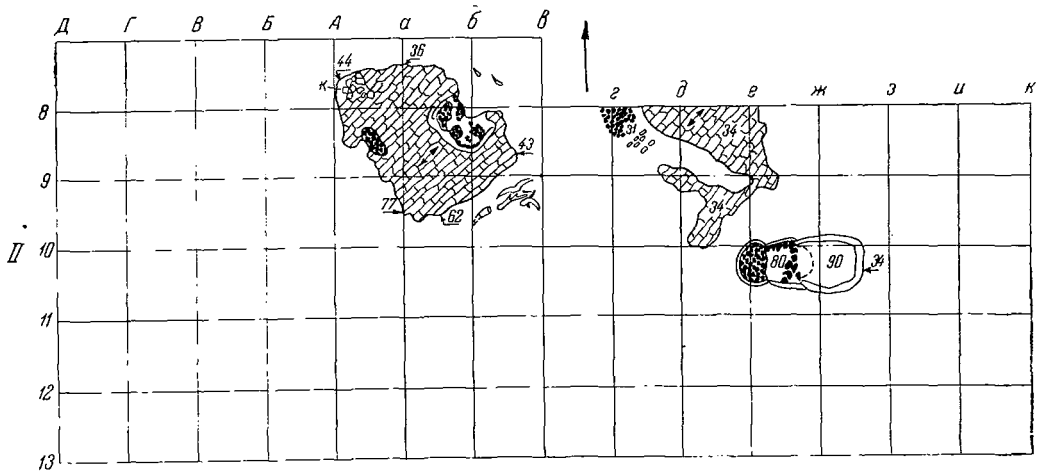
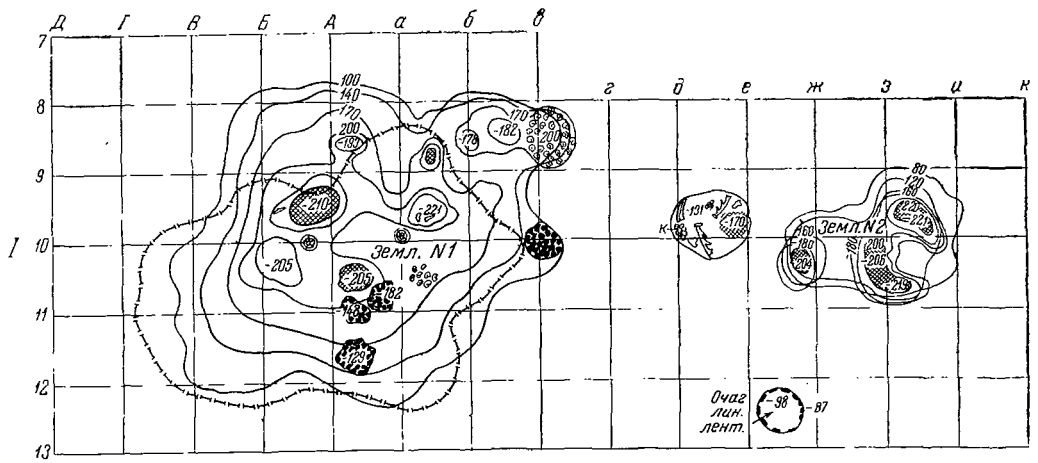

Рис. 11. Новые Русешты I

I — сооружение нижнего горизонта трипольского слоя и контур землянки культуры линейно-ленточной ножной керамики; II — сооружение верхнего горизонта трипольского слоя и остатки славянской ямы с печатью; III — профиль раскопа

1 — слой заполнения землянки с линейно-ленточной керамикой; 2 — всаженный слой; 3 — верхний горизонт трипольского слоя; 4 — нижний горизонт трипольского слоя; 5 — заполнение славянской ямы; 6 — слой подсыпанной глины; 7 — золая прослойка; 8 — тонкие прослойки глины; 9 — прослойка древесного угля; 10 — глиняная обмазка; 11 — очажные скопления; 12 — косточки глины; 13 — листовое заполнение; 14 — глинобитный пол; 15 — печные (очажные) поды; 16 — керамика; 17 — славянская печь; 18 — трипольская площадка (профиль); 19 — границы землянки с линейно-ленточной нотной керамикой; 20 — остатки столбовых ям; 21 — раковины улиток Helix; 22 — кости

мого поселения и на поселении Хэбэшешть³ такие открытые очаги ограничивались по краю бортиком.

Расположение упомянутых трех очагов на разной глубине указывает на неоднократные переделки в жилище.

Накопившийся мощный культурный слой в землянке перекрыт сплошь белесоватой зольной прослойкой толщиной 2—3 мм. По-видимому, слой золы образовался в результате пожара. После него жилище не восстановилось, а углубление было использовано как мусорная яма.

В северо-восточной части землянки и в ее восточном углу находились две большие очажные ямы, одна из них с подбоем. В их заполнении были раковины улиток, *Helix vulgaris*.

Золлистое заполнение землянки содержало много керамики, статуэток, орудий из кремня, сланца и кости и кухонных отбросов.

Землянка 2 — грушевидная в плане (рис. 11, 1). Восточная часть представляла собой большую яму с подбоем и ступенчатым выступом. На дне ямы в двух углублениях расчищены остатки двух очажных скоплений. В западной части землянки находилась яма. Стенки и пол западной части землянки были покрыты слоем глиняной обмазки. В восточной части из глины был сооружен очаг, который был дважды перестроен.

Характер заполнения — такой же, как в землянке 1.

Кремневый инвентарь раннетрипольского горизонта характеризуется наличием пожей, скребков, скобелей, вкладышей серпов, наконечников стрел и дротиков (рис. 12, 1—5); на дне землянки 2 найдена одна трапеция (рис. 12, 6).

Для изготовления кремневых орудий использованы два сорта сырья — местного прутского сероватых тонов (рис. 12, 2—4) и привозного задунайского (добруджского) коричневого цвета (рис. 12, 1, 5, 6). Орудия из серого кремня изготовлены на месте, на это указывает наличие нуклеусов и отщепов.

Отсутствие нуклеусов и отщепов из коричневого кремня на поселении позволяет предположить импорт готовых орудий с юга, из-за Дуная. Сопоставление орудий из коричневого кремня, найденных на поселении Новые Русешты I и на гумельницких — Вулканешты, Озерное, Болград⁴, приводит к выводу об их однотипности и о проникновении орудий из добруджского кремня в результате обмена, существовавшего между трипольскими и гумельницкими племенами (рис. 12, 1, 5, 6).

Шлифованные орудия представлены топориками из кремнистого мергеля⁵, теслами и молотками с просверлиной. На обушковой части подавляющего числа топориков и тесел (без проушины) видны следы заложности, образовавшейся в результате микроколебаний в муфте.

Многочисленны костяные поделки. Среди них проколки, орудия из лопаток, ложила, отжимники, роговые мотыги и копалки, скребки-развертки и проколки из эмали клыков кабана (рис. 13, 17). Серповидные орудия находят себе аналогии в материалах Сабатиновки⁶. Скребки-развертки близки к находкам буго-днестровской культуры, найденным на поселениях Сорокской группы⁷. Среди изделий из оленьего рога встречено несколько удлиненных пластинчатых поделок с боковым ушком (рис. 13, 18), аналогичных найденным на трипольских поселениях Лен-

³ V. Dumitrescu. Hăbășești, Monografie arheologică. București, 1954, стр. 185.

⁴ Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Открытие культуры Гумельница в СССР. КСИА, вып. 100, 1965.

⁵ В. Ф. Петрунь, ЗОАО, т. 2, 1967.

⁶ В. И. Маркевич. Исследования неолита на Среднем Днестре. КСИА, вып. 105, 1966, рис. 17, II; 43, III; 46.

⁷ К. К. Черныш. Раннетрипольське поселення Ленківці на Середньому Дністрі. Київ, 1959, табл. XII, 36.

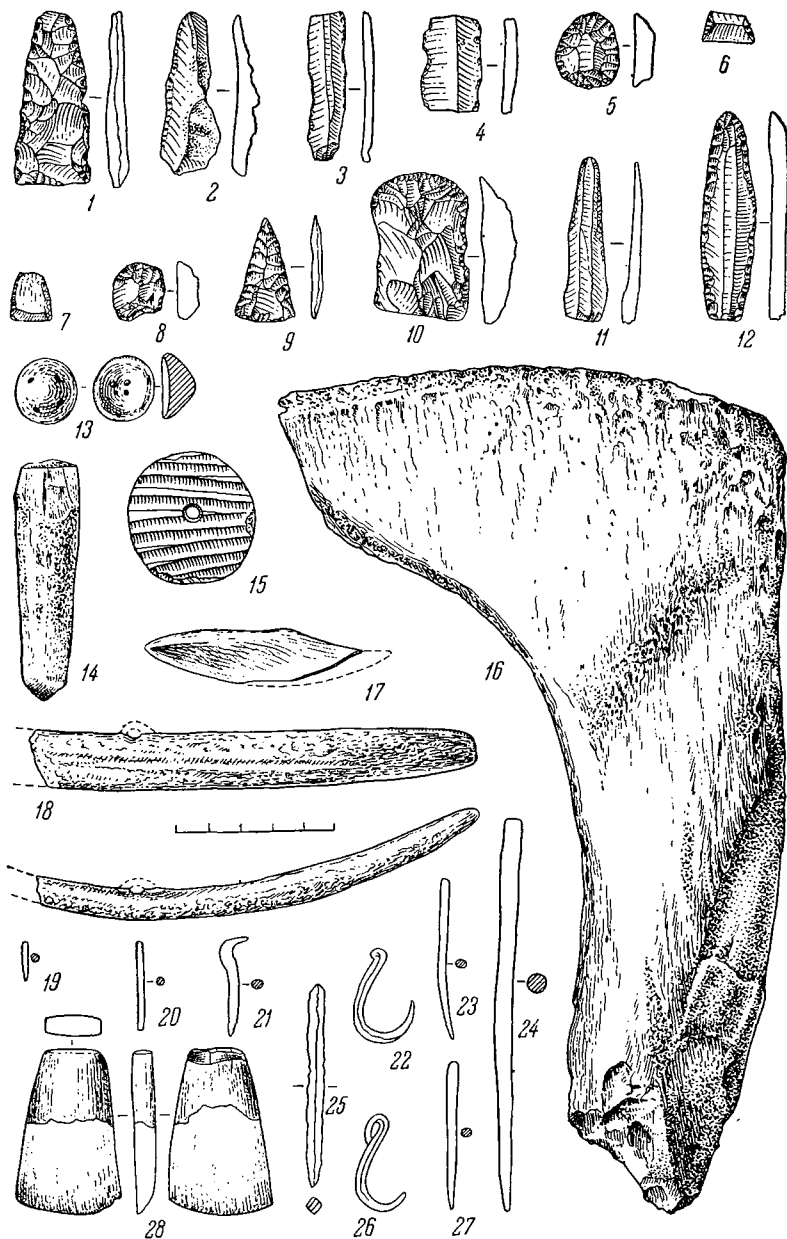

Рис. 12. Новые Русесы I. Орудия труда трипольского слоя:
 1-6, 13, 15, 17, 18, 24, 27 — орудия из нижнего горизонта; 7-12, 14, 16 — орудия верхнего горизонта

ковцы⁸, Березовская ГЭС⁹, Хэбэшешть, на гумельницком поселении Озерное¹⁰, на поселении майкопской культуры Замок¹¹.

В землянках и в связанном с ними слое найдена керамика двух групп. К первой относится кухонная толстостенная посуда с примесью шамота

⁸ С материалами трипольского поселения Березовская ГЭС любезно ознакомил автора В. П. Цибесков.

⁹ V. Dumitrescu. Указ. соч., стр. 263, табл. LXII, 2; стр. 265, рис. 26, 8.

¹⁰ Е. К. Черныш. Орудия труда культуры Гумельница. КСИА, вып. 115, 1968.

¹¹ А. П. Рунич. Энеолитическое поселение близ Кисловодска. СА, 1967, № 1.

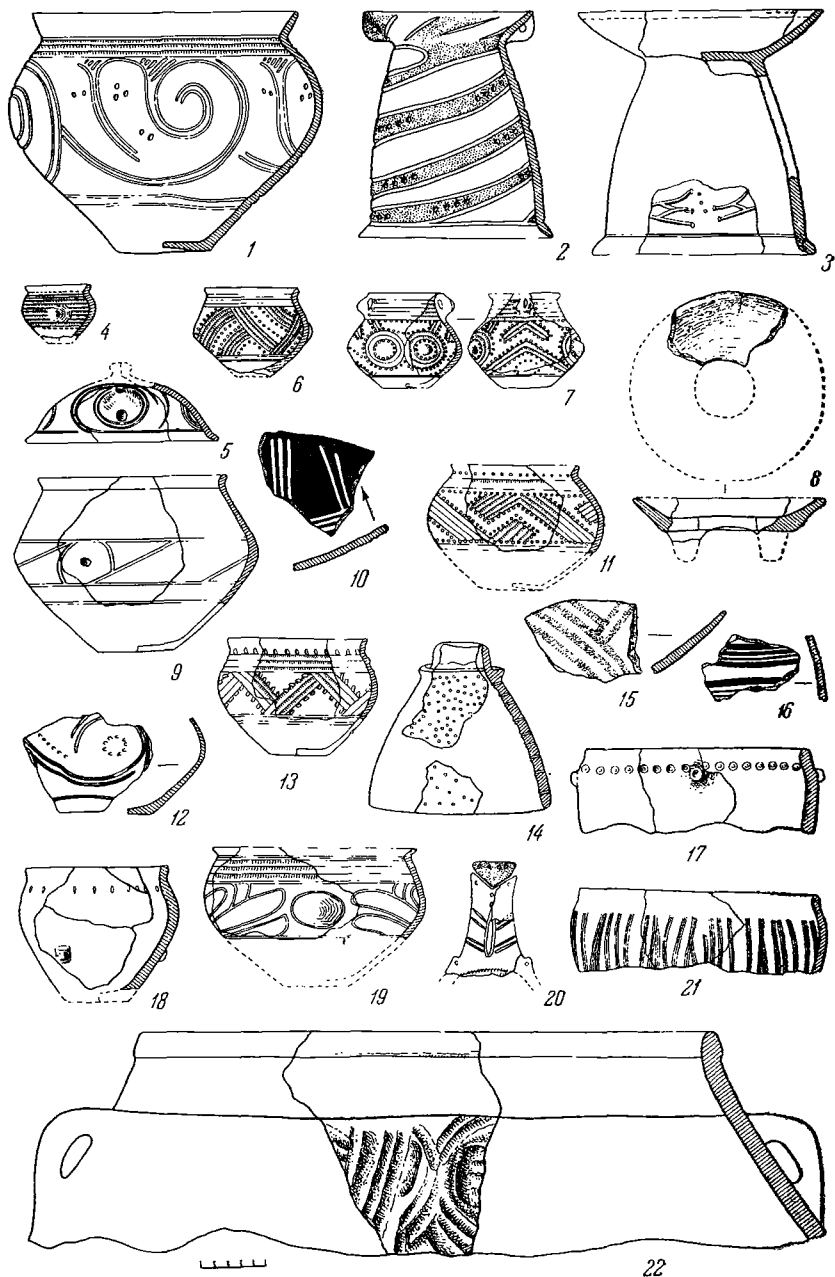

Рис. 13. Новые Русесшты I. Керамика раннетрипольского горизонта

1, 3-9, 11-14, 17-19, 21-22 — нерасписанная керамика; 2, 20 — сосуды расписанные после обжига (точками, красный цвет); 10, 15, 16 — керамика расписанная до обжига (10 — белая по черному фону, 15 — красная по серому фону, 16 — черная по белому фону)

в глине серого или серовато-коричневого цвета. В основном это тазы, крупные сосуды для хранения припасов (рис. 13, 22) и высокие широкоустые горшки (рис. 13, 17, 18, 21), часто с коническими наделами и рядом ногтевых отпечатков в верхней части. Один из сосудов орнаментирован отрисками трубчатой кости (рис. 13, 17).

Ко второй группе относится столовая посуда. Она представлена сосудами мелких и средних размеров: черного, темно-серого, реже коричневого

цвета из глины с примесью шамота. Поверхность хорошо залощена, обжиг относительно слабый. Формы — общеизвестные для раннего триполья: широкоустые горшочки с отогнутым венчиком и малым дном и почти всегда с ручками со сквозным отверстием (рис. 13, 1, 4, 6, 7, 9, 11—13, 19), грушевидные сосуды, миски на полых подставках с боковыми отверстиями и без них (рис. 13, 3), крышки (рис. 13, 5), ложки, черпаки (рис. 13, 20), подставки (рис. 13, 2).

К столовой посуде относятся днище антропоморфного сосуда и фрагмент сосуда с антропоморфными ручками (рис. 13, 7). Во вторую категорию входят также сосуды, орнаментированные проглаженными линиями, каннелюрами, оттисками круглых (изредка трубчатых) штампов. Частыми элементами орнамента являются спираль из проглаженных линий и меандр, образуемый рядами округлых ямок.

Керамика, орнаментированная оттисками трубчатого штампа, встречается редко, как и в верхнем слое поселения, датированном началом этапа В/1. Изредка оттиски трубчатого штампа бывают на керамике из Луки-Врублевцевой¹².

Этот орнаментальный прием известен на столовой керамике ряда поселений Молдавии (Флорешты, Рогожаны-Развилка, Ченуша и др.¹³) и в более раннее время в неолитических комплексах буго-днестровской культуры на Днестре (Сороки I слой 2¹⁴, Сороки 3¹⁵).

Фрагмент сосуда, найденный на дне землянки 1, орнаментированный углубленными прочерченными спиралями, одной линией и кружком, образованными оттисками двузубого штампа (рис. 13, 12), также говорит о буго-днестровских традициях. Двузубый штамп не характерен для раннего триполья. Ближайшую аналогию мы находим на сосудах самчинской фазы буго-днестровской культуры из верхнего слоя поселения Сороки I¹⁶ и на фрагменте, найденном в нижнем неолитическом слое в Новых Русештах. В материалах поселений с чертами культуры Боян и раннетрипольских памятников Пруто-Днестровья прослеживаются и другие буго-днестровские элементы: керамика, орнаментированная ногтевыми защипами, расположенными рядами или впрытык, некоторые типы нуклеусов, микролитов, костяных орудий и амулетов из плоских галек.

Керамика кухонного и столового назначения из нижнего горизонта трипольского слоя Новых Русешт находит аналогии в материалах раннетрипольских поселений Ленковцы, Лука-Врублевцевая, в меньшей степени в материалах Голеркан, Солончен, Берново-Луки, которые относятся к более раннему времени. Малое число аналогий в материалах поселения Карбуна можно объяснить его принадлежностью к другому локальному варианту раннетрипольской культуры.

В заполнениях землянок найдено несколько фрагментов расписанной керамики. На две они единичны, в верхней части встречаются в большом количестве. По фактуре, обжигу и цвету они не отличаются от остальной столовой раннетрипольской керамики. Роспись нанесена белесоватой краской по черному или серому фону (рис. 13, 10), красной — по серому фону (рис. 13, 15) или черной краской по серовато-белой поверхности (рис. 14, 16)¹⁷. Эта керамика, по-видимому, появляется в результате

¹² С. Н. Бибииков. Поселение Лука-Врублевцевая. МИА, № 38, 1953, стр. 151.

¹³ По материалам из раскопок Т. С. Пассек, хранящимся в фондах ИА АН СССР и материалам, собранным автором и хранящимся в фондах археологического музея АН МССР.

¹⁴ В. И. Маркевич. Указ. соч., рис. 17, III, 5.

¹⁵ По материалам из раскопок автора (фонды Музея археологии АН МССР).

¹⁶ В. И. Маркевич. Указ. соч., рис. 17, II.

¹⁷ Эта категория керамики аналогична найденной Р. Вулпе на поселении Извоаре в слое II. Однако она сопровождалась и полихромной керамикой, в то время как на поселении Новые Русешты I в таком сочетании она характерна для верхнего трипольского горизонта.

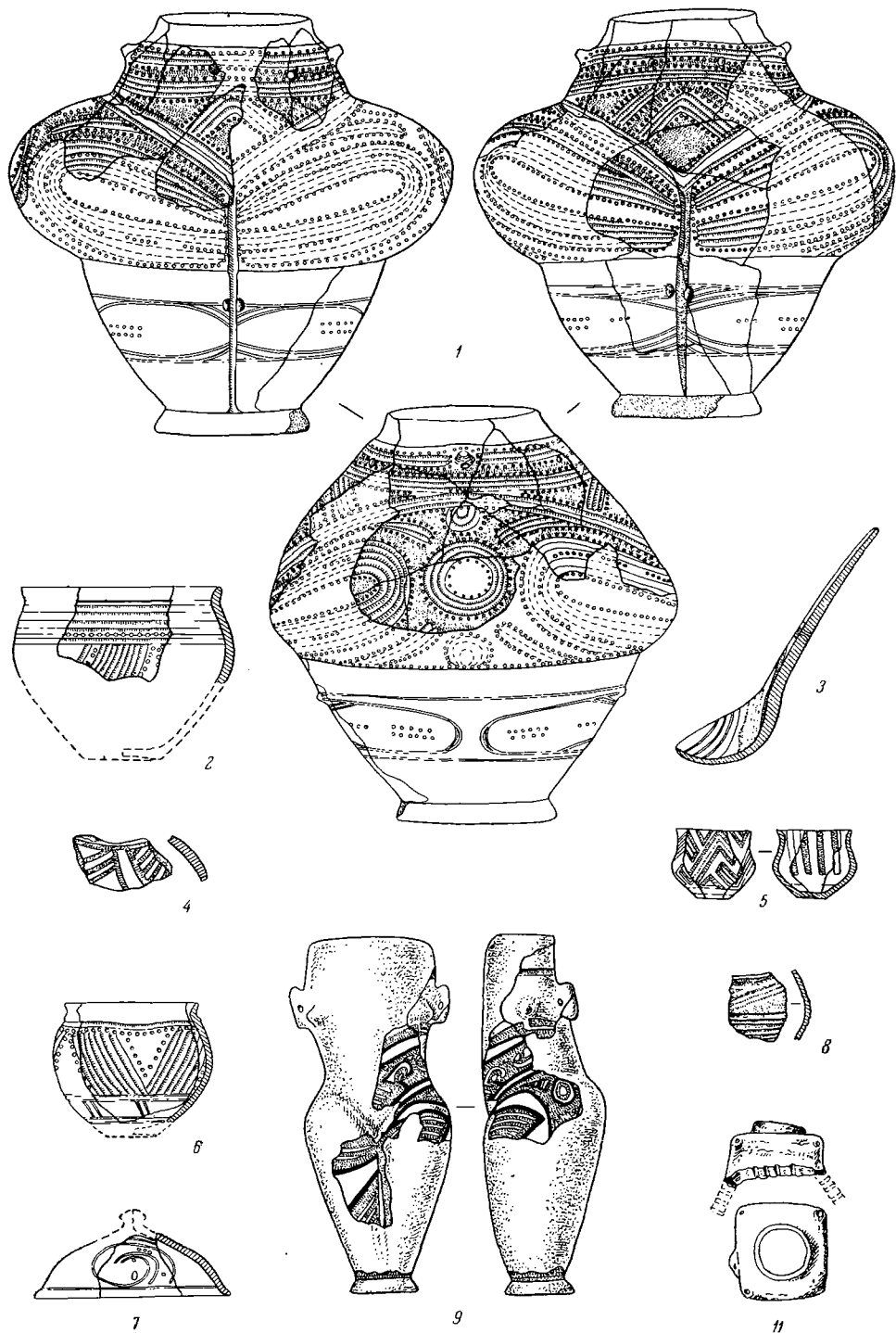

Рис. 14. Новые Русесы I. Керамика среднетрипольского горизонта

7 — антропоморфный сосуд с углубленным орнаментом и росписью после обжига (с точками — красный цвет); 8 — фрагмент с углубленным орнаментом и белой росписью по серому фону; 14 — сосудик орнаментированный ямками и черной росписью по оранжевому фону; 4 — фрагмент импортного сосуда, расписанного графитом; 2, 6, 7, 10—12 — нерасписная керамика; 3, 5, 9, 13—16 — полихромная керамика (фон оранжевый, точки — красный, черный — черный цвет)

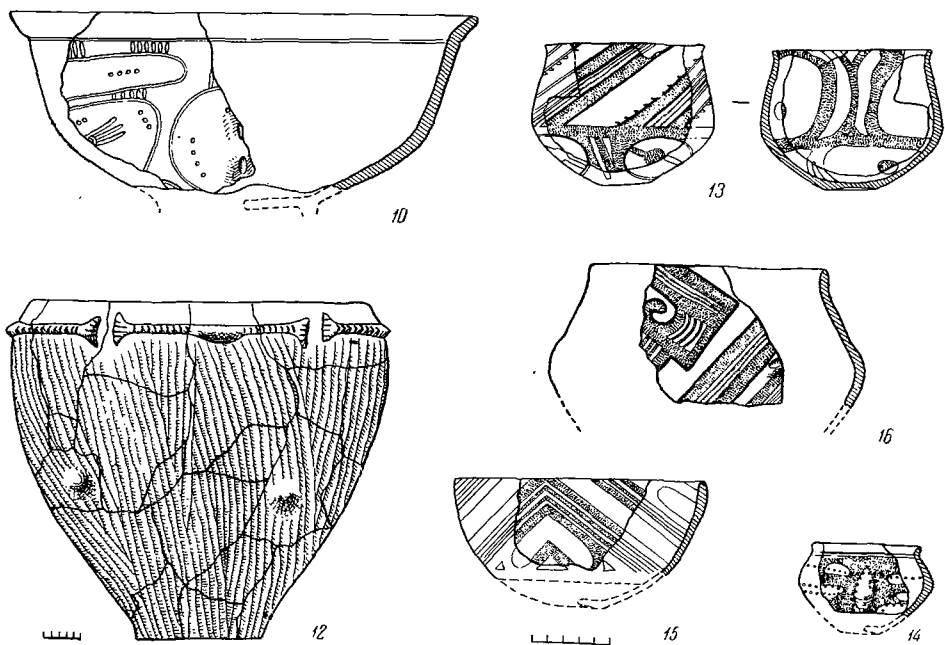

Рис. 14. (окончание)

связей с носителями культуры Гумельница. Выделяется также малочисленная группа керамики, у которой орнамент образуется чередованием зон, залощенных до блеска, и тускло-матовых, иногда они сочетаются с углубленными линиями. Такая техника нанесения орнамента характерна для гумельницких поселений юга Пруто-Днестровского междуречья.

Сосуды с углубленным орнаментом и красной краской, нанесенной зонами после обжига, находят аналогии в раннетрипольских комплексах Ленковец, Луки-Врублевцевок, Голеркан.

В нижнем горизонте трипольского слоя были найдены фрагменты донной части двух сосудов, пяти- или шестригранных. Судя по глиняному тесту и обжигу, они местного производства. Такая форма сосудов редко встречается на трипольских поселениях и часто на гумельницких. На наш взгляд такая форма сосудов как в Новых Русештах, так и на поселении Березовская ГЭС¹⁸ появилась в результате связей, существовавших между носителями трипольской культуры и культуры гумельницкой.

Среди керамических находок следует также указать на круглый столлик-алтарь на ножках со сквозным отверстием в середине. Алтари на ножках известны на раннетрипольских поселениях Голерканы, Данчаны и др. и поселениях культуры Гумельница, Вулканешты, Озерное, однако со сквозным отверстием известны только на двух поселениях¹⁹. Заслуживает внимания еще одна находка конической формы, на вершине заканчивающаяся цилиндром со сквозным отверстием; в стенках проделано множество отверстий, снаружи стенки хорошо заглажены, изнутри — грубо. Аналогичные предметы есть в верхнем горизонте трипольского слоя в Новых Русештах.

В раннетрипольских землянках и соответствующем им культурном горизонте найдено много антропоморфных женских статуэток, реже встречаются зооморфные. Антропоморфные статуэтки разнотипны

¹⁸ В. П. Цибесков. Фрагмент сосуда тордошского облика из трипольского поселения возле Березовской ГЭС (хранится в Одесском университете).

¹⁹ По материалам из раскопок Т. С. Пассек и Е. К. Черныш, хранящимся в фондах Музея археологии АН МССР.

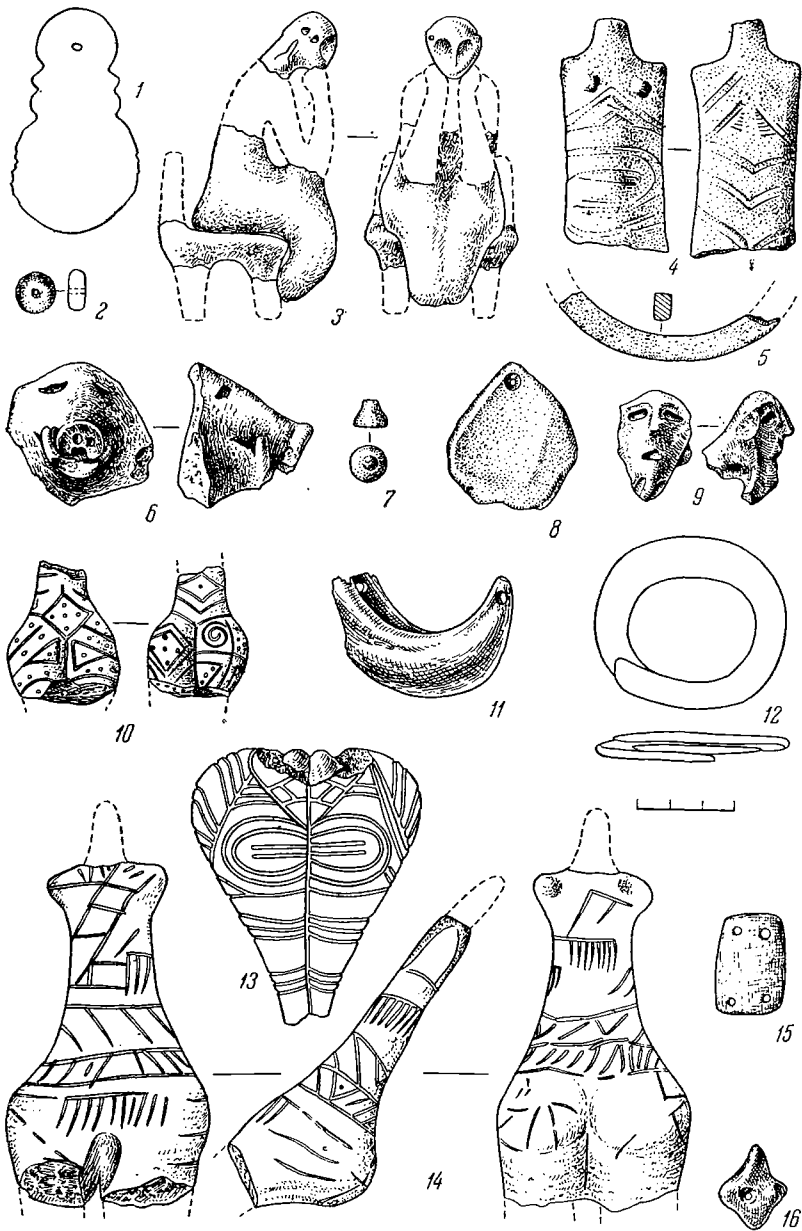

Рис. 15. Новые Русецы I. Пластика, амулеты, украшения из трипольского слоя

1—9 находки из верхнего (В) горизонта; 10—16 — находки из нижнего (А) горизонта

(рис. 15, 10, 13, 14), орнаментированные и пеорнаментированные. Орнаментированные статуэтки покрыты в большинстве случаев богатым узором, в который почти всегда всегда входит ромб, расположенный в нижней части живота и символизирующий засеянное поле²⁰. Изображение ромба насчитывает не менее семи вариантов, реже он бывает расположен на спине или ягодицах. На одной из статуэток (рис. 14, 10) в нижней части

²⁰ Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита. СА, 1965, № 1, стр. 32.

живота и на правой ягодице изображено по одному ромбу с пятью круглыми ямками, третий ромб с одной ямкой изображен на спине. В отличие от большинства статуэток, у которых одинаковый орнамент расположен на обеих ягодицах (всего насчитывается до восьми разных узоров), на этой статуэтке левая покрыта иным узором. Привлекает особое внимание статуэтка, найденная на дне большой землянки (рис. 14, 14). Крупная статуэтка с подчеркнутой стеатологией покрыта сплошь сложным нарезным орнаментом, в нижней части живота косыми штрихами изображен передник, выше — горизонтальная лента-пояс со штрихами, диагональная лента пересекает грудь, кончаясь на левом плече. На спине вертикальными штрихами изображен шарф или накидка. В углублениях резных линий четко видны следы белой инкрустации. В некоторых случаях в разбитых статуэтках обнаружены специально вложенные в брюшную полость глиняные катыши, символизирующие собой зародыш (рис. 14, 13). В другом случае виден отпечаток какого-то крупного семени (скорее всего, косточкового).

Статуэтки из Луки-Врублевецкой, как известно, содержат в глиняном тесте пшеничные зерна²¹. Женские статуэтки с внешними признаками беременности и с заложенными внутрь зародышами в виде глиняных катышей или зерна и других семян, на наш взгляд, необходимо отнести к весеннему циклу обрядов, связанных с воскрешением природы и началом засева полей.

Украшения (амулеты) представлены подвесками из цельных клыков кабана с отверстиями на обоих концах (рис. 15, 11), клыками хищников с просверленной на альвеолярной части, прямоугольными пластинками из кости и эмали клыков кабана с отверстиями по углам (рис. 15, 15), глиняными бусами, дисками с двумя и четырьмя отверстиями, глиняной подромбовидной подвеской (рис. 15, 16), сарматской улиткой с просверленной, дисками-пряслицами из черепков.

Большинство украшений находит аналогии в материалах Луки-Врублевецкой²², прямоугольные пластинки с отверстиями по углам найдены и в Карбунском кладе²³. Диски-пряслица из черепков с просверленной — в Луке-Врублевецкой, Ленковцах, Извоаре и др.

К находкам из меди относятся: рыболовный крючок (рис. 12, 26, 24)²⁴, пробойник (рис. 12, 24), браслет (рис. 14, 12), проколка (рис. 12, 27) узкая полоска и два мелких кусочка меди — отходы.

Большинство аналогий материалам нижнего горизонта трипольского слоя поселения Новые Русешты I имеется в комплексах поселений Ленковцы, Лука-Врублевецкая, Извоаре (слой II₁) и Хэбэшешть, однако расписная керамика этого слоя аналогична найденной в Извоаре (II₁) в сочетании с керамикой с полихромной росписью, характерной для этапа В₁ трипольской культуры. Это позволяет считать его более поздним, нежели поселения Ленковцы и Лука-Врублевецкая, и предшествующим комплексам Хэбэшешть и Извоаре II₁, и отнести его к самому концу раннего триполья — переходу к этапу В₁. Судя по гумельницкому импорту, комплекс можно отнести ко второй половине IV тыс. до н. э. По радиоуглеродному методу возраст раннетрипольского горизонта 3620 ± 100 лет до н. э.²⁵ Верхний горизонт трипольского культурного слоя датируется началом этапа В₁ триполья.

²¹ С. Н. Бибииков. Поселение Лука-Врублевецкая..., табл. 77, 78.

²² Там же, табл. 71.

²³ Г. П. Сергеев. Раннетрипольский клад у с. Карбуна. СА, 1963, № 1, рис. 9, 3, 5.

²⁴ Подобный крючок найден в Солопчанах (Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья. МИА, № 84, 1961, стр. 64, рис. 13, 3).

²⁵ Датировка Берлинской лаборатории.

В западной части раскопа расположена глинобитная площадка 4×5 м (рис. 11, 2); она частично перекрывает большую раннетрипольскую землянку. Глинобитная обмазка пола однослойная, с примесью соломы, с нижней стороны прослежены отпечатки кругляка диаметром 10—14 см, он был уложен поперек жилища в направлении ЮЗ—СВ. Обжиг обмазки слабый, цвет коричневатый. В жилище был сооружен открытый очаг с бортиками из глины. В нем найдены остатки второго очага более плохой сохранности. На полу лежали разбитый крупный сосуд-зерновик, фрагменты нескольких сосудов с углубленным орнаментом и 12 полихромных обломков от трех сосудов. Вторая площадка раскопана частично, сохранность ее плохая, но прослежена та же система сооружения (рис. 11, 2).

Основная масса находок располагалась вокруг площадок. Большинство орудий труда однотипны с найденными в нижнем горизонте трипольского слоя. Кремневые орудия изготовлены из местного (рис. 13, 7, 9, 11) и добружского кремня (рис. 13, 8, 10, 12). Шлифованные топоры и тесла, как и в нижнем горизонте, в большинстве случаев со следами заполировки на обухной части; особо четко это просматривается на небольшом тесле (рис. 12, 28).

Орудие из оленьего рога для обработки почвы найдено около площадки 1 вместе с четырьмя турьими рогами.

Особенно много орудий из лопаток (рис. 12, 16)²⁶, найдены также отжимники (рис. 12, 14), проколки, пластинки с боковым ушком из оленьего рога, мотыги.

Керамика делится на три группы. Первые две аналогичны найденным в нижнем горизонте трипольского слоя поселения. В группе кухонной керамики встречаются широкоустые горшки с пальчатым заглаживанием тулова и рядом налепов в верхней части, представляющих, возможно, сильно стилизованные человеческие фигуры с распростертыми руками (рис. 14, 7). К этой же группе керамики относятся воронкообразные «дуршлагы» с мелкими сквозными отверстиями в стенках и большим отверстием в сужающейся части (рис. 14, 6). Такие сосуды встречены и в предшествующем слое (рис. 13, 13). На наш взгляд, эти сосуды — дымари-курильницы, ими накрывались горящие угли, на которые через большее отверстие бросали смолу, сырые стружки или другое дымообразующее вещество. Аналогичной формы сосуды встречаются на памятниках культуры Салкуца и Боян.

В группе серой столовой керамики с примесью шамота кроме форм, встреченных и в нижнем слое, найдены фрагменты песколых антропоморфных сосудов. Большинство из них орнаментировано каннелюрами, проглаженными линиями, рядами округлых ямок. На некоторых ленты, ограниченные ямками и окрашенные в красный цвет. Один из сосудов полностью реставрирован (рис. 14, 1).

Он воспроизводит две женские фигуры, соединенные спинами. Нижняя часть усеченно-копическая, разделена на две одинаковые половины вертикальными желобками, на краях которых наклеплено по два бугорка, изображающих колени. Бедренная часть представлена двумя симметричными выпуклыми зонами округлых мягких очертаний, образующих в месте соединения углы, соответствующие нижней части живота. Верх сосуда (торс) усеченно-конический, венчик несколько отступает, образуя выступ, на который ложились края крышки. В верхней части симметрично расположены две ручки, изображающие плечи, в них проделаны сквозные отверстия. Плечи общие для обеих фигур. У каждой из них груди изображены парными маленькими налепами. Нижняя часть орна-

²⁶ По определению Г. Ф. Коробковой, они использовались для обработки кожи.

ментирована углубленными линиями и круглыми ямками, средняя и верхняя — каннелюрами, рядами округлых ямок и красной краской. В нижней части живота на каждой фигурке изображено по одному ромбу. У верхнего края ромба одной из фигур нанесено по три параллельных линии, состоящие из ямок, у второй — одна.

Две женские фигурки на этом сосуде, может быть, изображают двух богинь трипольского пантеона.

Третья группа керамики представлена сосудами из тонкоотмученной глины с хорошо залощенной поверхностью, их цвет — оранжевый или желтый, обжиг хороший, окислительный при температуре не менее 750° С. В основном орнамент меандровый, реже — спиральный, нанесен красной или черной краской, иногда обе краски сочетаются, фон оранжевый. Часто сосуды расписаны и снаружи, и изнутри. На ряде фрагментов роспись смыта. По форме — это широкогорлые горшочки (рис. 14, 9, 11, 14), чаши (рис. 14, 13), сосуды на полых подставках, ложки (рис. 14, 8). Два сосуда зооморфные, от одного сохранилась голова вепря (рис. 15, б), от другого — задняя часть птицы. Изредка орнамент комбинированный: углубленный и с росписью по оранжевому фону (рис. 14, 12). Антропоморфные сосуды иногда расписные (рис. 14, 10), аналогичны сосудам из Хэбэшешть²⁷.

Расписная посуда верхнего слоя Новых Русешт также аналогична найденной в Хэбэшешть, Извоаре (II)²⁸, Сабатиновке²⁹, и сопровождается керамикой с углубленным орнаментом.

В верхнем трипольском горизонте найдены фрагменты сосуда неместного происхождения: глиняное тесто с большим количеством песка, по затертой графитом поверхности нанесена роспись густой графитной краской; сосуд является импортом из района гумельницкой культуры³⁰.

Антропоморфные статуэтки верхнего слоя разнотипны, зооморфных мало. В отличие от нижнего трипольского горизонта в верхнем найдены фрагменты и мужских статуэток, среди них — головка мужской статуэтки с реалистично моделированным лицом (рис. 14, 9). Особый интерес представляет обломок нижней части сидящей статуэтки, у которой на коленях сохранились следы локтей. Верхняя часть утрачена. Она такая же, как и статуэтка из нижнего трипольского слоя, что позволяет ее реконструировать. В статуэтке заметно влияние гумельницкой пластики («мыслитель»), но выполнена она в более статичной манере, присущей в целом трипольской пластике (рис. 14, 3).

Украшения аналогичны найденным в предыдущем слое. Исключение представляют подвеска из яшмовой гальки (рис. 14, 8) и фрагмент каменного браслета неместного происхождения (рис. 14, 5). Подвеска из гальки имеет аналогии среди материалов поселений буго-днестровской культуры у с. Сороки. Аналогии камешному браслету известны на поселениях майкопской культуры Мешоко³¹, Замок³².

В верхнем слое найдено семь медных поделок — рыболовный крючок (рис. 12, 22), обломок стержня (рис. 12, 21), кусочек проволоки (рис. 12, 20), проколка (рис. 12, 23), шило (рис. 12, 19), пробойник,

²⁷ V. Dumitrescu. Указ. соч., табл. СІХ.

²⁸ R. Vulpe. Izvoare Biblioteca arheologica, t. I. București, 1957, стр. 133—175.

²⁹ П. Добровольский. Перше Сабатинівське поселення. А П, т. IV, Київ, 1952, табл. II, 1—3.

³⁰ Н. Я. Мерперт, любезно осмотрев фрагменты керамики, сообщил, что керамика такого характера им найдена в теллях Болгарии в гумельницких слоях.

³¹ А. А. Формозов, А. Д. Столяр. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае. СА, 1960, № 2.

³² А. П. Рунич. Указ. соч.

антропоморфный плоский амулет (рис. 14, 1), аналогичный найденным в Карбунском кладе³³; кроме того, найдено два мелких обреза медь.

Единичные фрагменты расписной керамики, сопровождающие Карбунский клад, аналогичны по своей фактуре и росписи найденным в нижнем горизонте трипольского слоя Новых Русешт. В свою очередь в Новых Русештах плоская антропоморфная медная подвеска найдена рядом с площадкой 1 в горизонте, датируемом началом этапа В₁ трипольской культуры. Таким образом, Карбунский клад следует датировать самым концом раннего триполья (этап А) — началом среднего (этап В/1).

С другой стороны, обилие медных поделок на синхронных поселениях, таких, как Карбуна, Хэбэшепть, Новые Русешты и др., находящихся в зоне контакта с гумельницким миром, и их малочисленность на более отдаленных памятниках, таких, как Лука-Врублевецкая, Ленковцы и др., указывают на возросший к этому времени приток меди с юга Балканского полуострова, которая в первую очередь появлялась у ближайших соседних племен.

Материалы раскопок поселения Новые Русешты свидетельствуют о широких межплеменных связях в трипольское время с Балканским полуостровом, с гумельницкими племенами и памятниками майкопской культуры. На поселении Замок, где имеется аналогия каменному браслету из Новых Русешт, найдены также пластинчатые поделки с боковым ушком, известные и в материалах из Новых Русешт. Фрагмент остродонного сосуда из нижнего горизонта трипольского слоя указывает также на восточные связи.

Набор орудий, пластика, остатки фауны и флоры свидетельствуют о том, что основными занятиями жителей поселения в трипольское время были земледелие, скотоводство, охота, собирательство и в меньшей степени рыболовство. Непрерывность в жизни поселения в трипольское время дает возможность исследовать наименее изученный период перехода от раннего к среднему этапу трипольской культуры во второй половине IV тыс. до н. э.

---

³³ Г. П. Сергеев. Указ. соч., рис. 9, 3, 5.

А. П. КУСУРГАШЕВА

АНТРОПОМОРФНАЯ ПЛАСТИКА
ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ НОВЫЕ РУСЕШТЫ I

При раскопках поселения Новые Русешты I¹ в двух слоях трипольского времени найдено 114 фрагментов глиняных антропоморфных статуэток.

Как и на других раннетрипольских поселениях, глиняная антропоморфная пластика здесь крайне фрагментарна. Наибольшую группу фрагментов (69) составляют обломки нижних частей фигурок, меньше торсов (36), сохранившихся целиком или с небольшими сколами. Девять фигурок — почти целые, по ним можно судить о форме статуэток. Это, как правило, женская фигурка высотой 10—15 см, с ярко выраженной стеатопигией. Шея сливается с головой, образуя удлинённый конус, на котором иногда вертикальным защипом намечено лицо. Плечи переданы небольшими горизонтальными выступами, руки обычно не проработаны². Талия подчеркивается переходом торса в утрированно выпуклые бедра. Ноги, обычно вытянутые и плотно сомкнутые, завершаются конически. Груды переданы небольшими налепами, в ряде случаев вообще отсутствуют. Гипертрофированная форма грудей, в отличие от синхронных восточных статуэток, в раннетрипольской пластике никогда не встречается. Но принадлежность к полу у фигурок достаточно ярко подчеркнута.

Коллекция пластики из Новых Русешт делится на две группы:

1. Мужские изображения — 3 фрагмента.
2. Женские изображения — 109 фрагментов.

В каждой из групп выделяются два типа: А — орнаментированные фигурки; Б — неорнаментированные фигурки.

Статуэтки типа А делятся на два подтипа: а — фигурки с сомкнутыми ногами, украшенные линейным прочерченным орнаментом; б — фигурки с разомкнутыми ногами, орнаментированные отрисками зерен. Тип Б в Новых Русештах представлен одним подтипом — с₁. Это женские фигурки, стеатопигичные, с проработанным торсом и плечами, с сомкнутыми ногами, поверхность их заглажена (рис. 16)³.

Особо выделяется фигурка сидящего человека без признаков пола, без стеатопигии, реальных пропорций, ноги резко согнуты в коленях. Выделяются также две шаровидные головки с реалистично проработанными лицами, одна из них с бородой.

Подобное же типологическое разделение антропоморфной пластики

¹ В. И. Маркевич. Многослойное поселение Новые Русешты I (см. стр. 56—58 настоящего выпуска).

² С. Н. Бибикив убедительно доказывает, что плечевые выступы трактуют руки, согнутые в локтях и сложенные кистями на груди (С. Н. Бибикив. Поселение Лука-Врублевская. МИА, № 38, 1953, стр. 228—236, табл. 73—76).

³ По нашей классификации в коллекциях раннетрипольской пластики тип Б подразделяется на три подтипа с, с₁ и d. В рассматриваемом памятнике подтипы с и d отсутствуют.

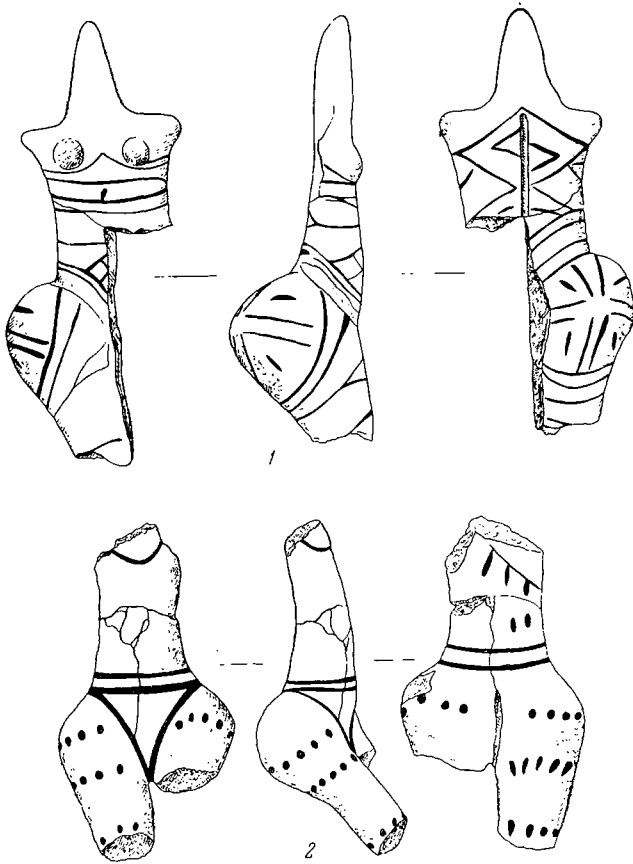

Рис. 16. Новые Русецы I. Основные типы и подтипы женских антропоморфных статуэток

1 — статуэтка подтипа — а; 2 — статуэтка подтипа — б; 3 — статуэтка подтипа — с; 4 — фрагменты статуэток с «желваками»

наблюдается во всех крупных ранне трипольских коллекциях пластики на Днестре⁴.

При исследовании женских статуэток наиболее удобно оперировать категориями подтипов (а, б, с₁).

Для статуэток подтипа а (57 фрагментов) характерны удлиненные пропорции торса, ярко выраженная стеатопигия. Прочерченный орнамент строго локализован на определенных частях тела фигурки (рис. 16, 1). Плечи всегда свободны от орнамента. Под грудью прочерчен угол вершиной вверх, на туловище спереди иногда проходят горизонтальные параллельные линии, как бы «бинтующие» торс, но чаще на животе расположена простая или встречная спираль. Внизу живота помещен ромб в различных вариациях. На бедренной части ног обычны косые линии,

⁴ Лука Врублевская, коллекция хранится в МАЭ (Ленинград). Опубликовано в значительной части С. Н. Бибиковым (см. С. Н. Бибиков. Указ. соч.); Берново-Лука, коллекция хранится в Гос. Эрмитаже, частично опубликована Т. С. Пассек («Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья». МИА, № 84, 1961); Голерканы, коллекция хранится в ин-те истории Академии наук МССР, частично опубликована Т. С. Пассек («Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья»); Ленковцы, коллекция хранится в Черновицком краеведческом музее, частично опубликована Е. К. Черныш («Раннетрипольские поселения Ленківці на Середньому Дністрі». Київ, 1959); Александровка, коллекция хранится в Одесском Археологическом музее (А. Л. Есипенко. Памятник ранней поры Триполья. КСИА, АН УССР, вып. 4, 1955).

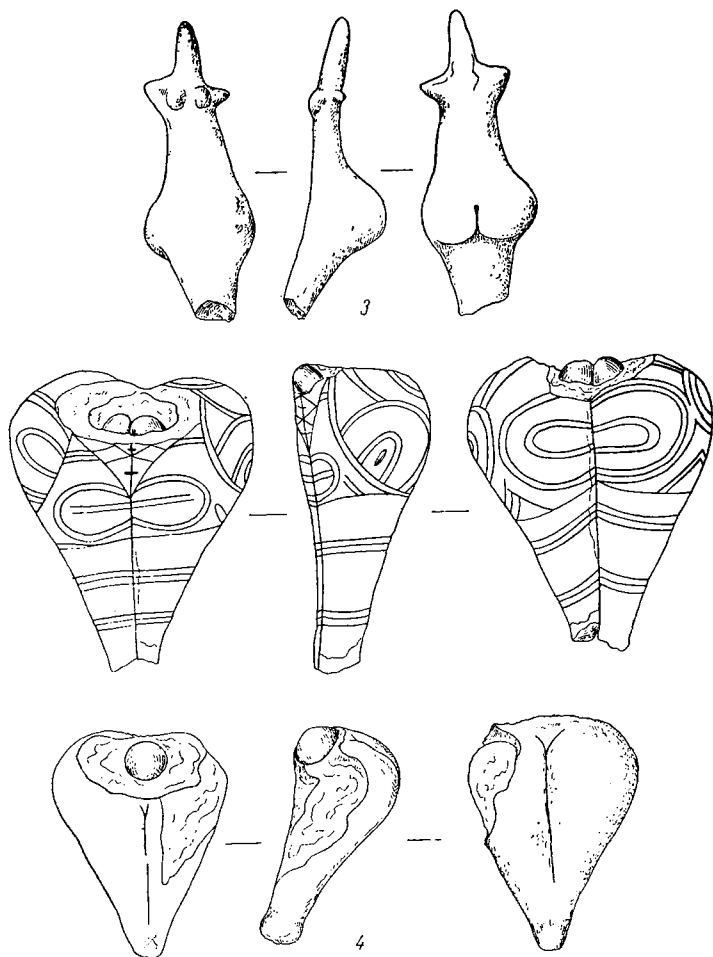

Рис. 16 (окончание)

раздваивающиеся паверху, длинные криволинейные полуovalы. Ноги от колена до стопы покрывают горизонтальные линии, иногда парные. Сзади на ногах прочерчены те же косые и горизонтальные параллельные линии, на спине обычна ромбовидная фигура с незамкнутыми углами. Нижние стороны ромба многократно подчеркнуты параллельными прямыми, образующими перевернутый елочный узор. Такова общая схема расположения орнаментальных элементов на теле статуэтки. Это только схема, включающая в ряде случаев большое число деталей, по устойчивости основных ее элементов бесспорна. Тем явственней выступает разнообразие основных орнаментальных фигур, расположенных на ягодицах. Оно не может быть объяснено небрежностью исполнения одного и того же рисунка. Это принципиально различные фигуры: ромб, крест, спираль, радиальная штриховка и т. д. На поселении Новые Русешты насчитывается девять видов таких орнаментальных фигур. Устойчивость их на всех раннетрипольских памятниках Поднепровья указывает на определенную традиционность, обусловленную особым смысловым значением этих фигур. В связи с этим можно подвергнуть сомнению установившееся мнение о сидячей или полусидячей позе раннетрипольских статуэток. Вряд ли имело смысл закрывать орнамент, несущий определенную смысловую нагрузку.

Подтип *b* немногочислен — 13 фрагментов. Характерные черты фигурок этого подтипа: всегда разомкнутые ноги, отсутствие грудей, отсутст-

вие ромба в нижней части живота (рис. 16, 2). Орнамент строго локализован: пояс на талии, угол в нижней части живота, часто ряды из оттисков зерен или углублений, опоясывающих бедренную часть ног.

На спине характерна диагональная линия, от которой отходят короткие параллельные штрихи. Этот элемент не всегда присутствует на фигурках подтипа *b*, но никогда не встречается в других подтипах. Различные комбинации из углублений, имитирующих зерна, располагаются на ягодицах и бедренных частях ног. Торс спереди свободен от орнамента.

Многочислен подтип пластики *c1*, к которому относятся статуэтки, полностью лишенные орнамента (40 фрагментов). Изредка встречающийся угол в нижней части живота и линия, разделяющая сомкнутые ноги, подчеркивают естественные линии тела и к орнаменту отнесены быть не могут. Моделировка женских статуэток близка подтипу *a* (рис. 16, 3). Но у статуэток этих часто встречаются уплощенные, а порой и хорошо проработанные стопы ног.

Отдельно рассматривается крайне редко встречающаяся в раннем триполье сидящая фигурка реальных пропорций с подогнутыми ногами (рис. 17, 1). Признаки пола отсутствуют, руки были положены кистями на колени или уперты локтями в колени. Поза этой фигурки обязательно предполагает подставку или стул. Аналогией этой статуэтке может послужить фигурка из Вулканешт⁵, скульптура Хаманджии⁶; подобный фрагмент есть в коллекции из Луки-Врублевецкой⁷. Можно предположить, что столь же редко встречающиеся на раннетрипольских поселениях головы с реалистически проработанными лицами относятся к статуэткам этого типа. На поселении Новые Русешты найдены две хорошо моделированные головы (рис. 17, 2). Одна из них шаровидная, из желто-серой комковатой глины; небольшой прямой нос формован защипом, причем от вдавления пальцев образовались плоскости щек и глазные впадины с нависающими надбровными дугами, глаза и рот не намечены, уши со сквозными проколами слегка оттянуты по краям лица. Другая голова — мужская; удлиненное лицо, крупный прямой нос, широко открытый рот и развевающаяся борода, переданная глубокими мягкими вертикальными бороздками, очень выразительны. Особая посадка головы, как бы напряженно подавшейся вперед, придает изображению динамичность, крайне редкую для пластического искусства того времени, монументального и статичного даже в малых формах. Фигурки эти благодаря естественности позы и реалистичности исполнения резко отличаются от статуэток канонических и представляют особую струю в пластике того времени.

Мужские статуэтки представлены вышеупомянутой бородатой головой, сидящей фигурой с широко разведенными ногами, украшенной оттисками зерен на спине и плечах, и неорнаментированной стоящей фигуркой (рис. 17, 4).

Исследование пластики Новых Русешт из двух стратиграфических горизонтов, относящихся к триполью, показало, что большого различия между статуэтками из этих слоев нет. Впрочем, остальной материал из трипольских слоев и наблюдения в поле также свидетельствуют о том, что перерыва в жизни трипольского поселения не было, а два трипольских горизонта представляют единый период, причем довольно краткий⁸. Однако он особенно интересен как период переходный от раннего этапа (А) к среднему (В/І). Как и в керамике, в пластике здесь намечается определенная эволюция, засвидетельствованная появлением фрагмента

⁵ Т. С. Пассек и М. М. Герасимов. Новая статуэтка из Вулканешт. КСИА, вып. 111, 1967.

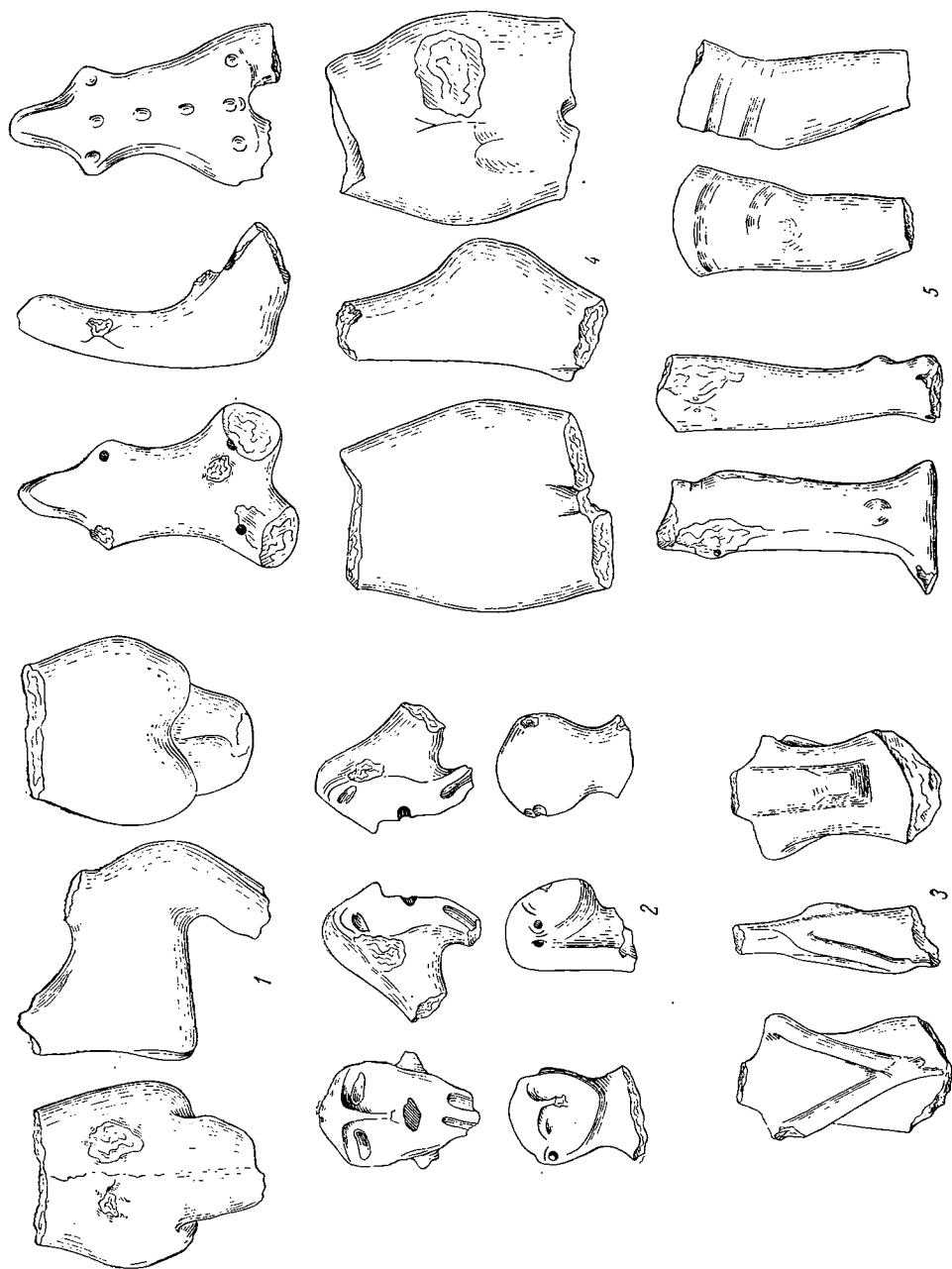
⁶ D. Berciu. Contribuți la problemele neoliticului în România în lumina noilor cercetări. București, 1961, стр. 116, рис. 11; стр. 511, рис. 275.

⁷ Н. С. Бибииков. Указ. соч., стр. 376, табл. 84 (изображение перевернуто).

⁸ В. И. Маркевич. Указ. соч.

Рис. 17. Новые Русешты I.
 Антропоморфные статуэтки с
 индивидуальными чертами
 1 — сидящая статуэтка; 2 — антропо-
 морфные головки с реалистически
 проработанными лицами; 3 — стату-
 этка с рельефно проработанными ру-
 ками; 4 — мужские фигурки; 5 — фраг-
 менты статуэток с проработанными
 стопами ног.

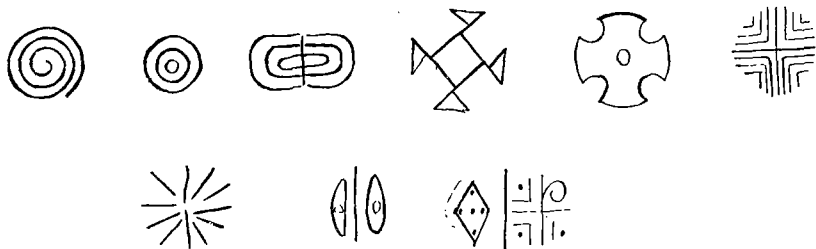

Рис. 18. Новые Русешты I. Схема основных орнаментальных узоров на ягодичной части фигурок, подтип *a*

статуэтки со следами краски, находкой одного фрагмента ноги с прекрасно моделированной стопой, что характерно для позднейшего времени, в нескольких случаях изменением состава глиняного теста и, что особенно интересно, изменением количественного соотношения различных подтипов пластики.

Нижний горизонт начинается с глубины 0,6 м от поверхности. Ему соответствуют две землянки. Пластика этого слоя представлена 63 фрагментами светлой, серо-желтой глины с примесью шамота и песка. Из них 36 относятся к подтипу *a*. На 26 фрагментах статуэток на ягодичной их части выявляются девять типов орнамента (рис. 18): спираль на каждой ягодице (7 фрагментов), полуовалы (5 фрагментов), «мальтийский» крест (4 фрагмента), сложная комбинация с центральным рисунком в виде ромба (3 фрагмента), радиальная штриховка (3 фрагмента), простой крест с вписанными в каждый сектор углами (1 фрагмент), вписанные концентрические круги (1 фрагмент), рисунок в виде вертикальной линзы или зерна с кружком или полукругом в центре (1 фрагмент). Интересно в одном случае сочетание разных рисунков: ромба на одной ягодице и креста в сложной комбинации — на другой. Такое соотношение орнаментальных типов не абсолютно, так как памятник не вскрыт полностью и следует принять во внимание элемент случайности находок; однако в верхнем горизонте, где присутствует тот же элемент случайности, оно существенно меняется. При рассмотрении подтипа *a* нижнего горизонта особо следует выделить фрагмент крупной статуэтки (высота сохранившейся части 9 см, ширина в бедрах 7,3 см) с орнаментацией встречными полуовалами на ягодицах и на передних бедренных частях ног (рис. 16, 4). В горизонтальном верхнем изломе этого фрагмента четко видны два яйцевидных глиняных «желвака» (диаметром около 1 см), плотно вложенные рядом в массу фигурки внутри нижней части живота. Такой же глиняный яйцевидный «желвак», но уже один, встречен в области нижней части живота и во фрагменте неорнаментированной статуэтки (подтип *c*₁) из этого же нижнего горизонта поселения (рис. 16, 4).

Очевидно, оба подтипа *a* и *c*₁ объединялись единым смыслом — изображением женщины, носительницы будущей жизни. «Зерно жизни» — зародыш в форме глиняных катышей, специально изготовленных и, очевидно, отдельно подсушенных, а затем вложенных в тело женской статуэтки, поддерживало эту идею. Дифференциация же, выражающаяся в наличии или отсутствии орнамента на статуэтках, происходит уже внутри этого образа.

К подтипу *b* относятся 9 фрагментов статуэток из нижнего горизонта. Одна фигурка сохранилась довольно полно и является типичной для своей группы (рис. 16, 2).

Как исключительное явление следует отметить на одном из фрагментов наличие грудей-налепов.

Неорнаментированные статуэтки (подтип c_1) представлены 17 фрагментами. Одна сохранилась довольно полно. Следует выделить вышеупомянутый фрагмент с яйцевидным глиняным катышем внутри в области живота, а также 2 фрагмента нижней части статуэток с уплощенным окончанием ног; здесь видна попытка моделировать стопы ног. В нижнем горизонте найден также упоминавшийся уже фрагмент шаровидной головки с реалистично переданным округлым лицом (рис. 17, 2).

Верхний горизонт — от уровня поверхности до глубины 0,6 м — особенно богат находками. К нему относятся два наземных жилища с глинобитным полом, причем одно из них частично перекрывает раннетрипольскую землянку. Антропоморфная пластика этого слоя представлена 51 фрагментом, они почти не отличаются от найденных в предшествующем слое. Однако примеси в массе статуэток из верхнего слоя менее грубые, глина более тонко отмучена. Среди подъемного материала есть два фрагмента ноги из тонкой оранжевой глины с моделированной стопой и коленом, относящиеся к позднему периоду жизни трипольцев и подтверждающие эволюцию пластики на этом поселении (рис. 17, 5). Кроме того, меняется количественное соотношение подтипов пластики.

К подтипу *a* относится 21 фрагмент из верхнего слоя. На нижних частях статуэток, на ягодицах представлено четыре типа орнамента. Это продолжающие орнаментальную традицию нижнего горизонта встречные вписанные полуovalы — четыре фрагмента, «мальтийские» кресты — два фрагмента, радиальная штриховка — один фрагмент. В одном случае редкое сочетание крестообразной фигуры на одной ягодице со сложным комбинированным узором — на другой.

Подтип *b* пластики представлен всего пятью фрагментами.

Самыми многочисленными для верхнего горизонта являются неорнаментированные статуэтки (подтип c_1) — 23 фрагмента. Четыре из них сохранились наиболее полно и представляют женскую фигурку, типичную для пластики раннего триполья.

Следует остановиться на фрагменте торса из темно-серой глины с обломанной головой. Поверхность тщательно продольно заглажена. Спереди рельефом проработаны руки, опущенные вниз и сомкнутые кистями в нижней части живота — жест наиболее часто встречаемый на фигурках с рельефно моделированными руками (рис. 17, 3). На спине плоским рельефом передана широкая вертикальная полоса со значительным утолщением внизу. Так могла быть трактована прическа с тяжелым узлом волос на спине. Есть более поздние аналогии этой прическе, воспроизведенной также в низком рельефе и подчеркнутой росписью в коллекциях пластики из поселений Владимировка, Сушковка, Кошиловцы. Очевидно прическа эта традиционная, так как она переживает ранний и средний этапы культуры.

При сравнении антропоморфной пластики из нижнего и верхнего горизонтов поселения выявляется значительное изменение в количественном соотношении подтипов *a* и c_1 . Если в нижнем горизонте преобладают орнаментированные статуэтки (a — 58%, c — 27%), то в верхнем горизонте это соотношение меняется (a — 43%, c — 47%). Орнаментированные статуэтки уступают место неорнаментированным. Внутри первой группы соответственно сокращается количество видов орнамента на ягодичной части фигурок. Из девяти видов нижнего горизонта продолжают существовать только четыре. Причем самый распространенный в нижнем горизонте спиральный орнамент исчезает в верхнем горизонте. Наряду с ним пропадают изображения ромба в качестве центральной фигуры композиции на ягодицах, изображение концентрических вписанных кругов вертикальной линзы, простого креста с вписанными углами в секторах. Даже с учетом элемента случайности, можно уловить тенденцию к деградации подтипа *a* и возрастанию значения подтипа c_1 .

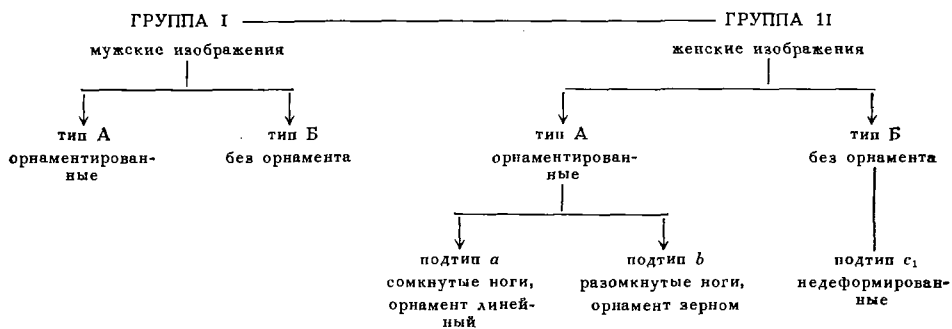
Коллекция антропоморфных глиняных статуэток из поселения Новые Русешты дает в целом представление, подкрепленное аналогиями из всех раннетрипольских поселений на Днестре, об основных образах раннетрипольской пластики, соответствующих выделенным трем подтипам.

Большинство антропоморфных статуэток из Новых Русешт (80%; приблизительно такой же процент и в других раннетрипольских памятниках, кроме Александровки и Сабатиновки), слеплено из двух вертикальных зеркальных половин, скрытых толстым слоем обмазки. Эту особенность отметили еще О. Г. Котова⁹ и С. Н. Бибиков¹⁰. Технологически это неудобно, так как отдельные части фигур, особенно торсы, достаточно тонко моделированы и такая конструкция только усложняет производственный процесс. Тем не менее этот прием можно назвать традиционным, так как он очень прочен не только в пластике раннего триполья, но переходит и в пластику последующих этапов культуры. Устойчивость сложной конструкции, не оправданной технологическими требованиями, должна объясняться особым смысловым содержанием.

Можно предположить, что две зеркальные половины, составляющие фигуру с зерном жизни внутри, содержат идею единения двух начал, необходимого для зарождения будущей жизни.

Характерно, что указанные конструктивные особенности спрятаны от глаз, закрыты обмазкой, смысл их таится внутри образа женской фигуры, он известен только мастеру, изготовлявшему ее. Это подчеркивает магическое назначение статуэток, а также указывает на таинство особых магических обрядов, связанных с их изготовлением.

Схема классификации статуэток из Новых Русешт

⁹ О. Г. Котова. Доисторическая культура в Моравии. «Изв. ГАИМК», т. V, 1927.

¹⁰ С. Н. Бибиков. Указ. соч., стр. 205.

Е. К. ЧЕРНЫШ

ТРИПОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ СОРОКИ-ОЗЕРО

В 1967 и 1968 гг. Молдавская экспедиция проводила раскопки нового трипольского поселения в 4 км к юго-востоку от г. Сороки¹. Поселение Сороки-Озеро расположено на правом берегу Днестра на высокой пойме, периодически заливаемой водой. Находки на поверхности земли отсутствуют, поэтому для выяснения характера культурного слоя были заложены две траншеи шириной 1 м. Траншея I протянулась с севера на юг на 52 м, траншея II — с запада на восток на 30 м. Памятник оказался многослойным. Были открыты следы поздненеолитического поселения, трипольского поселения, поселений времени развитой бронзы, раннеславянского времени, каменные фундаменты и ямы XVI—XVII вв. Лучше других сохранилось трипольское поселение, при исследовании которого обнаружено несколько строительных горизонтов.

Наиболее древними жилищами являются небольшие полуземлянки неправильно-овальной формы, величина поперечника которых варьирует от 2,5 до 3,5 м. Обе траншеи пересекли несколько полуземлянок. Наиболее интересной из них является жилище 2 (рис. 19). Углубление, вырытое в суглинке, имело неправильную форму. Диаметр ямы 3,5 м. Дно неровное. С западной стороны сделан небольшой подбой в крутой стене жилища, с восточной стороны имеется пологий спуск-вход. Удалось проследить следы трех наводнений, во время которых в углублениях пола отложились наносные слои, насыщенные зеленоватым илом. Особенно четко эти прослойки, разделяющие культурные напластования трипольского времени, видны в двух контрольных бровках (рис. 20). После того как вода спадала, население возвращалось в свои жилища. Над каждым слоем наносных отложений зафиксирован горизонт с зернотерками, крупными мисками и горшками, нуклеусами и инструментами из камня, кости и рога. Всего таких горизонтов — 5 (глубина нижнего — 2,45 м, верхнего, пятого, — 0,6—0,8 м).

На древней поверхности между полуземлянками были обнаружены открытые каменные очаги диаметром 1,7—2 м. Основание их слегка углублено в грунт (на 0,25—0,35 м). Дно очагов выложено плоскими камнями среднего размера. Как и в жилищах, в очагах наблюдаются переделки. По мере заполнения очажного углубления золой очаг делался все шире и шире. Тогда его снова закладывали камнями. В некоторых очагах имеются следы двукратных переделок. Дно очагов расчищено на глубине 1,33—1,36 м от современной поверхности, камни, связанные с последней реконструкцией, — на глубине 0,8—0,9 м. О том, что очаги функционировали одновременно с землянками, свидетельствуют не только размещение их на площади поселения и глубина залегания, но и нахождение обломков

¹ Молдавская экспедиция была организована институтом археологии АН СССР и институтом истории АН МССР. Памятник открыт сотрудником экспедиции В. И. Маркевичем.

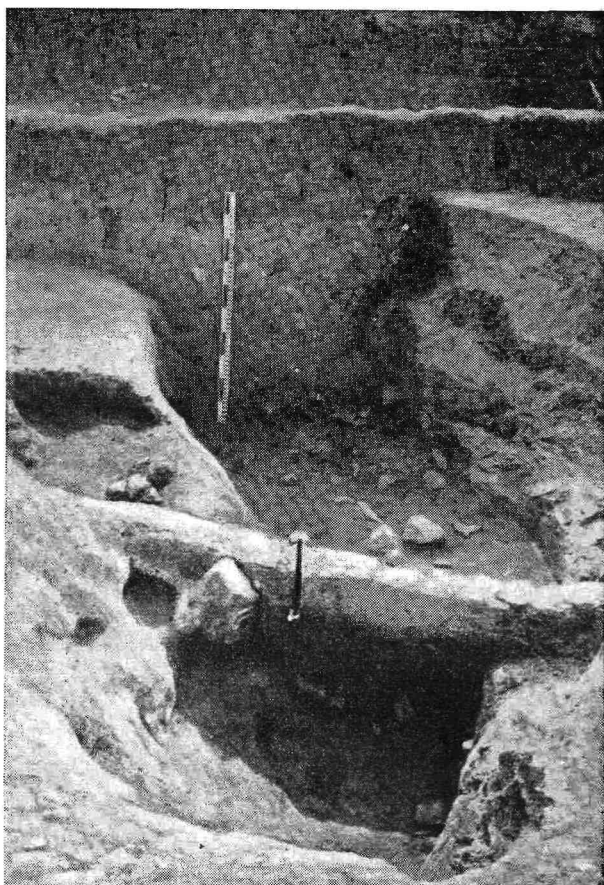

Рис. 19. Вид землянки № 2

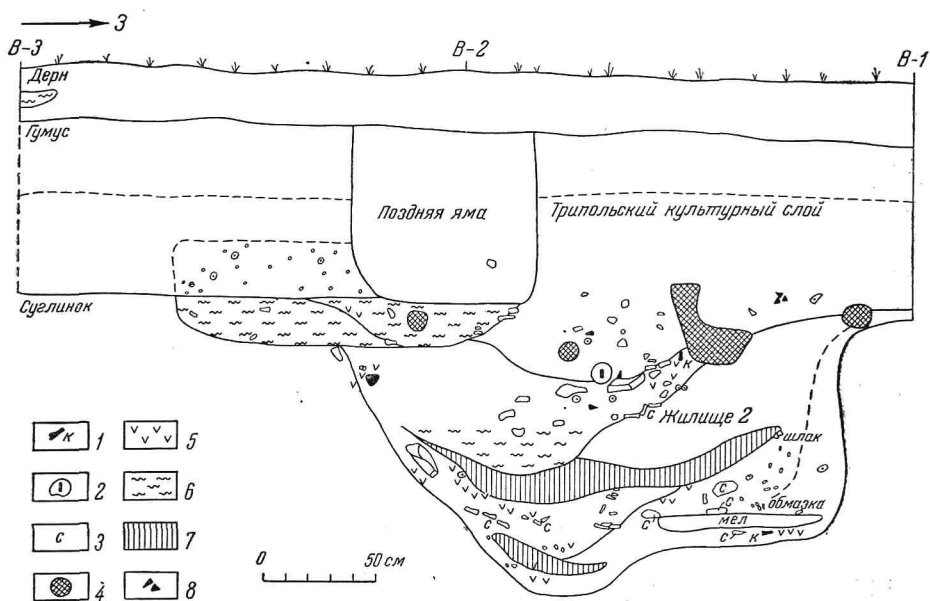

Рис. 20. Разрез землянки № 2

1 — кость; 2 — рога быка; 3 — сосуд; 4 — яма; 5 — уголь; 6 — зола; 7 — нанос; 8 — кремнь

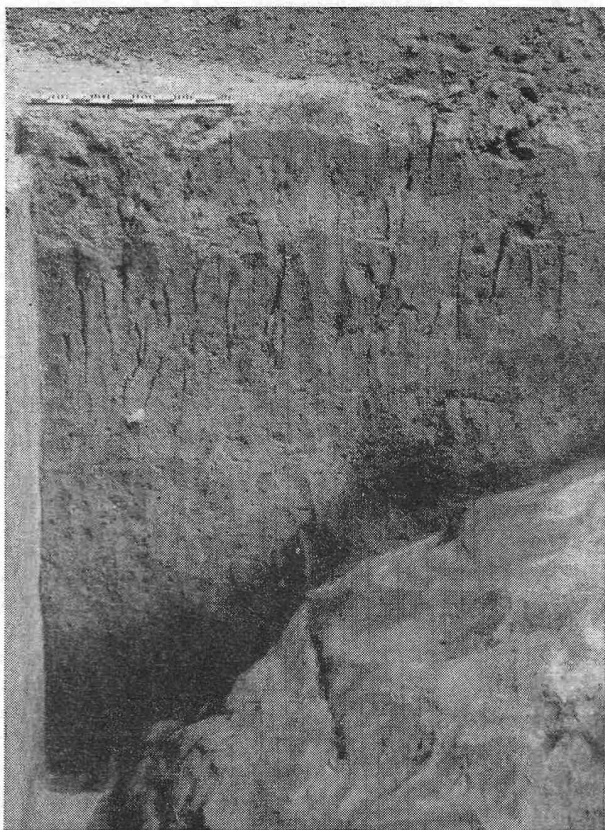

Рис. 21. Фотография трипольского рва

одного и того же сосуда на дне жилища и среди камней ближайшего очага. Кроме того, между некоторыми землянками и очагами удалось проследить древние тропинки шириной около 0,6 м. Гумусированный слой был втопан в светло-коричневый суглинок в среднем на 0,2 м. На тропинках почти не было никаких находок. В очагах, напротив, очень много различных предметов. Среди золы и угля на пережженных камнях (ракушечник) много раздавленных сосудов, обломков антропоморфных статуэток, костей животных, створок моллюсков, нуклеусов, кремневых отщепов и т. п.

С древнейшими строительными горизонтами поселения, от которых сохранились полуземлянки, следует связывать небольшую канаву и глубокий широкий ров. Северный конец канавы обнаружен у полуземлянки 4 на глубине 0,9 м. Ширина канавы — в среднем 1,1 м, глубина в древности 1,4 м (2,2 м от современной поверхности). У дна канавы сужается до 0,5 м, а местами — до 0,3 м. Она выкопана в суглинке и заполнена гумусированными отложениями с небольшим количеством мелких фрагментов керамики и раскрошенной глиняной обмозки трипольской площадки, которая находится несколько южнее канавы. Площадка относится к более позднему строительному горизонту, чем полуземлянки и канавы. Раскопки канавы только начаты, но можно предполагать, что она служила в качестве дренажа, так как полуземлянки иногда заливались водами Днестра.

На краю поселения со стороны Днестра проходил большой ров, раскопанный до середины на протяжении 8 м (рис. 21). Очевидно, ширина

его была около 8 м, глубина — не менее 2,6 м (3,8 м от современной поверхности). Довольно пологие вверху стороны рва с глубины 1 м круто спускаются ко дну. Ров был раскопан на расстоянии всего 1 м от полуземлянки 3. Судя по характеру залегания культурных напластований, ров и полуземлянки были вырыты примерно в одно время. Вопрос о назначении рва можно будет ставить после вскрытия большой площади. Подобные рвы известны на некоторых трипольских поселениях. Они являлись оборонительными укреплениями, обычно отгораживали поселок от напольной части. До сих пор рвы были известны только в поселениях на плато. В Сороках-Озере впервые открыт ров, ограждающий поселение, расположенное в низине. Был ли ров сухим или в нем находилась вода — пока не установлено. В древности ров был заброшен. В заполнении его прослежено несколько горизонтов трипольского времени (так же как на других профилях, проходящих через жилища вблизи рва).

Ко времени расцвета поселка относятся наземные дома. Глинобитные площадки, оставшиеся на месте жилищ, обнаружены в трех местах: два сильно разрушены, третья (жилище 7) сохранилась довольно хорошо. В пределах раскопа жилище вскрыто всего на 20 кв. м. Удалось обнаружить новые приемы в строительстве наземных жилищ, ранее неизвестные в Среднем Поднестровье. На участке около 9 кв. м были уложены небольшие плоские камни ракушечника (сейчас они находятся на глубине 0,5—0,6 м). Камни четко регистрируют границу жилища с северо-восточной стороны. Пространство между камнями было выровнено насыпной землей. Сверху уложена глиняная обмазка, содержащая обильную растительную примесь, и затем еще один тонкий слой обмазки, создававший гладкую поверхность пола. У северо-восточной стены находилась печь. В процессе расчистки были хорошо видны осевшие части свода и основание печи. Наружный слой глины, покрывающий печь, заходит прямо на камни фундамента и образует слегка загибающийся кверху карниз. Внутренняя обмазка печи сохранила отпечатки прутьев диаметром 3 см от каркаса, на который намазывали глину. От сильного жара в печи многие вальки глины обрели синевато-зеленоватые оттенки и ошлаковались. Обмазка, покрывавшая внешнюю сторону печи, гладкая, бледная, желтовато-зеленоватых оттенков, хорошо обожженная. Диаметр печи — 1,5 м.

В районе печи было много раздавленных сосудов. Часть из них лежала прямо на камнях. Возможно, как и в современных украинских хатах, печь имела различные полочки и ниши с наружной стороны, использовавшиеся для хранения посуды. Близ печи находилось округлое возвышение диаметром 1 м, вымощенное мелкими камнями и обмазанное глиной. Очевидно, это место, на котором занимались приготовлением пищи. Пол, стены и печь внутри дома были окрашены в коричневато-красный цвет. Много мелких обломков штукатурки лежало по всей площади жилища.

Судя по стратиграфии землянок и площадок, наземные жилища относятся к предпоследнему строительному горизонту. Заключительный этап жизни поселения снова представлен землянками. Площадки прорезаны ими в двух местах. Землянки вскрыты частично, так как находятся за пределами раскопа.

Таким образом, за два года раскопок удалось установить, что наиболее ранними жилищами поселения являлись землянки, возле которых находились каменные очаги; более поздними были глинобитные дома; самыми поздними — снова землянки. Кроме того, было установлено, что канава и ров были вырыты в начальный период создания поселка. Керамика, обнаруженная в жилищах, позволяет заключить, что поселение возникло в период расцвета трипольской культуры, в конце этапа V/II, по периодизации Т. С. Пассек, и существовало длительный отрезок времени в III тыс. до н. э. Это было время зарождения новых черт в материаль-

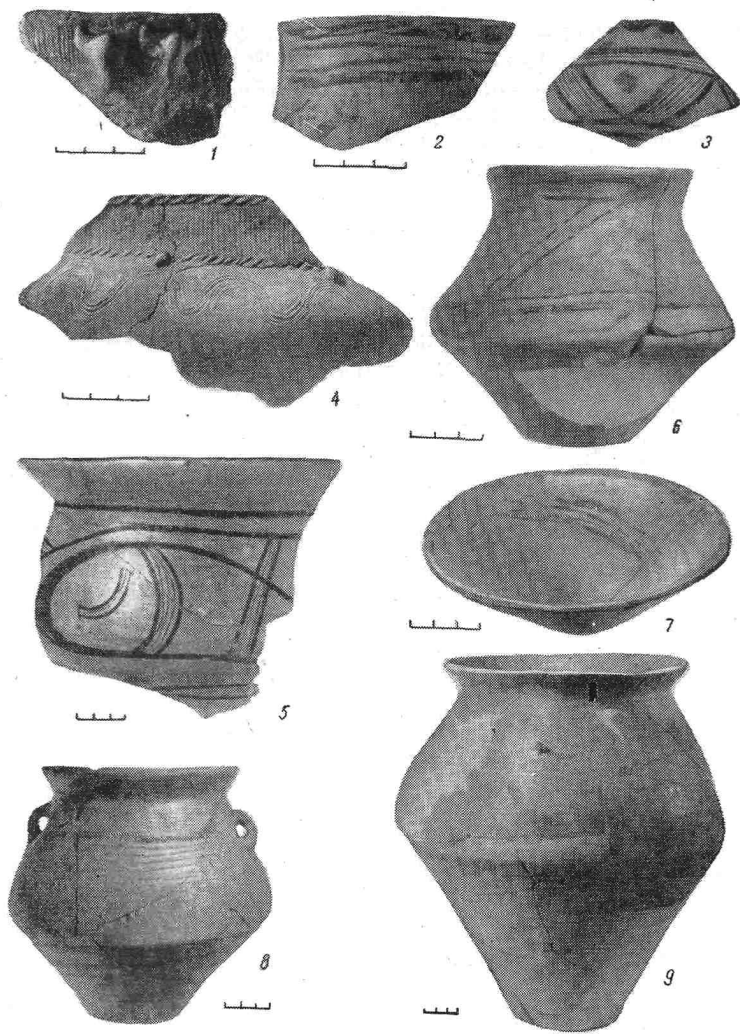

Рис. 22. Сороки-Озеро. Трипольская керамика

ной культуре трипольских племен, получивших дальнейшее развитие в позднетрипольское время. Поселения, относящиеся к переходному периоду в формировании этапов культуры, встречаются очень редко и почти не изучены, поэтому Сороки-Озеро представляют особый интерес.

Среди посуды (рис. 22), происходящей с поселения Сороки-Озеро, преобладает расписная. Обломки сосудов серого цвета, вылепленных из глины с примесью толченой раковины, — единичны. Тулово их обычно гладкое, лишь на плечиках — волнистая линия, процарапанная щепкой во время лепки горшка (рис. 22, 4). Довольно высокое горло покрыто мелкими вертикальными штрихами, заканчивающимися рядами оттисков зубчатого штампа. У основания горла имеются различные небольшие налеты, обычно символизирующие бычьи головки. Реалистической манерой исполнения пары бычьих голов отличается только один сосуд (рис. 22, 1).

Расписная посуда вылеплена из чистой глины и очень хорошо обожжена. Поверхность сосудов покрыта красочной облицовкой, по которой нанесена роспись черной краской. Отдельные детали орнамента выполнены темно-красной охрой. Это или тонкие красные полосы, оттеняющие узор, или отдельные фигуры (солнце, месяц, животное). Лишь на некото-

рых сосудах в орнаменте красная краска превалировала над черной. Вообще использование красной краски при орнаментации посуды в это время характерно для населения Поднепровья. Найдено очень большое количество различных по размеру сосудов: мисок, кубков, горшков, шлемовидных крышек и др. Возле печи были найдены крупные сосуды для хранения припасов (рис. 22, 9). Посуда отчасти близка керамическому комплексу из Петрен. Найдено даже обломок кубка с изображением животного (рис. 22, 2). Наблюдается сходство в манере исполнения некоторых орнаментальных мотивов и с другими памятниками Днестра и Прута

(Незвиско, Шипенцы и пр.). Однако было бы преждевременным делать выводы о синхронности тех или иных трипольских поселений с Сорочками-Озером, так как находки из Сорок еще очень неравноценно характеризуют разные строительные горизонты этого поселения.

Среди керамических изделий следует отметить довольно большое количество обломков миниатюрных статуэток. На поселении обнаружена только одна зооморфная фигурка (бычок?). Она найдена в землянке 2 на глубине 1,2 м. В других жилищах иногда находили обломанные рожки от скульптурных изображений быков. Антропоморфные фигурки происходят в основном из жилищ 2 и 3. Очевидно, это различные женские божества; одни фигурки очень стройные, другие — довольно массивные, а у третьих специально подчеркнут выпуклый живот (рис. 23). Мужских изображений очень мало. Почти все статуэтки удлиненных пропорций, имеют одну коническую ножку, короткие выступы вместо рук, плоскую головку с большим носом. Сквозные отверстия имеются не только на месте глаз, но очень часто в плечах, а иногда и в бедрах. Скорее всего эти отверстия были нужны для прикрепления одежды. Если

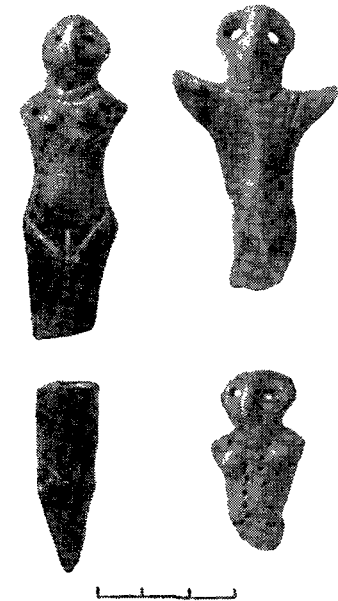

Рис. 23. Сорочки-Озеро. Антропоморфная пластинка

одежда на статуэтках изображалась углубленными линиями или ямками, как курточка на рис. 23, то отверстия в плечах не делались. Ожерелья, по традиции, переданы или прочерченными полосками, или наколами. В жилищах статуэтки этого типа стояли воткнутыми в землю. Одновременно с ними изготовлялись статуэтки с плоским основанием, но таких статуэток единицы, причем они крупнее и массивные. Эти типы статуэток существовали у трипольских племен в конце этапа В/II и на этапе γ/I; например, в Кукутени В они встречаются вместе.

В жилищах и возле каменных очагов найдено большое количество предметов из кремня, кости и рога². Много нуклеусов аморфного типа, обломков желваков, отщепов и пластин, среди которых оказалось некоторое количество орудий. Выяснилось, что заготовки использовались для работы без предварительной отделки краев (в первую очередь это относится к деревообрабатывающим инструментам). Прекрасные наборы различных инструментов были обнаружены при раскопках землянок: долота из кости и рога, обломки клиновидных топоров, скобели и резчики-скобели, ножи, скребки, костяные шилья, костяные ложила, резцы, сверла,

² Вся коллекция орудий была просмотрена под бинокулярным микроскопом Г. Ф. Коробковой, работавшей в составе экспедиции. В процессе определения функций орудий Г. Ф. Коробковой удалось выделить некоторые новые для трипольской культуры инструменты (Г. Ф. Коробкова. Работы лаборатории первобытной техники в Молдавской археологической экспедиции. «Археологические открытия 1968 года». М., 1969).

развертки, кочедыки, землекопные орудия из рогов благородного оленя, скобели-скребки, отбойники, ретушеры, песты, куранты и т. д. Орудия позволяют восстановить некоторые отрасли домашнего производства того времени: изготовление орудий в мастерских поселка, обработку шкур и шитье одежды, обработку дерева, плетение, изготовление украшений и пр.

Основу хозяйства составляли земледелие и животноводство. Найдены отпечатки зерен злаков. Часто зерно специально запекалось в стенку сосуда. Имеются отпечатки злаков и среди растительной примеси к глине для обмазки домов. Костных остатков на поселении найдено мало. Среди домашних животных преобладал мелкий рогатый скот, на втором месте стоял бык, за ним — свинья. Найдено несколько костей лошади и собаки, кости благородного оленя, кабана, медведя.

Поселение Сороки-Озеро расположено в одном из слабоизученных районов распространения трипольской культуры. Крупных раскопок там не велось, если не считать поселение Варваровка на р. Реут. Поэтому дальнейшее исследование поселения Сороки-Озеро представляет большой интерес для изучения истории трипольских племен в Приднестровье.

Т. Г. М О В Ш А

ПОЗДНЕТРИПОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В с. ЖВАНЕЦ
(по раскопкам 1961 г.)¹

На протяжении многих лет Трипольская, а затем Молдавская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР и Института истории АН МССР под руководством Т. С. Пассек занималась исследованием памятников триполья на Среднем Поднестровье.

Десятки новых пунктов дополнили карту расселения трипольских племен. Многие из них были раскопаны и введены в научный оборот, а некоторые признаны этапными². Исследования многослойных поселений на Днестре подтвердили периодизацию трипольской культуры, созданную Т. С. Пассек в 1949 г.³ Но многие звенья в ней из-за отсутствовавших данных не могли быть освещены в свое время, что не позволяет проследить путь племен Среднего Поднестровья на протяжении всей их истории. Поэтому вновь встала необходимость продолжить работу на этой территории. С 1960 г. здесь ведет работы археологическая экспедиция Государственного исторического музея УССР.

Позднетрипольским поселениям здесь было уделено меньше внимания, чем другим трипольским памятникам. Перед нашей экспедицией прежде всего и была поставлена задача их изучения. Среди обследованных поселений Малые Вирмены, Патринцы, Гусятин I и др.⁴ для раскопок были выбраны поселения в селах Цвикловцы и Жванец и Каменец-Подольщине. Раскопки на первом из них позволили выяснить характер позднетрипольских жилищ на этой территории, некоторые вопросы экономики и идеологии позднетрипольских племен и их связи с соседними племенами⁵. В Цвикловцах были вскрыты две полуземлянки. Одна из них служила одновременно и мастерской, где было найдено около 70 кремневых сверл, видимо, для просверливания костяных или деревянных мелких изделий. Обнаружены следы разрушений однослойной глинобитной площадки и богатый клад украшений, в том числе и медных. Эти материалы позволяют яснее представить себе экономику и связи трипольцев на заключительном этапе их развития с племенами Балкан и Кавказа. Найденная в жилищах керамика, близкая к степной, указывает на культурные и, видимо, этнические связи с племенами древнеямной культуры времени среднего слоя Михайловки.

В 1962 г. начаты работы на поселении в с. Жванец, материалы из раскопок которого представляют значительный интерес для понимания во-

¹ Доклад, прочитанный на секции неолита и бронзы ИА АН СССР в Минске в 1962 г.

² Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, № 84, 1961, стр. 42—60.

³ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949.

⁴ Материалы хранятся в Государственном историческом музее УССР.

⁵ Т. Г. Мовша. Скарб прикрас з пізньотрипільського поселення в с. Цвіклівці. «Археологія», т. XVIII, 1965, стр. 61—170; она же. Трипільське поховання в с. Цвіклівці. «Археологія», т. XVI, 1964, стр. 213—222; она же. Новое позднетрипольское поселение Цвикловцы на Днестре. СА, 1964, № 1, стр. 131—144.

проса о возникновении поздне трипольских памятников выхватинского типа и близких к ним.

Поздне трипольское поселение в с. Жванец открыто в 1959 г. местными школьниками на протоке Днестра Жванчике и обследовано нашей экспедицией в 1961 г. Оно находится на юго-западной окраине села, занимает высокий языкоподобный постепенно понижающийся с северо-запада на юго-восток останец Шоеб и часть прилегающего к нему плато — Лысую Гору. С трех сторон останец омывается Кармелиткой и Жванчиком.

Значительная площадь останца в древности была занята поселением. На это указывают следы культурного слоя в разрезах нескольких карьеров каменоломен, в которых производится ломка глинистого сланца, составляющего здесь материк. Остатки поселения сохранились только на наиболее узком (ширина 7 м) и высоком (25 м над уровнем Кармелитки) месте останца, примыкающем к напольной части плато, где был заложен раскоп 1. На остальной площади поселения уничтожено каменоломнями. Жилища, расположенные вдоль вертикальных крутых склонов останца (особенно вдоль северо-восточно-восточного), рухнули к его подножью, образовав два оползня культурного слоя. По обе стороны раскопа, в обрывах останца, на глубине 0,2—1,1 м от современной поверхности, в темно-коричневом и светло-коричневом суглинке, а местами и в светлой плотной сланцевой глине прослеживались выходы культурного слоя. Зачисткой обрывов выявлено два горизонта жилищ с каменным полом и очагами — очертания двух наземных построек и полуземлянок, частично разрушенные карьерами.

В одном обрыве (северо-восточном) культурный слой состоял из мощных напластований камня (остатки пола, стен и очагов), обломков глинобитной обмазки, скопления золы, костей животных, обломков керамики, относящихся к трем жилым комплексам поздне трипольского времени. В северной части разреза, на глубине 0,2—0,45 м от современной поверхности вырисовывается край наземного жилища 1, состоящий из двух-трех рядов каменных плит пола, часто крупных, лежащих друг на друге в темно-коричневом суглинке. Восточнее его на расстоянии 0,7 м наблюдается резкое понижение культурного слоя местами глубиной до 0,8 м, связанное с полуземлянкой 1 (рис. 24, I). Над полуземлянкой, на глубине 0,15—0,2 м от современной поверхности располагались плитки пола наземного жилища 2. Восточней полуземлянки 1 отчетливо прослеживается второе западание слоя, по-видимому, связанное с полуземлянкой 2 (рис. 24, I).

Выходы остатков жилищ наблюдались и при зачистке юго-юго-западного обрыва останца (рис. 24, II). На западном конце его, в темно-коричневом суглинке, на глубине 0,2—0,3 м от современной поверхности прослежены остатки каменного пола жилища 1, юго-западный конец которого частично перекрывал полуземлянку 1. Последняя на этом участке была вырыта в светлой, плотной сланцевой глине, а местами в слое небольших сланцевых плиток. Разрез ее имеет корытообразную форму, длина больше 7 м (рис. 24, II). Над полуземлянкой, в черноземе, на глубине 0,15—0,2 м от современной поверхности находилось наземное жилище 2.

Жилище 1 расположено в северо-западной части останца на границе с полуземлянкой 1. Расчищенная площадь равна 18 кв. м, представляет собой площадку с каменным полом, настланным из плоских сланцевых плит в один-два, иногда три ряда. Некоторые плитки пола нарушены. Находки на расчищенном участке отсутствуют. Только под юго-восточным краем жилища был найден расписной сосуд с антропоморфным изображением.

Жилище 2 расположено к югу от жилища 1, на расстоянии 1 м, представляет собой прямоугольную площадку, ориентированную по длинной оси с отклонением на 60° с севера на восток. Максимальная длина уцелев-

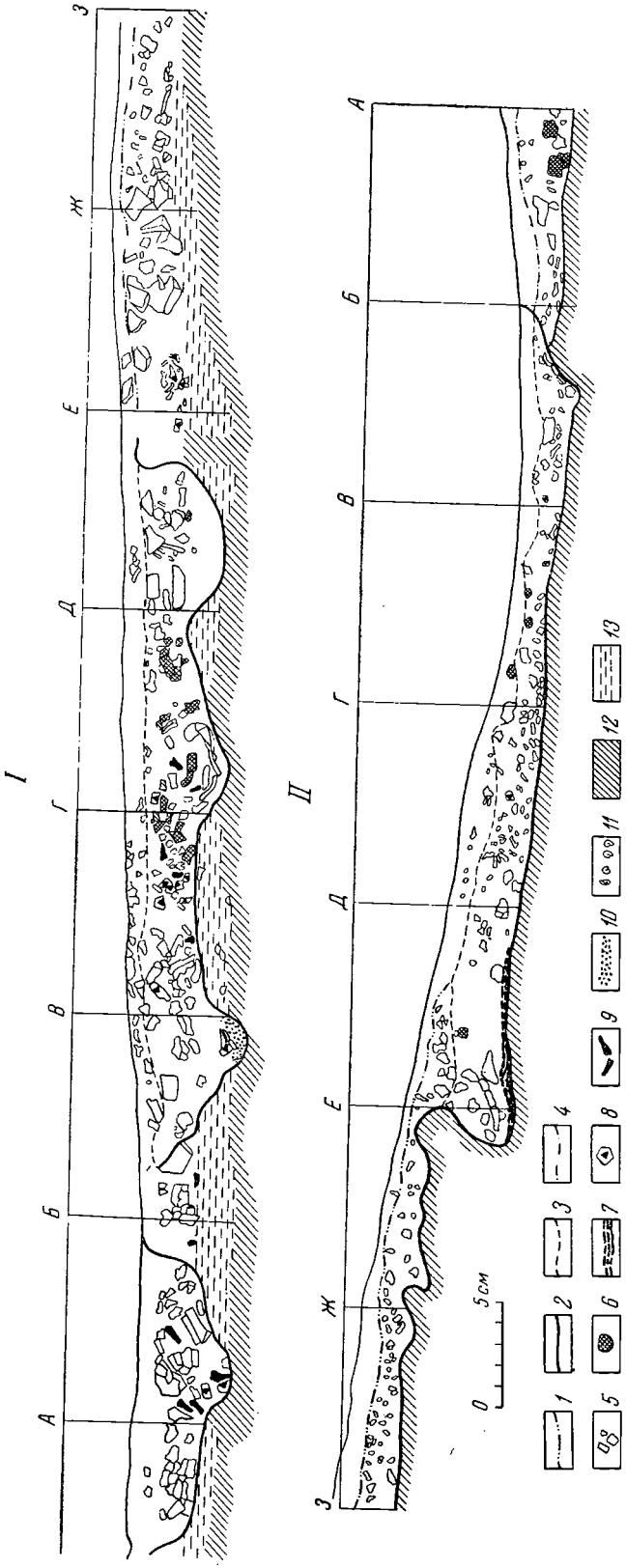

Рис. 24. Позднетрипольское поселение в с. Живной

I, II — входы культурного слоя в обрыве оврага;

1 — верхняя граница жилища № 1; 2 — контур полуземлянки № 1; 3 — верхняя граница полуземлянки № 2; 4 — верхняя граница полуземлянки № 1; 5 — кирпичи; 6 — обмазка;

7 — плитчатая вымостка; 8 — керамика; 9 — козлы; 10 — уголь; 11 — раковины; 12 — известняк-материк; 13 — светло-желтый суглинок

шей части около 7 м, ширина 6—7 м. Сохранность плохая. Каменный пол прослежен только на отдельных участках (вдоль южного и юго-западного краев), что, по-видимому, объясняется неглубоким залеганием постройки и расположением над полуземлянкой 1. В жилище обнаружено небольшое количество инвентаря из кремня; отбойник шаровидной формы, концевой вкладыш серпа с угловой заполировкой, три обломка ножевидных пластин; несколько мотыг из рога оленя (рис. 25, 1), ложило, роговой клевец (рис. 25, 2); обломки позднетрипольской расписной и кухонной керамики, пряслица для веретен (одно — с накольчатым орнаментом), часть фигурки животного и глиняное грузило.

Полуземлянка 1 ориентирована по центральной оси с юго-юго-запада на северо-восток-восток. В северо-восточном обрезе останца контур ее линзовидный с тремя углублениями овальной формы, два из которых связаны с очагами (глубина от современной поверхности 1,1 м, рис. 24, I). Контур полуземлянки в северо-восточном-восточном обрезе — корытообразный (рис. 24, II). В плане полуземлянки неправильной удлинено-овальной формы с небольшим выступом на юго-западном конце (рис. 24, III). Максимальная длина сохранившейся части 3,8 м; ширина — 7,1 м.

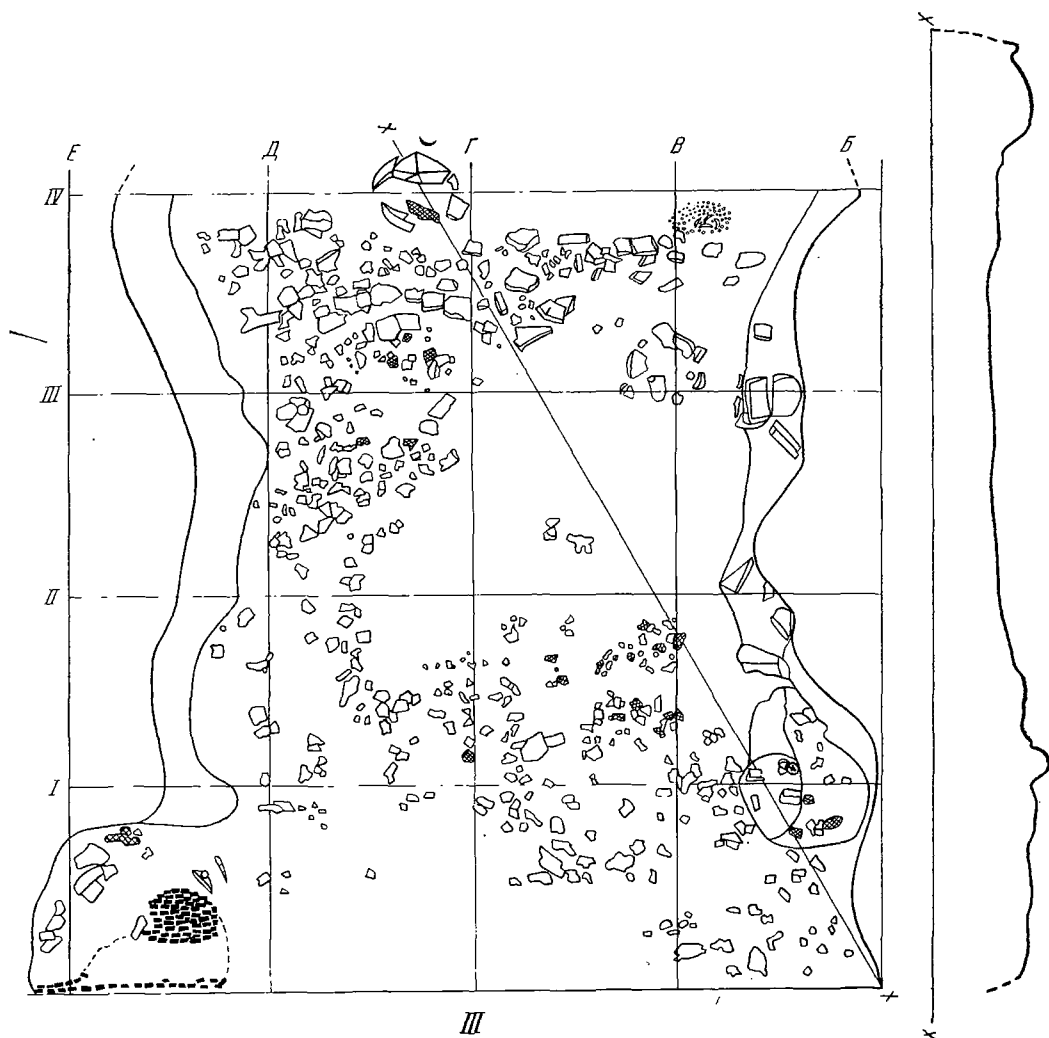

Рис. 24.

III — план полуземлянки № 1.

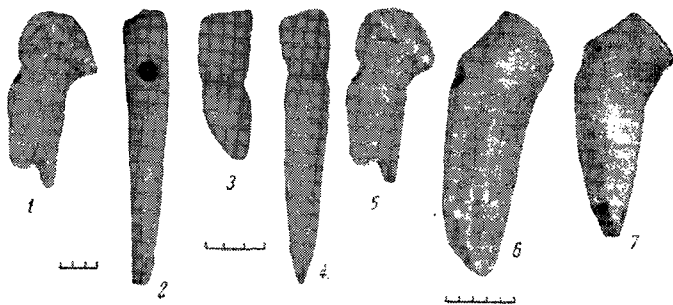

Рис. 25. Поздне трипольское поселение в с. Жванец.
Изделия из рога и кости: 1, 2 — наземное жилище № 2;
3—7 — полуземлянка № 1

Расчистка полуземлянки велась в границах пятна, уловленного в плане. Дно ее местами неровное, выложенное одним рядом каменных плиток, сохранившихся вдоль края. В центральной части пола, видимо, был земляным. Около южной, продольной стороны полуземлянки сохранилась каменная кладка — основание стены. Плиты лежали здесь в два-три ряда горизонтально или несколько наклонно к середине жилища. Ближе к юго-восточному краю обнаружены ступенька, зернотерочная плита, обращенная рабочей стороной кверху, и крупный плоский камень, приставленный вертикально. Возможно, здесь был вход в полуземлянку.

Полуземлянка, видимо, состояла из двух частей — северо-восточной и юго-западной. В первой из них было три очага, во второй — хозяйственная яма и глинобитная вымостка. Очаг 1, удлинненно-овальной формы (0,9 × 0,75 м), находился в северном углу полуземлянки, вырыт в плотном глинистом сланце на глубине 1,1 м от современной поверхности. Сложен из крупных каменных плит, поставленных несколько наклонно к его середине или на ребро. Заполнен слоем золы, мелких угольков, обломками костей животных и крупных валчков обмазки. К западу от очага расчищено невысокое обрамление из крупных камней овальной формы длиной около 1,5 м. Очаг 2 находится в 4 м на юго-восток от очага 1 (0,6 × 0,7 м). Глубина его 1,1 м, он также вырыт в глинистом сланце. На дне кроме пепла, мелких угольков, ископаемых раковин расчищена большая раздавленная чаша, изготовленная из глины с примесью измельченных раковин. Очаг 3, овальной формы (0,8 × 0,6 м, глубина более 1 м), расчищен южнее очага 1; он сложен из плоских плит и заполнен золой.

Во второй половине жилища, вдоль южного края открыта яма неправильной грушевидной формы, выдолбленная в скале (1,5 × 1 × 0,35 м), с небольшой узкой ступенькой. В центральной части ямы обнаружены раздавленная чаша, расписанная черной краской, обломки других сосудов, кости животных. Западная сторона полуземлянки заканчивается овальным выступом. На дне его расчищены остатки глинобитной вымостки (0,65 × 0,5 м) из плитчатой, хорошо обожженной обмазки желтого цвета (толщиной 2—3 см), впоследствии растрескавшейся на небольшие бесформенные плитки. Возле вымостки лежали заготовка орудия типа клевца из рога оленя, костяное долото (рис. 25, 3) и ложило.

В полуземлянке обнаружен хозяйственно-бытовой инвентарь. Изделия из кремня представлены ножевидными пластинами, скребками на отщепе и концах ножевидных пластин, обломки ножа с крутой ретушью на боковых гранях и заполированной поверхностью спинки и бруска. В полуземлянке найдены также нижние камни зернотерок и песты, найдены мотыги и боевые топоры из кости и рога (рис. 25, 5), заготовка для боевого топора, проколки, тесла из кабаньего клыка, долото из расколотой трубчатой кости и сравнительно немного керамики.

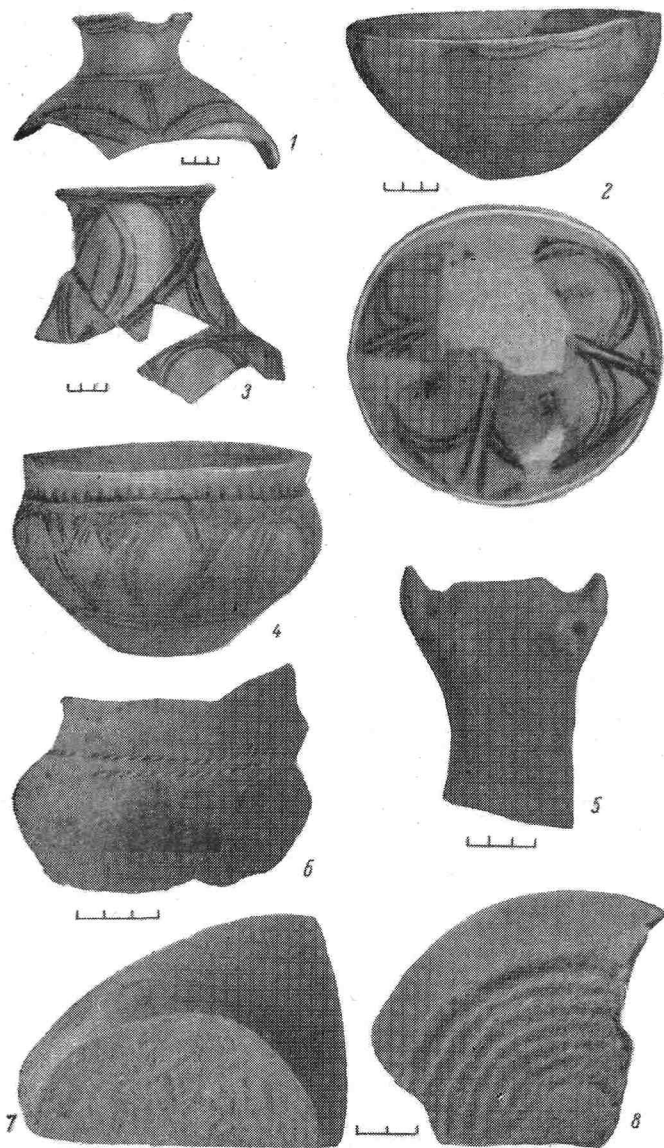

Рис. 26. Позднетрипольское поселение в с. Жванец. Керамика
1—4 из полуземлянки 1; 5—8 — из разборки оползня

Керамика представлена шаровидными сосудами (рис. 26, 1), чашами с наклоненным внутрь краем венчика (рис. 26, 2), сосудами с коническим высоким горлом (рис. 26, 3), горшками (рис. 26, 4).

В основном это расписные сосуды, изготовленные из розовой или палевой хорошо промешанной глины, с росписью черной или красной краской, нанесенной на натуральный фон поверхности. Орнаментальные узоры состоят из нешироких лент, образующих овалы, полуовалы, отрезки лент, сходящиеся под углом или крестообразно пересеченные. Внутри овалов и полуовалов помещены изображения птиц, солнечных знаков, людей. Так называемая кухонная посуда немногочисленна, изготовлена из глины с примесью измельченных раковин или песка. Наружная поверхность сосудов хорошо заглажена, бедно орнаментирована коническими бугорками, оттисками перевитого шнура (рис. 26, 5—8). Из глиняных изделий най-

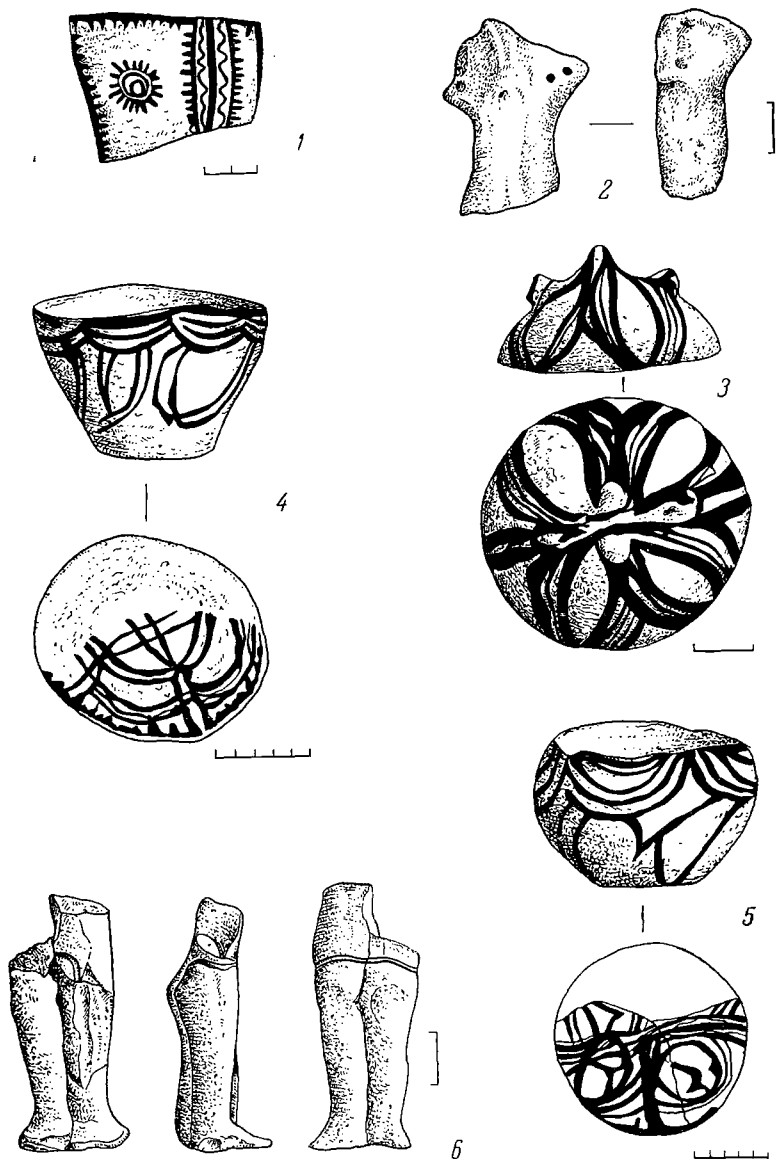

Рис. 27. Позднетрипольское поселение в с. Жванец. Керамика
1—2 — полуземлянка; 3—6 из разборки оползня

дены также грузила для рыболовных сетей, плоские прясла из стенок сосудов, конические прясла, вогнутые у основания, головка антропоморфной фигурки (рис. 27, 2)..

Анализ костных остатков свидетельствует о том, что в Жванце, в отличие от большей части позднетрипольских поселений, преобладает дикая фауна. В. И. Бибиковой определено 835 костей от 67 особей, относящиеся к 16 видам домашних и диких животных и рыб.

«Преобладают остатки диких животных, представляющих лесной комплекс. Домашние животные составляют 30,4% по количеству костей и 37,9% по числу особей от общего числа млекопитающих»⁶. По числу ко-

⁶ Определение В. И. Бибиковой.

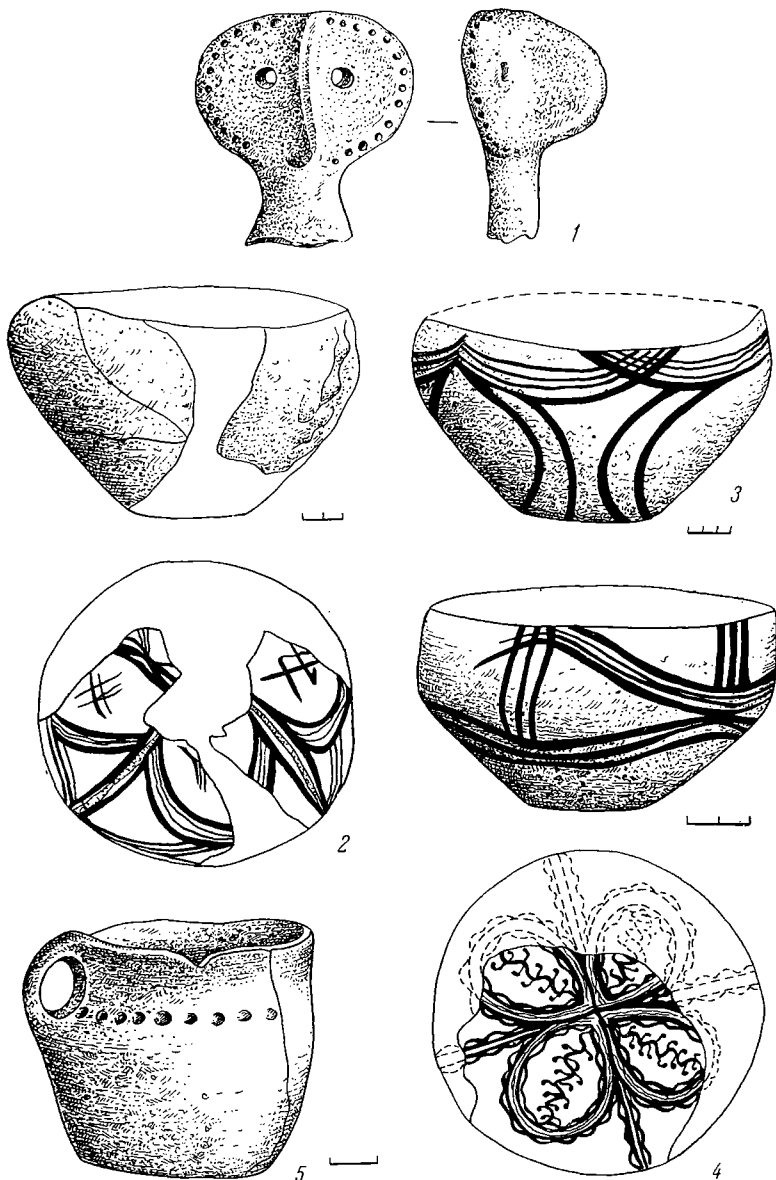

Рис. 28. Позднетрипольское поселение в с. Жванец. Керамика:

1 — полуземлянка № 1, 2 - 5 из разборки оползля

стей и по числу особей на первом месте олень благородный, кабан, кося, лось; на втором — хищные животные. Среди них лисица, медведь, барсук и выдра, кости которых немногочисленны. Грызуны представлены бобром и зайцем.

Среди домашних животных первое место занимает крупный рогатый скот (бык), по числу особей составляющий 47,6%. Затем следуют свинья, по числу особей составляющая 23,8%, и мелкий рогатый скот (овца и коза) — 19,1%. На последнем месте — собака и лошадь. Из рыб представлены кости вырезуба.

По соотношению домашних и диких животных поселение в с. Жванец аналогично Цвикловцам. Оба поселения, по заключению В. И. Бибиковой, составляют единый фаунистический комплекс.

Близкая картина соотношения домашних и диких животных наблюдается на раннетрипольских поселениях. В частности, аналогичные данные дает Берново-Лука, в которой 38% домашних животных и 62% диких животных.

Исследованные в Жванце два жилища двух строительных горизонтов позднего триполья — полуземлянка и наземное жилище, перекрывающее ее, показывают, что разница во времени между ними, судя по инвентарю, видимо, была незначительной. Особый интерес представляет характер строительных материалов: обитатели Жванца нарушили вековые трипольские традиции сооружения глинобитных площадок и использовали в качестве строительного материала известняк. Только на некоторых поселениях: в Сабатиновке II, Ленковцах, Стене, Кукутени — камень применялся как вспомогательный материал для настила порогов, сооружения очагов и отдельных участков пола.

Одновременно с раскопками жилищ производилась разборка оползня культурного слоя, расположенного ниже раскопа, у подножья останца, на высоте 7 м над летним уровнем Кармелитки. В вертикальной зачистке среза и небольшом раскопе найдено несколько орудий из кремня, небольшое каменное тесло, 15 боевых топоров и мотыг из рога благородного оленя, часто с хорошо отполированными рабочими сторонами, более 60 грузил пирамидальной и конической формы для рыболовных сетей (некоторые грузила украшены каннелюрами), пряслица. Среди обломков женских схематизированных фигурок, типичных для позднего триполья лесостепи, особенно интересна женская фигурка с поднятыми к небу руками — плечевыми выступами (рис. 26, 5).

Основную массу находок составляет глиняная посуда — расписная и кухонная. Преобладает расписная, богато орнаментированная черной или черной и красной краской по оранжевому, темно-желтому и палевому фону. Орнаментальные сюжеты чаще всего состоят из лент, иногда подчеркнутых зубцами, образующих овалы или полуовалы, разделенные наискось или вертикально на две части. Внутри овалов или на свободных от росписи участках помещены солнечные знаки, птицы, а иногда и фигуры людей, ряды восьмерок, напоминающие сильно стилизованные человеческие фигурки. Среди орнаментальных узоров встречаются ряды сплошь окрашенных треугольников.

Есть сосуды с высоким коническим горлом и низкими округлыми плечиками, выпуклобокие горшки, шаровидные сосуды с ручками-бугорками на плечиках, полусферические крышки к ним (рис. 27, 3), кратеры, сосуды с высокой конической шейкой (шаровидные амфоры), конические миски с прямыми стенками, крупные двухконусные сосуды с отогнутым краем венчика и ручками на плечиках, небольшие глубокие чаши (рис. 27, 4, 5).

Вторую группу керамики, как и в жилищах, составляет изготовленная из глины с искусственной примесью измельченных раковин тонкостенная и толстостенная посуда, часто с хорошо заглаженной поверхностью (рис. 28, 5). Она бедно орнаментирована коническими бугорками-налепами, ногтевым орнаментом, оттисками наискось перевитой веревочки, опоясывающей в один-два ряда плечики. На доньях некоторых сосудов сохранились отпечатки цыновки, ткани (рис. 26, 7, 8). Найдены глубокие миски с ушками-ручками под венчиками и на стенках у дна, крупные чаши с наклоненным внутрь краем венчика, сосуды с широким горлом, отогнутым наружу краем венчика, шаровидные сосуды с высокой шейкой, корчаги.

Нижняя часть фигурки с отдельно моделированными ногами с двумя ступнями близка по стилистическим особенностям к основной группе пластики поселения Кошиловцы-Обоз (рис. 27, 6). Только несколько фрагментов керамики из исследованного участка относятся к раннему этапу

трипольской культуры, основная же часть материала одновременна инвентарю жилищ.

Сопоставление комплекса керамики из Жванца с комплексом керамики других поздне трипольских поселений этой же территории позволяет отнести исследуемое поселение к времени между этапами I и II или даже к началу последнего (по периодизации Т. С. Пассек). В формах сосудов, орнаментальных сюжетах и мотивах имеется много черт, общих для памятников обоих этапов. Жванец занимает промежуточное положение между поселениями Крутобородинцы II, Кошиловцы-Обоз и памятниками выхватинского типа. В отличие от первых, в Жванце есть чаши с наклонным краем венчика, раскрашенные внутри крестовидно разделенными овалами, но наряду с ними и характерные для предшествующего времени расписные конические миски, сосуды с зооморфными сюжетами, особенно типичными для Кошиловцев-Обоза. В Жванце благодаря хронологическому и территориальному положению сочетаются черты названных памятников, но преобладают местные особенности, позволяющие отнести его к ранее неизвестному локально-хронологическому варианту в периодизации трипольской культуры. Этнографические особенности его ярко выражены в характере строительных материалов, составе фауны, керамике.

В Жванце, как и в Цвикловцах, вопреки утвердившемуся в литературе мнению о преобладающей роли скотоводства в хозяйстве поздне трипольских племен доминирующее место занимала охота.

Недавно в Северной Молдавии открыты поселения Кубань и Костешты, аналогичные Жванцу, но относящиеся к более позднему времени⁷.

На территории Западной Подолии Жванец предшествует поселениям заключительного этапа триполья типа Цвикловцев, Малых Вирмен — следующего локально-хронологического варианта, аналогичного и синхронного на Волыни памятникам городского типа.

Однако в настоящее время между ними существует значительный хронологический разрыв.

Следовательно, для микрорайона Западной Подолии намечается хронологическая последовательность поздне трипольских памятников, отражающих историческое развитие трипольского населения на этой территории.

Материалы из Жванца наряду с материалами из Цвикловцев по-новому освещают вопрос о поздне трипольских племенах Среднего Днестра. Они раскрывают особый путь исторического развития местных трипольских племен, отличный от пути трипольских племен других территорий, подтверждают необходимость изучения Триполья по отдельным районам для выявления местного своеобразия связей с трипольскими племенами иных районов и племенами инородных культур.

⁷ Н. А. Кетрару. Поздне трипольское поселение у с. Кубань в Молдавии. Кишинев, 1964, стр. 81—91.

И. И. А Р Т Е М Е Н К О

НОВЫЙ МОГИЛЬНИК СРЕДНЕДНЕПРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ВЕРХНЕМ ПРИДНЕПРОВЬЕ

В 1965 и 1968 гг. Среднеднепровская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР¹ совместно с Гомельским областным краеведческим музеем производила раскопки нового грунтового могильника бронзового века в уроч. Липовый Брод около с. Сябровичи Гомельской области БССР.

Могильник расположен в пойме правого берега Сожа на песчаной возвышенности, поднимающейся над поймой на 1,5—2 м. Впервые эту возвышенность обследовали К. М. Поликарпович и А. Д. Коваленя в 1928 г.² В северной части возвышенности они заложили небольшой раскоп (14 кв. м), в котором обнаружили фрагменты неолитической посуды, кремневые орудия и глиняный плоскодонный сосуд бронзового века, орнаментированный в верхней части нарезными перекрещивающимися линиями, образующими сетку, и мелкими углублениями³.

Раскопками 1965 г. было установлено, что в уроч. Липовый Брод на площади неолитического поселения расположен могильник бронзового века. За два полевых сезона (1965 и 1968 гг.) здесь была раскопана площадь в 700 кв. м. Получена большая коллекция фрагментов неолитической керамики и кремневых орудий. Обнаружено 38 погребений бронзового века с трупосожжениями⁴.

Могильные ямы овальной формы размером от 1,45 × 1,2 до 5,92 × 3,43 м прорезали культурный слой неолитического поселения и углублялись в желтый материковый песок на 0,77—2,4 м⁵. Три погребения были обнаружены в культурном слое неолитического поселения на глубине 0,4—0,65 м.

Ориентировка могил разнообразная. Из 35 могил ориентированы: с юга на север — 11; ЮЮЗ—ССВ — 3; В—З — 5; ЮВВ—СЗЗ — 1; ЮЗЗ—СВВ — 2; ЮВ—СЗ — 9; ЮЗ—СВ — 4 могилы. Одна могила была округлой в плане диаметром 1,45 м.

Могильные ямы перекрывались деревянным накатником. В заполнении могил хорошо прослеживались следы истлевшего дерева от перекрытия. Над двумя погребениями (33 и 34) было большое зольное пятно, после расчистки которого обнаружены ямы от столбов, расположенные вокруг могильной ямы погребения 33. Ямы от столбов, представляющие

¹ В работе экспедиции принимали участие: И. И. Артеменко (начальник экспедиции), И. М. Тюрина, А. В. Артеменко, Л. А. Калинин, Н. А. Медведева и ученики средней школы пос. Никольское, Балашихинского района Московской обл.

² К. М. П а л і к а р п о в і ч. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і Ніжняга Сажа. «Запіскі адзелу гуманітарных навук», кн. 5. «Працы катэды археалёгіі», т. I, Менск, 1928, стр. 249.

³ К. М. П а л і к а р п о в і ч. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа. «Працы...» т. II, Менск, 1930, стр. 404, табл. 8, 2.

⁴ В 1965 г. исследованы погребения 1—12, а в 1968 г. — 13—38.

⁵ Здесь и далее глубины указаны от современной поверхности.

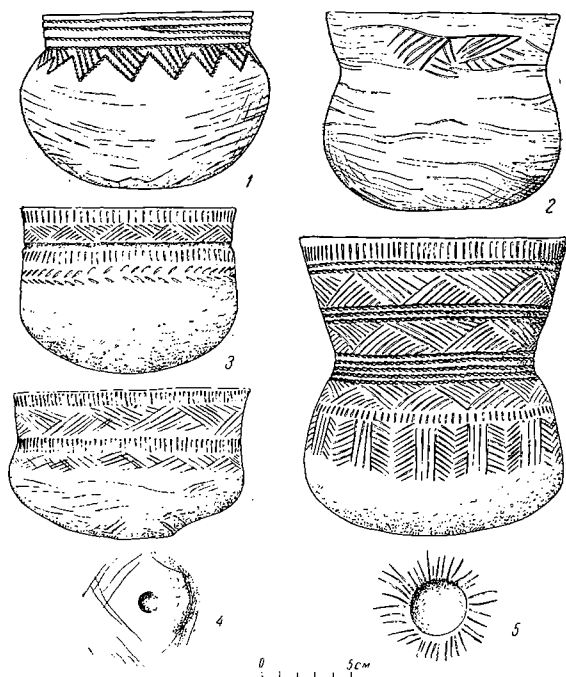

Рис. 29. Могильник среднеднепровской культуры у с. Сябровичи. Керамика

собой, по-видимому, остатки навеса над погребением, были обнаружены также вокруг могилы погребения 25. Вокруг погребений 14, 17—19 обнаружен ров округлой в плане формы, диаметром $8,8 \times 6,5$ м, с ямами от столбов, представляющими собой, вероятно, остатки ограды. Ширина рва $0,20—0,25$ м, глубина $0,17—0,20$ м от уровня желтого песка.

На дне могил выявлены остатки трупосожжений — обломки зубов и мелких пережженных костей. Большинство погребений было без инвентаря. В 9 погребениях найдено от 6 до 19 отщепов кремня в каждом. Лишь в 14 погребениях были глиняные сосуды (всего 14), каменный сверленный топор, кремневые клиновидные топоры, наконечники копий и стрел, отщепы кремня.

В погребении 1 (длина могилы 1,92 м, ширина 1,26 м, глубина 0,85 м, ориентировка Ю—С) найден небольшой глиняный сосуд с шаровидным туловом и короткой слегка отогнутой наружу шейкой, украшенной шнуровым орнаментом (рис. 29, 1).

В погребении 2 (длина могилы 2,5 м, ширина 0,9 м, глубина 1,25 м, ориентировка Ю—С) обнаружено два глиняных сосуда. Один из них — с высокой шейкой, округлым туловом и уплощенным дном — не орнаментирован, лишь на небольшой части шейки небрежно нанесен узор из нарезных линий, образующих соприкасающиеся сторонами заштрихованные треугольники (рис. 29, 2). Другой сосуд — колоколовидной формы с уплощенным дном, орнаментирован почти по всей поверхности отпечатками линейного штампа, шнура и нарезными линиями. На дне сосуда — круглая ямка диаметром 3 см, окаймленная короткими нарезными линиями (рис. 29, 5).

В погребении 4 (длина могилы 1,65 м, ширина 0,85 м, глубина 1,15 м, ориентировка ЮЮВ—ССЗ) найден небольшой деформированный сосуд с округлым дном, орнаментированный отпечатками линейного штампа и нарезными линиями. На дне сосуда имеется небольшая круглая ямка диаметром 1 см (рис. 29, 4).

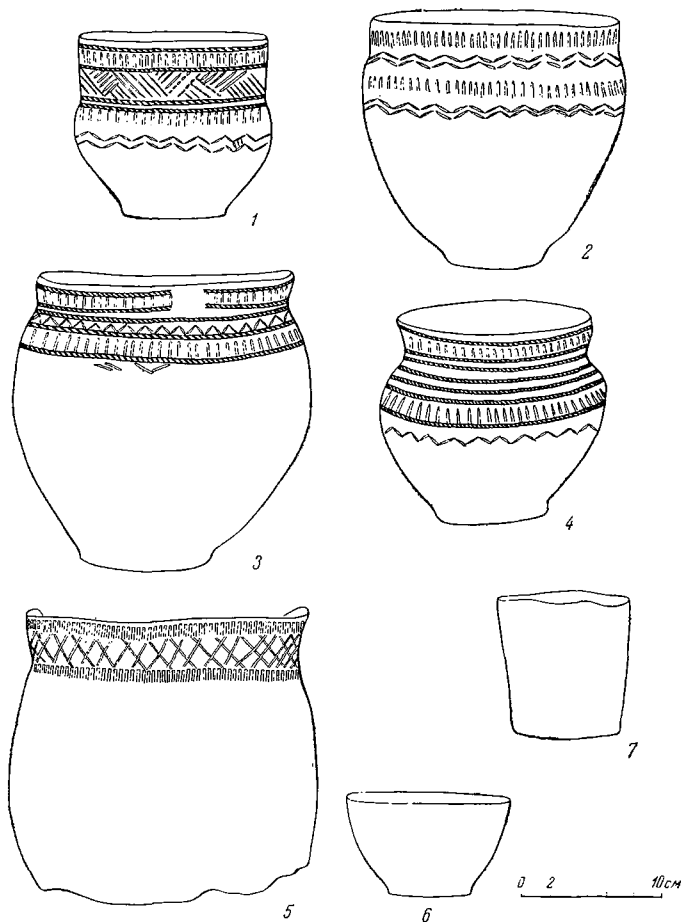

Рис. 30. Могильник у с. Сябровичи. Керамика

Могильная яма погребения 5 прорезана погребениями 4, 2 и 3. В могиле (длина 1,8 м, ширина 0,8 м, глубина 1,3 м, ориентировка Ю—С) найдены мелкие обломки пережженных костей и 12 отщепов кремня. Посередине могилы стоял небольшой круглодонный сосуд, орнаментированный отпечатками линейного штампа и нарезными линиями (рис. 29, 3).

Погребение 13 обнаружено в культурном слое неолитического поселения на глубине 0,65 м. Судя по расположению погребального инвентаря, могила была ориентирована по длинной оси с востока на запад. Здесь найдены обломки зубов и пережженных костей, 36 отщепов кремня, кремневый клиновидный топор, линзовидный в сечении, и глиняный плоскодонный сосуд, украшенный в верхней части отпечатками шнура и линейного штампа (рис. 30, 3). Также в культурном слое неолитического поселения, на глубине 0,6 м обнаружен инвентарь погребения 14. Он состоял из кремневого наконечника стрелы, отщепов кремня и двух глиняных сосудов. От первого сосуда сохранилась лишь верхняя половина, украшенная отпечатками линейного штампа (рис. 30, 2, 5).

Значительный интерес представляют погребения 33 и 34. В погребении 33 (длина могилы 2,63 м, ширина 1,95 м, глубина 0,9 м, ориентировка Ю—С) обнаружены остатки трупосожжения — зубы и мелкие обломки пережженных костей, кремневый нож, 8 отщепов кремня, глиняный плоскодонный сосуд, украшенный отпечатками шнура и линейного штампа (рис. 30, 4), и небольшой (высотой 8,8 см) плоскодонный кубок без

орнамента (рис. 30, 7). В погребении 34 (длина могилы 2,85 м, ширина 1,85 м, ориентировка ЮВ—СЗ) на глубине 1,1 м найдены обломки пережженных костей, отщепы кремня, каменный сверленный топор, глиняный плоскодонный сосуд, орнаментированный отпечатками шнура и линейного штампа (рис. 30, 7), и небольшая (высотой 6,2 см) глиняная плоскодонная чашечка без орнамента (рис. 30, 6).

Инвентарь погребения 37 обнаружен в слое неолитического поселения на глубине 0,4 м. Он состоял из кремневого ножа, тесла и трех кремневых клиновидных топоров, линзовидных в сечении. Клиновидные топоры обнаружены также в погребениях 21 и 25, а в погребении 20 найдены кремневый наконечник копья и 17 отщепов кремня.

В погребении 24 (длина могилы 4,05 м, ширина северной половины 3,80 м, южной — 2,83 м, глубина 1,6 м, ориентировка Ю—С) в 14 местах на глубине 1,1; 1,3 и 1,6 м обнаружены скопления обломков зубов и мелких обломков пережженных костей. На глубине 1,1 м у одного из скоплений найдена круглая подвеска из коричневатого песчаника с отверстием в центре, а у другого — обломок кремневого наконечника копья.

Могильник бронзового века в урочище Липовый Брод представляет значительный интерес. Погребальный ритуал, а также форма и орнамент сосудов позволяют отнести его к могильникам среднеднепровской культуры. Это второй после могильника в урочище Стрелица⁶ большой грунтовой могильник на территории Белоруссии, подвергшийся археологическим раскопкам. Он интересен также и в отношении стратиграфии. Погребения, обнаруженные в культурном слое неолитического поселения (погребения 13, 14 и 37) и на периферии могильника (погребения 33 и 34), являются по-видимому, более поздними, чем все остальные погребения. Глиняные сосуды, найденные в этих погребениях, все плоскодонные, а в более ранних — круглодонные или с уплощенным дном. К сожалению, данных для абсолютной датировки этого могильника пока нет. Надеюсь, что они будут получены при дальнейших раскопках, так как между крайними погребениями осталась еще не исследованная площадь — около 1500 кв. м.

---

⁶ И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967.

И. Г. РОЗЕНФЕЛЬДТ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ РАЗВЕДОК
Т. С. ПАССЕК И Б. А. ЛАТЫНИНА НА р. НЕРУССЕ¹

В круг разнообразных научных интересов и полевых исследований Т. С. Пассек входили и памятники неолита и бронзы в бассейне р. Десны. В 1928—1929 гг. Т. С. Пассек, совместно с Б. А. Латыниным были проведены разведки в районе г. Брянска и первые в бассейне р. Десны научно документированные раскопки неолитических стоянок. В настоящее время накоплен значительный материал, в основном собранный работами комплексной деснинской экспедиции ИА АН СССР под руководством М. В. Воеводского, позволивший на основании памятников каменного века на Десне выделить особую культурную область¹. Эти материалы получены в основном из сборов в результате специального обследования большого числа археологических памятников и раскопок некоторых из них. Материалы раскопок Т. С. Пассек и Б. А. Латынина хорошо их дополняют. Разведки 1928—1929 гг. были связаны с изучением находок из Брасовского и Речицкого могильников в районе г. Брянска, с обследованием мест их расположения и с поисками стоянок типа Куракин Бор. Результаты работ 1928 г. отражены в литературе². Работы экспедиции 1929 г. не опубликованы. Краткие сведения о них и некоторые материалы мне были любезно предоставлены Т. С. Пассек. Б. А. Латынин ознакомил меня с коллекциями, хранящимися в Ленинграде в Государственном Эрмитаже³. При разведках на левом берегу поймы р. Неруссы были обследованы две дюнные стоянки, располагавшиеся на песчаных островках в 2 км от разъезда Разсошки, в 6—7 км к югу от ст. Брасово, на юго-запад от железнодорожного моста через р. Неруссу. Стоянка Островок 1 располагалась у гати через пашню, а Островок 2 — у леса по дороге в с. Аркин и далее на хутор Ивановский.

Островок 1, возвышавшийся в заливной пойме, был покрыт растительностью и не развеван, но поверхность его изрыта ямами при выборке песка для гати. Размеры островка небольшие, примерно 75 × 45 м. Раскопками вскрыто около 175 кв. м. Сразу под дерном залегал серый песок культурного слоя мощностью 0,20—0,50 м, насыщенный кремневыми поделками и керамикой. Для изготовления орудий использовался темно-серый и черный меловой кремнь. Преобладают орудия, изготовленные на отщепах, что

¹ М. В. Воеводский. Памятники каменного века на Десне. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 22—26; М. В. Воеводский и А. А. Формозов. Стоянка Песочный ров на р. Десне. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 52; И. Г. Розенфельдт. К вопросу о связях древнего населения бассейнов рек Десны и Оки в конце III—начале II тысячелетия до н. э. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 92—102.

² Т. С. Пассек и Б. А. Латынин. Разведки в районе Брянска. «Труды секции археологии РАНИОН», т. IV, 1929, стр. 374—390; Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 46.

³ Отдел первобытной археологии. Инв. № 1304.

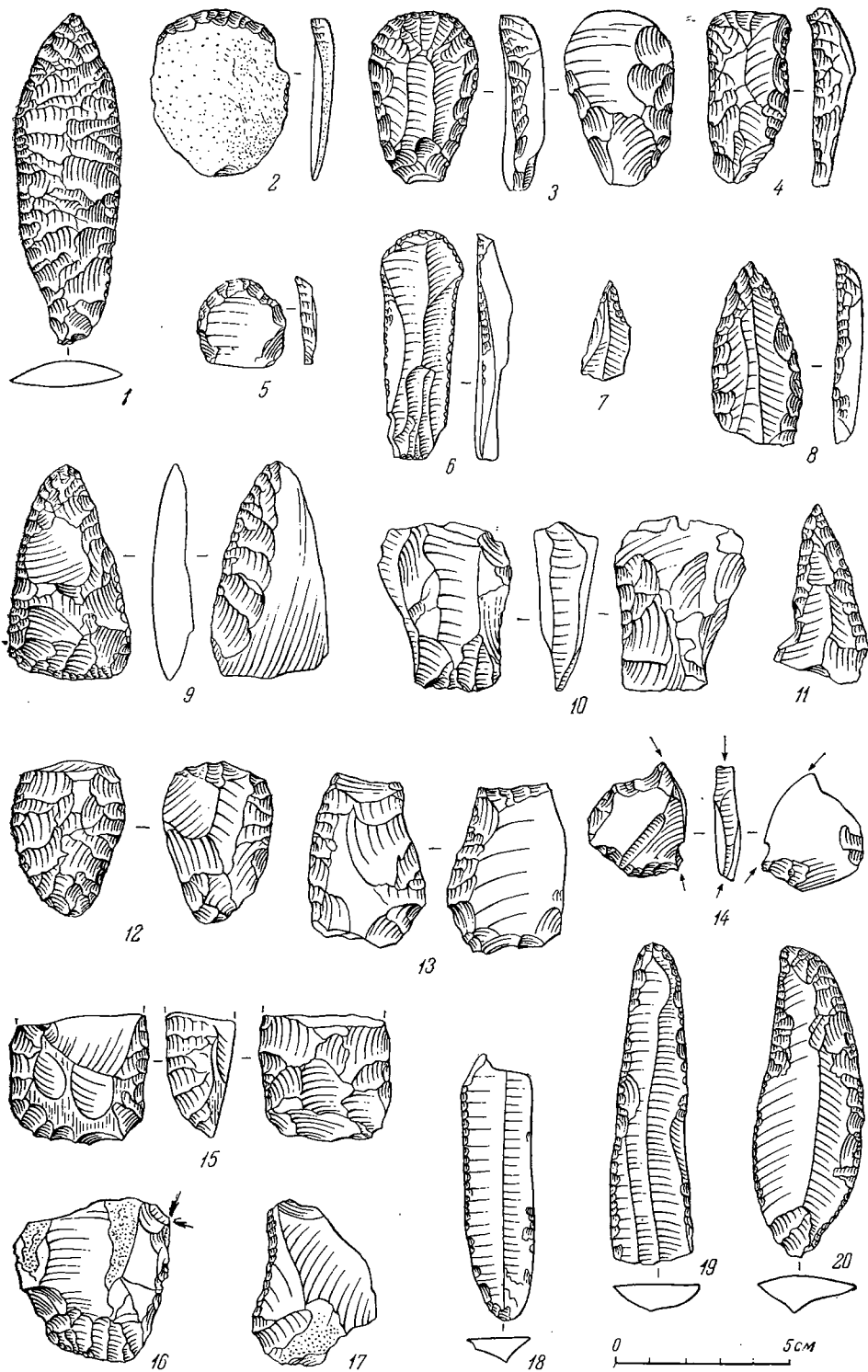

Рис. 31. Изделия из кремня

1, 6, 8, 10, 12—20 — Островок 1; 7 — Островок 2, 11 — из насыпи кургана 1 у дер. Бабинцы

характерно для памятников неолита Десны и Сожа⁴. Орудий, изготовленных на пластинах, значительно меньше. Состав кремневого инвентаря разнообразен. Найден листовидный наконечник дротика, обработанный сплошной плоской ретушью с обеих сторон, характерный для неолитических памятников Десны, аналогичный найденным на стоянках Витховка, Мыс Очкинский, Городцы пойменные⁵ (рис. 31, 1). Кремневых наконечников стрел не найдено. Наиболее многочисленны скребки с правильным дугообразным рабочим краем (рис. 31, 2—6), изготовленные на массивных отщепях, реже на краю ножевидной пластины. Они имеют овальную, с суженной пяточной частью форму и сильно варьируют в размерах. Различаются скребки с пологим и крутым рабочими краями. Ретушь часто переходит на боковые грани, а иногда и на брюшко. Скребки подобных типов широко распространены на памятниках неолита и бронзы Десны, причем на последних преобладают скребки с высоким рабочим краем и крутой ретушью. Найденны скребковидные орудия, разнообразные острия, проколки (рис. 31, 8, 9). Интересна группа рубящих орудий, представленная обломком прямоугольного, тщательно оббитого с двух сторон тесла, на спинке которого видны следы полировки (рис. 31, 15), и клиновидными орудиями, также оббитыми с обеих сторон и подтесанными по рабочему краю (рис. 31, 10, 12, 13). Этот тип орудий характерен для памятников неолита и бронзы Десны и Сожа и представляет локальные формы, прототипы которых восходят к местному мезолиту⁶. В значительном количестве найдены кремневые ножи. Часть из них изготовлена на аморфных отщепях, слегка подправленных ретушью, часть — на правильных ножевидных пластинах с тщательной плоской ретушью по краям (рис. 31, 17—19). Интересен асимметричный нож с двусторонней обработкой (рис. 31, 20). В коллекции в значительном количестве найдены резцы и резцовые отщепы. Резцы преимущественно угловые, с двумя сколами. Как и большинство орудий, они изготовлены на отщепях, часто первичных, с сохранившейся коркой (рис. 31, 14, 16). Кремневый инвентарь стоянки Островок 1 является типичным для стоянок неолита и бронзы Подесенья.

Комплекс керамики, найденной при раскопках, неоднороден. Раскопки показали невозможность стратиграфического расчленения керамики. Типологически она разделяется на три основные группы. К первой группе относятся обломки остродонных сосудов со следами штриховки на поверхности, сплошь покрытые отпечатками ромбического или овального, часто рубчатого внутри штампа (рис. 32, 1, 2). Такая посуда является наиболее ранней для деснинского неолита и может быть датирована концом III — началом II тыс. до н. э.⁷

Вторая группа керамики характерна для позднего неолита — эпохи бронзы. На сосудах, также со следами слабой штриховки на поверхности, наблюдается зональное расположение орнамента, в котором иногда комбинируются чередующиеся горизонтальные пояски, заполненные отпечатками ромбического и гребенчатого штампов. На внутренней хорошо видимой стороне широкого устья сосудов по краю также наносился орнамент. Преобладающим в этой группе керамики является орнамент из отпечатков гребенчатого штампа, встречаются орнаментация отступающим штампом, нарезка, следы вдавлений (рис. 32, 3, 5, 6, 8—9).

⁴ И. Г. Розенфельдт. Стоянка Мыс Очкинский. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 137.

⁵ И. Г. Розенфельдт. Стоянка Мыс..., рис. 47, 3; М. В. Воеводский. Указ. соч., рис. 6, 7.

⁶ М. В. Воеводский и А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 50; И. Г. Розенфельдт. Стоянка Мыс..., стр. 135; И. Г. Розенфельдт. К вопросу о связях..., стр. 94.

⁷ И. Г. Розенфельдт. К вопросу о связях..., стр. 95.

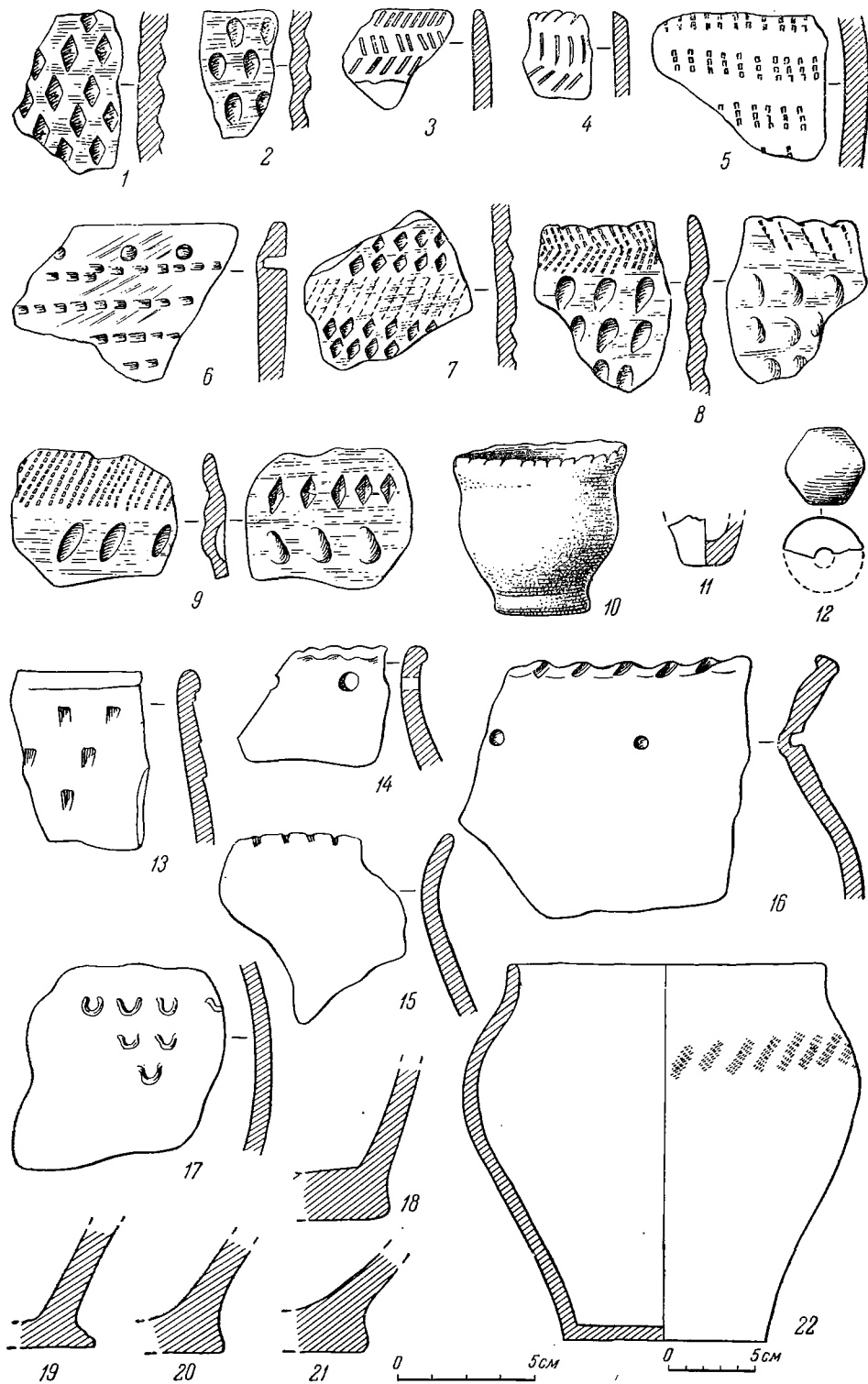

Рис. 32. Керамика

3, 5, 6, 8-21 — Островок 1; 7 — Островок 2; 4 — из насыпи кургана у дер. Бабинцы; 22 — урна с сожжением из кургана 1 у дер. Бабинцы

Третья группа керамики — юхновского типа (рис. 32, 13—21). Она характеризуется сосудами, вылепленными из теста с примесью крупной дресвы. Они плоскодонны, тулово профилировано, венчики отогнуты, края их часто оформлялись насечкой или защипами. Поверхность сосудов сглажена или замыта, нижняя часть стенок часто несет следы вертикального сглаживания. Орнамент располагается в верхней части — это ямки, тычки, пальцевые и ногтевые вдавления. Найдены обломки миниатюрных сосудов; один сосудик сохранился полностью (рис. 32, 10, 11). Этой группе посуды соответствуют находки керамических пряслиц (рис. 32, 12) и глиняных грузил юхновского типа с глубокими вдавлениями на поверхности.

Таким образом, анализ материалов со стоянки Островок 1 показывает, что это поселение многослойное.

Стоянка Островок 2 располагалась в 40—50 м на юго-запад от Островка 1. В разведывательных траншеях обнаружены кремневые изделия и керамика, аналогичные найденным на Островке 1 (рис. 31, 7; рис. 32, 7).

Были произведены разведки в районе с. Бабинцы Камарницкого района Брянской области. На Север от села на левом берегу р. Неруссы (между протоками) на незаливном лугу обследована курганная группа (три кургана — два больших, один маленький). Был раскопан один большой курган. В кургане на глубине 0,15 м был обнаружен горшок роменского типа с орнаментом из косо поставленных оттисков перевитой на палочке веревочки (рис. 32, 22). Он был до половины наполнен землей с пережженными костями, среди которых оказался оплавленный бронзовый предмет, по-видимому, бубенчик. Рядом с этим горшком найдены фрагменты второго, орнаментированного елочным узором из оттисков перевитой веревочки и также содержавшего пережженные кости. В насыпи кургана попадались кремневые изделия и посуда эпохи неолита, и бронзы (рис. 31, 11; 32, 4). Проведенные рядом контрольные траншеи, дав аналогичный материал, показали, что насыпь кургана была из слоя располагавшейся на этом месте неолитической стоянки.

Кроме стоянок экспедицией были обследованы несколько городищ юхновского типа: городище у хутора Николаевского близ ст. Брасово на берегу р. Неблочь; городище Зуевское близ выселок с. Зуева в верховьях ручья Зуева и городище в пойме р. Десны близ с. Палужья (у выселка Красное Городище) в Выгоничском районе Брянской области.

В. И. МАТЮШЕНКО

НОЖ ИЗ МОГИЛЬНИКА У ДЕРЕВНИ РОСТОВКИ

В 1966—1967 гг. экспедицией Томского университета и Омского пединститута проводились раскопки могильника у дер. Ростовки, которая находится на левом берегу р. Оми, впадающей в Иртыш. Могильник сейминско-турбинского времени (третья четверть II тыс. до н. э.), открытый здесь в 1965 г., содержал 30 могил и ряд интересных вещественных комплексов. Среди этих материалов особый интерес представляет бронзовый нож со скульптурным навершием, найденный в могиле 2. Могила была вскрыта на глубине 0,50 м от поверхности, в верхнем горизонте материка. Размеры ее 1,05×0,85 м. Ориентировка ССЗ—ЮЮВ. Вся могила была насыщена углями, земля обожжена. Мощность слоя угля 0,10 м. В могиле найдены каменная ножевидная пластинка и скребок, кристалл горного хрусталя, остатки ожерелья. Оно состояло из нефритовых бус бело-молочного и светло-зеленого цвета, бус из медных пластинок, свернутых трубочкой (медные бусы сохранили остатки кожаной ленты, на которую были наизаны все части ожерелья), плохо сохранившейся костяной бусины с нарезкой на поверхности и медной фигурки птицы. Сохранились остатки черепа и несколько зубов человека. Под остатками черепа был найден глубоко воткнутый в землю лезвием вниз бронзовый нож со скульптурно украшенным навершием (рис. 33, 34). Нож имеет дугообразно-обушковую форму (конец лезвия сломан). Рукоять ножа венчается навершием, украшенным скульптурной группой: фигурка лошади и лыжник с недоуздкой в руках, как бы сдерживающий лошадь. Фигура человека очень напряжена, полное впечатление, что он на огромной скорости мчится за лошадыю. Лошадь отлита в другой манере, в ее фигуре не чувствуется ни малейшего напряжения. Массивная голова и стоящая дыбом грива позволяют видеть в этом изображении лошадь Пржевальского. С левой стороны волосы гривы переданы поперечными валиками. Ноги лошади изображены схематично, ни передняя, ни задняя пары ног не разделены при литье. Справа к морде лошади прилегает недоуздок, а в области передней лопатки сохранился выступ металла. У человека согнуты в коленях широко расставленные ноги,

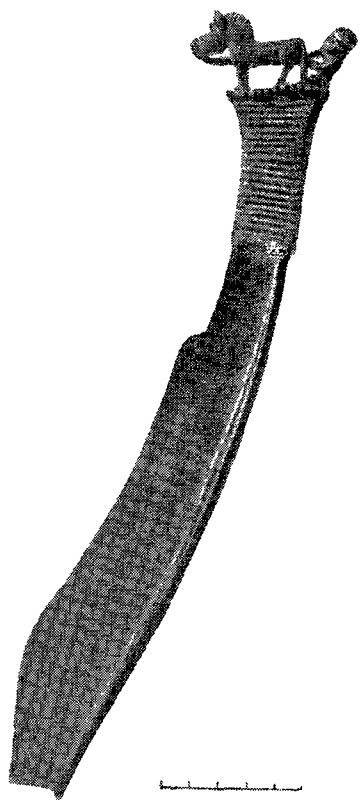

Рис. 33. Могильник у дер. Ростовка. Нож из могилы 2

Рис. 34. Могильник у дер. Ростовка. Деталь навершия ножа из могилы 2

руки вытянуты вперед, правая рука держит недоуздок. Детали кистей рук не изображены. Лыжи короткие, не больше половины человеческого роста, с загнутыми вверх носами. Фигура человека — легкая, с тонкой талией, одежда плотно облегающая (под ней видны выступающие лопатки). Слабым уступом намечен пояс. На человеке — легкая тюбетейка. Выступающие скулы, плоский нос воспроизводят явно монголоидный тип.

Эта скульптурная группа, выполненная во второй половине II тыс. до н. э., являет собой образец высокого мастерства и таланта древних металлургов, поднявшихся до настоящих вершин художественного творчества в литейном деле (в могильнике собрано большое число бронзовых изделий и литейных форм для их изготовления).

Лезвие и навершие ножа изготовлены отдельно. Навершие, как и у известного турбинского ножа¹, приварено к короткому черешку. Место сварки хорошо различимо. Даже без специальных исследований видно, что металл, из которого изготовлены клинок и навершие, различен. Можно думать, что фигурки навершия изготовлены были также отдельно, а затем уже составлена описанная композиция. Так, например, в некоторых местах фигурка лошади сохранила следы литейного шва, которого нет на фигурке человека; далее, правая рука, держащая недоуздок, соединяется с последним очень грубо; чувствуется, что они сварены были спе-

¹ О. Н. Ба д е р. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, рис. 113.

циально. Кроме того, выступ на правой лопатке очень небрежный, напоминает литник.

Описываемый нож очень напоминает нож из Турбинского могильника II, опубликованный О. Н. Бадером², и сейминский нож с двумя фигурами лошадей³. Различия незначительны. Литейная форма для ножей такого типа найдена в могильнике у дер. Ростовки (могила 21).

Изображение лошади широко распространено в художественном творчестве жителей Прииртышья в эпоху бронзы. Близки по стилю нашей головка лошади на каменном навершии, хранящемся в Омском краеведческом музее; фигурка лошади на каменном песте, хранящемся в музее истории материальной культуры при Томском университете⁴. Однако сюжеты с изображением человека в такой манере, как на Ростовкинском ноже, нам неизвестны. Можно отметить лишь отдаленное сходство с изображениями человека в памятниках окуневской культуры⁵.

В ближайших к Омску районах известны графические антропоморфные изображения (Самусь IV)⁶, но вряд ли их можно использовать для сопоставления с ростовкинской фигуркой. С того же поселения (Самусь IV)⁷ происходит каменная головка; в отличие от ростовкинской она имеет европеоидный облик.

---

² О. Н. Бадер. Указ. соч.

³ Д. Н. Эдинг. Разная скульптура Урала. «Труды ГИМ», вып. 10, 1940; В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в средней России. «Отчет исторического музея за 1914 г.», М., 1916.

⁴ П. П. Славин. Каменный жезл с головкой коня. КСИИМК, вып. XXV, 1949. П. П. Славин определяет дату этой находки предскифским временем (начало I тысячелетия до н. э.). Вряд ли можно согласиться с этим, скорее оно может быть датировано концом II тыс. до н. э.

⁵ Г. А. Максименков. Окуневская культура в Южной Сибири. «Новое в советской археологии. Сборник памяти С. В. Киселева». М., 1965, рис. 2, 1, 5.

⁶ В. И. Матюшенко. Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь IV. СА, 1961, № 4, рис. 1.

⁷ В. И. Матюшенко. Пыльце находки из низовьев р. Томи. КСИА, вып. 84, 1961, рис. 47, 5.

Г. И. С М И Р Н О В А

ПСАЛИИ ТИПА БОРИЯШ В КУЛЬТУРЕ НОА

При определении возраста памятников эпохи бронзы юга европейской части СССР и синхронизации их между собой исследователи нередко опираются на находки роговых и костяных псалиев, хронологическая изменчивость которых довольно убедительно показана сводными работами А. Можолитч и К. Ф. Смирнова¹. За период, прошедший со времени появления этих работ, существующие сводки древнейших роговых псалиев Средней и Восточной Европы дополнились новыми интересными находками, благодаря чему появилась возможность расширения и уточнения некоторых разделов типологической классификации этих деталей конской узды. Часть новых и старых (ранее не введенных в научный оборот) находок уже получила соответствующее место в типологической схеме ранних видов псалиев², место других еще надлежит определить. К числу последних относятся, например, псалии, найденные на поселениях культуры Ноа. Хотя некоторые из них уже опубликованы³, они еще не являлись предметом специального рассмотрения исследователей.

Заняться этим вопросом побудила нас новая находка рогового псалия на поселении Магала Черновицкой области. Псалий происходит из зольника культуры Ноа, исследованного на этом поселении в 1968 г. Найденный экземпляр представляет собой часть расколотого пополам и обломанного с одного конца псалия (рис. 35, 1). Длина его 7,8 см. Псалий имел форму изогнутого стержня с четырьмя отверстиями, расположенными в двух плоскостях: три отверстия (два овальных и между ними малое круглое) расположены в одном плане, четвертое овальное — перпендикулярно первым трем и пересекается срединным малым отверстием. Оба конца изделия украшены тонкогравированными параллельными линиями.

По схеме расположения отверстий псалий из Магалы аналогичен псалиям типа Борияш (по классификации А. Можолитч)⁴, а среди них —

¹ А. Mozsolics. Mors en bois de cerf sur le territoire du Bassin des Carpathes. AA, т. III, 1953; К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволско-Уральских степей. СА, 1961, № 1, стр. 46—72.

² А. И. Тереножкин. Бронзовый псалий с городища Кюзели-гыра в Хорезме. КСИЭ, вып. XXX, 1958, стр. 34—39; Z. Jelinkova. Kostene soucasti konskeho postroje v Sechacha na Morave. Acta Universitatis Carolinae. Philosophica et Historica, 3. Praha, 1959, стр. 183—192; А. Mozsolics. Die Herkunftsfrage der ältesten Hirschgeweihtrensen. ДАН, 12, 1960, стр. 124—135; А. М. Лесков. Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова. СА, 1964, № 1, стр. 299—303; В. Д. Рыбалова. Костяной псалий с поселения Каменка близ Керчи. СА, 1966, № 4, стр. 178—181.

³ А. Florescu. Contributii la cunoa terea culturii noua. Arheologia Moldovci, 1964, рис. 9, 6; он же. Sur les Problems du bronze tardif Carpato-Danubien et Nord-Ost Pontique. «Dacia», XI, нов. сер. Biciresti, 1967, рис. 10, 17; Е. А. Балагурі. Поселення культури Ноа біля с. Острівцеь Іваново-Франківської області. «Археологія», XXI, 1968, стр. 144—145, рис. 2, 5.

⁴ А. Mozsolics. Mors en bois de cerf... стр. 95—97.

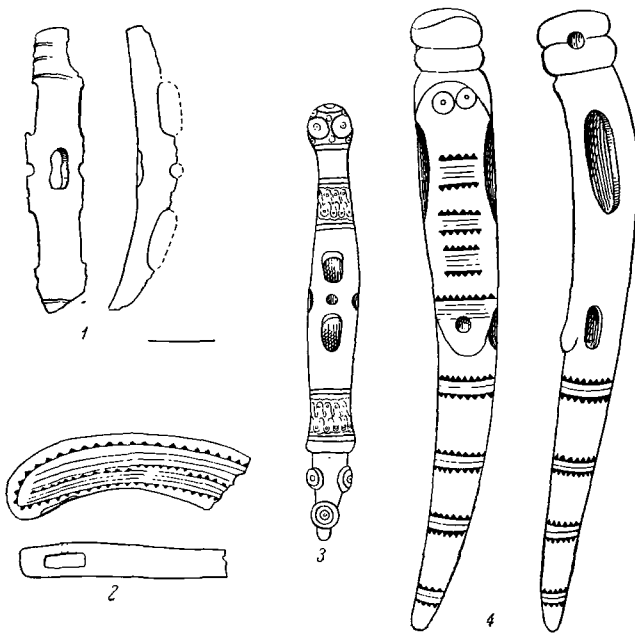

Рис. 35. Костяные псалии

1 — Марала; 2 — Чикаловка; 3 — Белза; 4 — Островец

псалиям из Будапешта-Ладьяманьош⁵, Белза⁶ (рис. 35, 3) и Бухареста (культура Тей)⁷. Их объединяет одинаковое расположение отверстий близко друг к другу в двух плоскостях и такая характерная для этой группы псалиев конструктивная деталь, как наличие малого отверстия, пересекающего овальное. Из-за плохой сохранности нашего псалия трудно судить о том, какой вид имел обломанный конец. Возможно, этот псалий, так же как большинство псалиев типа Борияш, заканчивался стилизованным изображением головы животного.

В своей сводной работе об архаических псалиях Карпатского бассейна А. Можолитч отнесла тип Борияш к раннему гальштату⁸. Вернувшись к той же теме вторично, она расширила круг псалиев этой группы, согласившись с А. И. Тереножкиным относительно принадлежности к типу Борияш псалия из Белза (Западная Украина) и I Сусканского поселения (Среднее Поволжье)⁹. В эту же группу она включила псалий, найденный под Бухарестом и отнесенный Д. Розетти к культуре Тей¹⁰.

В той же работе А. Можолитч попыталась уточнить возраст псалиев типа Борияш, определив время их бытования (с известной осторожностью) от конца III или IV периода бронзы до V периода бронзы (т. е. на конец В III или В IV — В V, по своей периодизации бронзового века Венгрии)¹¹. Если верхняя дата, предложенная А. Можолитч, не может вызывать возражений, так как два экземпляра псалиев этого типа происходят из клада Борияш¹², датированного ею НА, по П. Рейнке (со-

⁵ Там же, стр. 95—96, рис. 36.

⁶ T. Sulimirski. Die thrako-kimmerische Periode in Sudostpolen. WPZ, XXV, 1938, стр. 143, рис. 7.

⁷ Dinu V. Rosetti. Civilization tip București. București, 1936, табл. XV, 88.

⁸ A. Mozsolics. Mors en bois de cerf..., стр. 97.

⁹ A. Mozsolics. Die Herkunftsfrage..., стр. 129—130.

¹⁰ Там же, стр. 132.

¹¹ Там же.

¹² J. Reizner. Közlemények a Szeged városi múzeumból. AE. 1899, XIX, стр. 190, табл. III.

ответственно в V, по А. Можолич), то для нижней хронологической границы с учетом новых открытий можно внести некоторые коррективы.

Для А. Можолич одним из доказательств раннего возраста псалиев типа Борияш является находка такого псалия под Бухарестом в поселении (?) культуры Тей, которая, по ее мнению, не может быть датирована временем позже периода В III¹³. По новым данным, последние фазы развития культуры Тей выходят за рамки периода В III и синхронны культуре Ноа¹⁴. Но, к сожалению, трудно сказать, к какому из этапов развития этой культуры относится вышеназванный псалий, так как обстоятельство его находки неизвестны. Принимая во внимание все сказанное, псалий из Бухареста в настоящее время не может быть использован при решении вопроса о времени существования псалиев типа Борияш.

О хронологической близости псалиев типа Тосег и Борияш свидетельствует, по мнению А. Можолич, сходство их орнаментации¹⁵. Оба орнаментированных экземпляра (Белз и Будапешт-Ладьяманьош), известные А. Можолич, — случайного происхождения, поэтому она не смогла их связать с определенной археологической культурой, проверив тем самым их возраст на более широком материале.

В последние годы появились новые находки орнаментированных роговых псалиев, которые, по нашему мнению, следует отнести к типу Борияш или считать их его вариантом. Все эти детали конской узды обнаружены на поселениях культуры Ноа и синхронной ей сабатиновской (ранняя фаза), датированных большинством исследователей временем не ранее XIII в. н. э.¹⁶, а по нашему мнению, временем не ранее периода В IV (по А. Можолич)¹⁷.

Имеются в виду в первую очередь псалии из Гырбовэца (поселение ранней фазы культуры Ноа в Южной Молдове). Фотография не дает представления о том, имелось ли на одном из них поперечное отверстие, пересекаемое круглым, но по оформлению конца в виде стилизованной головы животного он повторяет псалии типа Борияш¹⁸. Орнамент его состоит из полосок зубчатого и линейного узоров.

Второй неопубликованный псалий из Гырбовэца по системе расположения отверстий аналогичен псалиям типа Борияш¹⁹.

Вызывает интерес роговой псалий с поселения культуры Ноа у с. Островец (Западная Украина)²⁰. Расположение отверстий у него несколько иное, чем на псалиях типа Борияш: три отверстия — два овальных и с краю малое круглое — в одном плане, четвертое — малое круглое, пересекающее овальное, — в другой плоскости (рис. 35, 4). Он сближается с ними по такому характерному признаку, как наличие пересекающихся отверстий. Островецкий экземпляр богато орнаментирован рядами

¹³ A. Mozsolics. Die Herkunftsfrage... стр. 132.

¹⁴ V. Leahu. Cultura Tei. București, 1966, стр. 163—168; A. Florescu. Sur les Problèmes... стр. 66—68.

¹⁵ A. Mozsolics. Die Herkunftsfrage... стр. 132.

¹⁶ М. Петреску-Дымбовица. Конец бронзового и начало железного века в Молдове в свете последних археологических раскопок. «Dacia» IV, нов. сер., București, 1960, стр. 139 и сл.; А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, № 1, стр. 63—72; Е. А. Балагурі. Про хронологічні рамки пам'яток пізньобронзової доби в с. Острівець. Івано-Франківської області. «Тези доповідей та повідомлення до XIX наукової конференції». Ужгород, 1965, стр. 43—47; И. Н. Шарафутдинова. К вопросу о сабатиновской культуре. СА, 1968, № 3, стр. 30—31.

¹⁷ Г. И. Смирнова. Поселение Магала — памятник древнефранкской культуры в Прикарпатье (вторая половина XIII—середина VII в. до н. э.). Сб. «Древние фракциды в Северном Причерноморье». М., 1968, стр. 32—33.

¹⁸ A. Florescu. Sur les Problemes... стр. 10, 17.

¹⁹ Рисунок псалия любезно предоставил нам А. Флореску.

²⁰ Е. А. Балагурі. Поселення... стр. 144—145, рис. 2, 5 (описание псалия автором дано не точно).

зубчатого резного узора и двумя концентрическими кружками с точкой в центре.

Аналогичный зубчатый узор, расположенный, правда, не поперек, как в Гырбвэце и Островце, а вдоль изделия, имеется на обломке псаля из Чикаловского поселения, относимого к ранней фазе сабаатиновской культуры²¹. В отличие от автора публикации, мы не можем говорить об одноплановом расположении отверстий на нем, так как кроме прямоугольного отверстия он снабжен несвязным круглым, соединяющимся с одной стороны с прямоугольным (рис. 35, 2).

Как уже отмечалось выше, наличие пересекающихся отверстий — особенность псаляев типа Борияш. Эта конструктивная деталь не свойственна псалям типа Тосег и вместе с тем редко встречается на псалях других типов²². Это дает основания включить псаля из Островца и Чикаловки в группу псаляев типа Борияш, считая их одним из вариантов этого типа²³.

Узор на псалях из новых находок на поселениях культур Ноа и сабаатиновской тождествен орнаменту на псалях типа Тосег²⁴. Тем не менее это сходство не может служить основанием для их хронологического сближения, так как культуры, к которым они относятся, не считаются синхронными. По всей вероятности, орнаментация на древнейших псалях Средней и Восточной Европы изменялась значительно медленнее, чем их конструкция, из чего можно сделать вывод, что без учета других признаков орнамент не может являться решающим при определении возраста ранних роговых псаляев.

Исходя из определенной связи псаляев типа Борияш с культурами Ноа, сабаатиновской и позднесрубной, следует считать, что их возраст совпадает со временем существования этих культур или отдельных памятников тех же культур. К сожалению, единства мнений по вопросам абсолютной хронологии вышеперечисленных культур пока не достигнуто. Если опираться на средневропейские параллели в материалах рассматриваемых культур, выступающие в первую очередь в металле, то время культуры Ноа и сабаатиновской в основном соответствует либо периодам В IV, В V бронзового века Венгрии либо периодам ВД и НА, по П. Рейнеке и Х. Мюллеру-Карпе²⁵.

Приблизительно тем же временем (XIII—XI вв. до н. э.) датируется в последних работах I Сусканское поселение, откуда происходит псаляй типа Борияш²⁶. А. Можолитч воздержалась от хронологического сопоставления этого псаля с венгерскими. А. И. Тереножкин датирует его периодами ВД—НА, сопоставляя с металлическим псаляем Воршах в Авст-

²¹ I. M. Шарфутдинова. Поселения эпохи поздней бронзы поблизу Кременчука. «Археология», т. XVII, 1964, стр. 168, рис. 6, 7; И. Н. Шарфутдинова. К вопросу... стр. 30, рис. 3, 50 (на рисунках имеется неточность — не указано поперечное отверстие).

²² A. M o z s o l i c s. Die Herkunftsfrage... стр. 129; К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 64—65.

²³ К этому варианту следует также отнести костяной псаляй, найденный В. Д. Бараном в комплексе культуры Ноа на поселении у с. Бовшев II Ивано-Франковской области. По системе расположения отверстий и по характеру орнаментации он повторяет псаляй из Островца. Хранится в фондах Института общественных наук г. Львова.

²⁴ A. M o z s o l i c s. Mors en bois de cerf... рис. 13—15.

²⁵ М. Петреску-Дымбовица. Указ. соч., стр. 151—157; А. И. Тереножкин. Основы хронологии... стр. 68—69; Е. А. Балагурі. Про хронологічні рамки... стр. 43—47; В. А. Сафронов. Некоторые вопросы хронологии средне-бронзового века Восточной Европы. «Доклады и сообщения археологов СССР. VII Международный конгресс доисториков и протонисториков». М., 1966, стр. 188—190; А. Florescu. Sur les problemes... стр. 75—94. Г. И. Смирнова. Поселение Магала... стр. 32—33.

²⁶ А. И. Тереножкин. Основы хронологии... стр. 72.

рии, входящим в серию старейших бронзовых псалиев Центральной Европы²⁷.

Центральноевропейские параллели позволяют также проверить возраст псалия из Островца и ему подобных, отнесенных нами к варианту типа Борияш. Эти псалии системой расположения отверстий сходны с косяным псалием из поселения велатицкой культуры в Ловчичках (Моравия), относимого И. Жиховским к периоду НА₁—НА₂ (по Х. Мюллеру-Карпе)²⁸. Псалий из Ловчичек снабжен четырьмя отверстиями — три (прямоугольные посередине, два малых круглых по краям) в одном плане, четвертое — овальное, пересекаемое одним из круглых, — в другом²⁹.

Синхронизируя псалии типа Борияш с культурами Ноа и сабадиновской (сабадиновским этапом), мы считаем, что определение их абсолютного возраста зависит от дальнейшей разработки общих вопросов периодизации культур эпохи бронзы юга Восточной Европы и Карпатского бассейна, и в первую очередь от выделения надежных критериев для совмещения ныне существующих хронологических систем. К сожалению, ограниченные рамки данной статьи не позволяют остановиться на затронутых вопросах более подробно.

---

²⁷ A. Mozsilics. Die Herkunftsfrage... , стр. 132.

²⁸ А. И. Тереножкин. Основы хронологии... , стр. 70—72.

²⁹ J. Rihovský. K poznání sídlišních forem v kultuře stredodunajadkych popelnicových poli. «Acta musei Moraviae», LI, 1966, стр. 70, рис. 20, 13.

Х. И. КРИС

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ФОРМЫ КЕРАМИКИ ИЗ ПОСЕЛЕНИЙ КИЗИЛ-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Фрагментарность керамического материала, получаемого при раскопках поселений, бывает причиной больших затруднений, с которыми мы сталкиваемся при изучении памятника, особенно в тех случаях, когда керамика является основным источником. Эта трудность возникла и при изучении керамики кизил-кобинских поселений, культурный слой которых часто перепахан. Сравнительно большое количество фрагментов керамики, полученных при раскопках и разведках поселений, позволяло говорить о характере обработки, деталях формы и орнаменте, но лишь в редких случаях о форме в целом, что крайне затрудняло работу по классификации и типологии керамического материала. Дошедшие до нас целые или реставрированные сосуды из Ашлама, Кизил-Кобы, Симферопольского, поселения, особенно из полностью раскопанного поселения Уч-Баш, культурный слой которого был потревожен значительно меньше, чем на других поселениях, позволили определить некоторые закономерности в пропорциях сосудов и графически реконструировать значительную часть керамики из поселений кизил-кобинской культуры.

На основании выявленных закономерностей в расположении максимального диаметра сосуда по отношению к высоте и в соотношении величины максимального диаметра и высоты оказалось возможным реконструировать ряд форм, которые пополняют наши представления о керамике кизил-кобинских поселений.

В настоящей заметке мы коснемся трех форм лощеной керамики, бытовавших на обоих этапах кизил-кобинской культуры и претерпевших некоторые изменения.

Из раскопок Инкерманского и особенно Симферопольского поселений происходит группа фрагментов крупных лощеных сосудов с четко выраженным плечом и высоким, постепенно сужающимся кверху горлом. Они орнаментированы вертикальными или наклонными прочерченными параллельными линиями или заштрихованными треугольниками и горизонтальным поясом из ямок, насечек или отпечатков зубчатого штампа. Эти фрагменты не соответствовали ни одной из известных форм крупных реставрированных лощеных сосудов, но по характеру профиля идентичны целому сосуду средних размеров из поселения Уч-Баш¹. Последний не имеет орнамента, но у него еще более четко выражено плечо. На фрагментах этой группы из поселений первого этапа, например в Ашлеме, плечо подчеркнуто уступчиком или широкой бороздкой (рис. 36, 1), выступом-ручкой или поясом из ямок. На поселениях, керамике которых свойственны черты первого и второго этапов (Ени-Сала II), рельефный орнамент-выступ сочетается с тройными параллельными линиями, образующими пояс зигзага. На сосудах с поселений второго этапа этой группы нет четкой границы между горловиной и плечом, она подчеркнута гори-

¹ Фонды Государственного Херсонского музея, 22/36027.

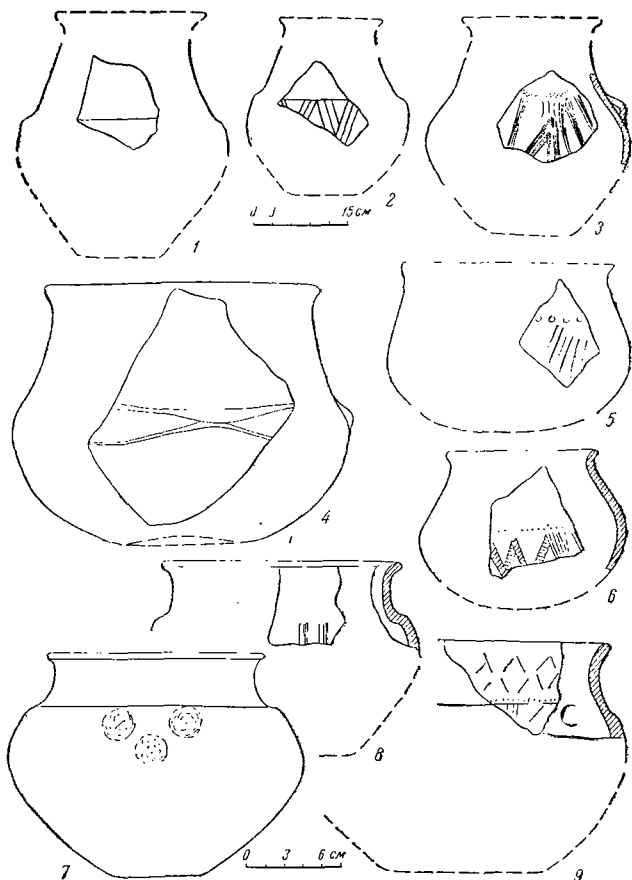

Рис. 36. Сосуды из поселений кизил-кобинской культуры
 1, 7 — Ашлама; 2 — Симферопольское; 3, 6 — Инкерманское; 4, 8 —
 Кизил-Коба; 5 — Озерное; 9 — Нейзац

зонхальным поясом (иногда двойным) ямок (Нейзац) или наклонных отпечатков четырехзубчатого штампа, от которого вниз этим же штампом прочерчены полосы (Инкерман, рис. 36, 3).

Происходя из поселений обоих этапов кизил-кобинской культуры, сосуды этой группы позволяют проследить некоторые изменения в формах и орнаменте, которые претерпевает керамика кизил-кобинской культуры на протяжении ее развития. Резкая грань между плечом и горлом, характерная для многих керамических форм поселений первого этапа, исчезает на втором этапе, уступая место орнаментальному поясу, подчеркивающему линию плеча. Претерпевая изменения в форме и орнаментации, сосуды этой группы представляют собой одну из форм, свидетельствующих о генетической связи между керамикой первого и второго этапов кизил-кобинской культуры.

Ко второй группе сосудов относятся сосуды крупных, средних и малых размеров с уплощенно-шаровидным туловом и высоким коническим горлом. Фрагмент сосуда средних размеров этой группы происходит из Кизил-Кобы, он сохранил почти полный профиль (рис. 36, 4) с рельефным орнаментом в виде утолщений и валиков на плече сосуда². Второй фрагмент из Кизил-Кобы принадлежит подоб-

² Фонды Областного Симферопольского музея. Инв. № А 1762.

ному сосуду еще больших размеров с рельефными выступами на плече и зигзагообразным рельефным валиком³. Сосуды подобного профиля меньших размеров известны из раскопок 1964 г. поселений Озерного⁴ и Инкерманского⁵. Первый из них — с хорошим черным лощением на внешней поверхности — орнаментирован горизонтальным поясом ямок, определяющим границу между горлом и туловом, которая в профиле сосуда не выражена, вертикальными и слегка наклонными линиями (рис. 36, 5). Сосуд из Инкермана орнаментирован поясом из точек по плечу, от которого вниз спускаются заштрихованные треугольники, чередующиеся с двойной заштрихованной зигзагообразной линией (рис. 36, 6). Поверхность этого сосуда, в отличие от всех остальных сосудов этой группы, хорошо сглажена, но не имеет лощения. Рассмотренные сосуды, происходящие из поселений обоих этапов, свидетельствуют о длительном бытовании этого типа сосудов и позволяют говорить о генетической связи керамики первого и второго этапов кизил-кобинской культуры.

Одновременно, как и в первом описанном типе сосудов, удается проследить развитие орнамента и замену рельефного, характерного для первого этапа, резным, характерным для керамики второго этапа. Последний из описанных сосудов второй группы, лишенный лощения, позволяет говорить о том, что в конце второго этапа лощение сосудов является менее распространенным явлением, чем на первом этапе или в начале второго этапа.

Третий рассматриваемый тип сосудов принадлежит к широкогорлым уплощенным горшкам с высокой дуговидной шейкой. Большинство известных нам сосудов этого типа происходит из поселений первого этапа кизил-кобинской культуры: Ашлам, Кизил-Кобы, Ени-Сала II. В Ашламе найден целый сосуд с четким ребром в месте перехода от шейки к плечу и следами дисковидных палепов на плече сосуда (рис. 36, 7); в Кизил-Кобе — два вертикальных валика, спускающихся от плеча вниз (рис. 36, 8); в Ени-Сале II — отогнутые и расходящиеся в разные стороны концы горизонтального валика, опоясывающего плечо (так называемые «усы»). Единственный обломок венчика сосуда этого типа найден на поселении второго этапа — Нейзаце. Четко выделенное плечо сосуда дополнительно подчеркнуто горизонтальным пояском из отпечатков четырехзубчатого штампа; вниз от него спускаются вертикальные полосы, прочерченные тем же штампом; на шейке сосуда — ромбы, возможно образующие пояс (рис. 36, 9) Сочетание таких черт, как четко выделенная граница шейки и плеча, характерная для сосудов конца первого этапа, и горизонтальный пояс орнамента по плечу, характерный для второго этапа, позволяет думать, что сосуд из поселения Нейзац следует относить к наиболее ранним сосудам этого поселения, к самому началу второго этапа. Сосуд из Нейзаца отличается от остальных сосудов этой группы отсутствием лощения на внешней поверхности, в то время как на сосудах из поселений первого этапа — тщательное лощение. Такое сочетание признаков в форме и отделке позволяет говорить о том, что на втором этапе кизил-кобинской культуры, как это наблюдается и на ряде других примеров, лощение, и тем более тщательное, перестает быть характерной чертой кизил-кобинской керамики. Описанный третий тип сосудов, как и два предыдущих, свидетельствует об определенной тенденции в развитии орнамента и обработке поверхности сосудов, о генетической связи керамики поселений первого и второго этапов кизил-кобинской культуры, которые датируются соответственно VIII—VII и VI—V вв. до н. э.

³ Фонды Областного Симферопольского музея. Инв. № А 1746.

⁴ Фонды Бахчисарайского музея.

⁵ Фонды Бахчисарайского музея. Инв. № 5636.

В. И. КОЗЕНКОВА

ПОГРЕБЕНИЕ ВОЕНАЧАЛЬНИКА
ИЗ СЕРЖЕНЬ-ЮРТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В 1965—1967 гг. второй отряд Северо-Кавказской археологической экспедиции производил раскопки древнего грунтового могильника близ поселения Сержень-Юрт, относящегося к восточному варианту кобанской культуры¹. Близость в материальной культуре позволяет рассматривать оба памятника как единый культурно-исторический комплекс.

Среди погребений могильника большой интерес представляет погребение 24 (раскопки 1967 г.). Оно обнаружено на глубине 1,1 м и принадлежало мужчине в нарядном костюме со всеми боевыми атрибутами воина. Воин был захоронен в яме, контуры которой в силу условий грунта проследить не удалось. На дне сохранились остатки древесной подстилки, на которой в скорченном положении, головой на юго-восток, на левом боку помещался погребенный (рис. 37). Правая рука была слегка согнута на груди, а левая вытянута вдоль туловища. В области шеи и затылка лежало ожерелье в виде тонкой бронзовой спирали (рис. 37, 2). Такая же спираль обвивала правую руку у плеча. Через правое плечо была перекинута, видимо, кожаная перевязь-портупей, расшитая желтыми стеклянными бусами и бисером и украшенная 12 тонкими бронзовыми, слегка выпуклыми бляхами (рис. 37, 5; рис. 38, 4). На правом бедре лежал плоский бронзовый кинжал с тремя отверстиями и гвоздиками для крепления деревянной рукоятки (рис. 37, 9; рис. 38, 2). От кинжала к поясу тянулась тонкая спираль для подвешивания ножен. Судя по скоплению желтых бус около кинжала и спирали, ножны, так же как и перевязь, имели орнаментальную отделку. На шее погребенного сохранились остатки еще одного ожерелья из крупных цилиндрических бус бледно-желтого цвета с коричневыми и черными выпуклыми глазками (рис. 38, 3). В ожерелье выделяется крупная литая бронзовая бусина, имитирующая стеклянные глазчатые. Довершал убранство покойника бронзовый пластинчатый браслет с рельефными ребрами на внешней стороне (рис. 37, 1; рис. 38, 7). За спиной погребенного, на уровне пояса обнаружены железный черешковый нож и оселок, видимо когда-то хранившиеся в одном мешочке (рис. 37, 6, 7; рис. 38, 5, 6). Перед лицом было положено копьё, от которого сохранился железный наконечник с длинной втулкой и узким пером (рис. 37, 8; рис. 38, 1). Рядом с наконечником расчищен развал трех сосудов. Один из них был баночной формы, два других — биконической. На одном обломке биконического сосуда был узор в виде рельефной налепной змейки.

Керамика и некоторые предметы (бронзовые спирали, браслет, железный нож, оселок, глазчатые бусы) могут быть прямо сопоставлены с материалами Сержень-Юртовского поселения первой половины I тыс.

¹ В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения (по раскопкам 1964 г.). КСИА, вып. 106, 1966, стр. 81—87.

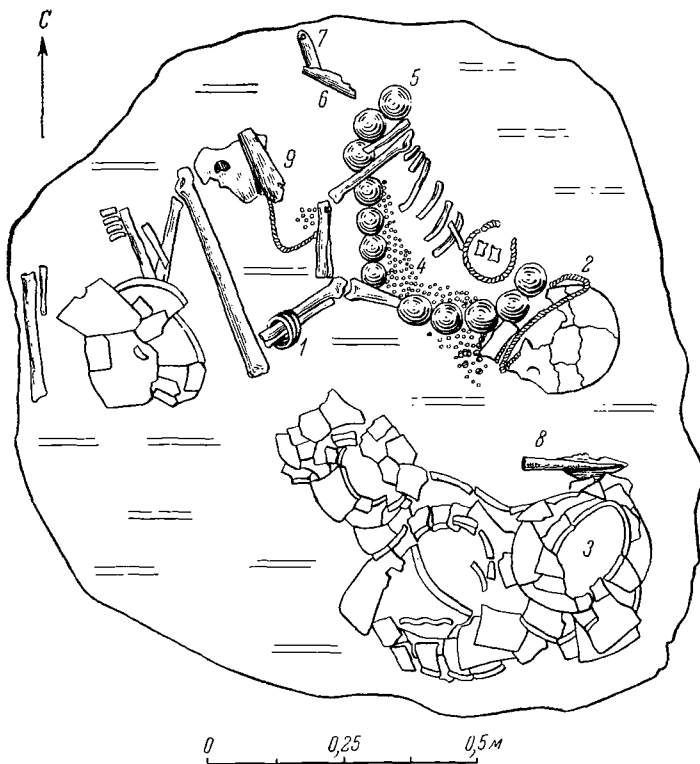

Рис. 37. Могильник Саржень-Юрт. Погребение восначальника.
План

1 — бронзовый браслет; 2 — бронзовая спиралька; 3 — развал керамики;
4 — бусы; 5 — бронзовые бляхи; 6 — железный нож; 7 — оселок; 8 — железное копьё; 9 — бронзовый кинжал

до н. э. Для уточнения датировки большой интерес представляют найденные в погребении предметы вооружения. Плоский бронзовый кинжал, весьма архаичный по форме, находит аналогии в памятниках Кавказа конца II и рубежа II—I тыс. до н. э. (Самтавро, Мцхета, Тли, В. Рутха)². Самой поздней их датой считался VIII в. до н. э.³ Железные наконечники копий, близкие к наконечнику из погребения 24, характерны для памятников VII—VI вв. до н. э. (Тлийский, Самтаврский и Куланурхвский могильники)⁴. Такое сочетание архаичных кинжалов с железными копьями встречено не только в погребении 24, но и в других могилах, что доказывает более длительное бытование бронзовых плоских кинжалов, чем это предполагалось до сих пор. Датировать погребение 24, видимо, следует VII в. до н. э., поскольку к середине VI в. для могильников Северо-Восточного Кавказа характерно железное

² Р. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженного на Самтаврском могильнике. «Вестник Гос. музея Грузии», XIX—В, 1957, табл. I, стр. 230; Т. П. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, стр. 74, 75; Б. В. Техов. Раскопки Тлийского могильника в 1960 г. СА, 1963, № 1, стр. 168; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 428, табл. VI, 3, табл. X, 1; В. А. Сафронов. О датировке Рутхинского погребального комплекса северокавказской культуры. КСИА, вып. 108, 1966, стр. 24, рис. 8, 16; стр. 29.

³ Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 237.

⁴ Б. В. Техов. Указ. соч., стр. 170, рис. VI, 1; Б. А. Куфтин. Раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, табл. XXI, XXV; М. М. Трапш. Памятники кохидской и скифской культуры в сел. Куланурхва. Сухуми, 1962, табл. XVI.

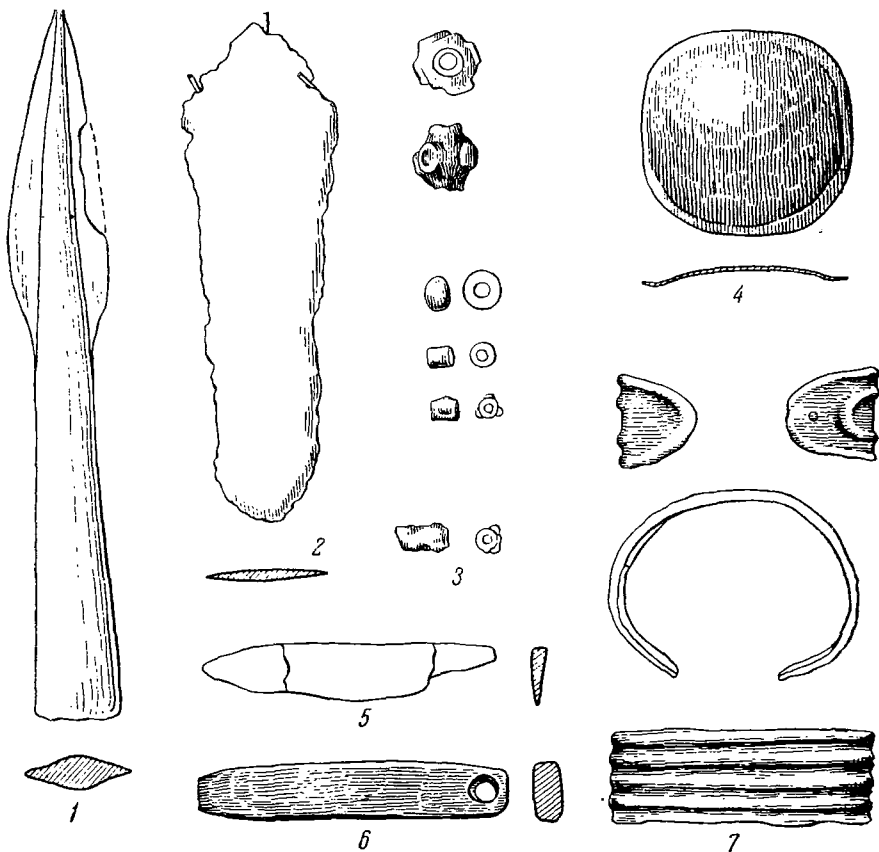

Рис. 38. Могильник Сержень-Юрт. Погребение военачальника. Инвентарь

оружие скифского типа. Предложенную дату подтверждает и обычай ношения перевязи портупеи, который, хотя нигде не встречен в погребениях, хорошо известен по изображениям ассиро-урартского времени⁵. Такие изображения имеются и в Луристане в период IX—VIII вв. до н. э.⁶ Материалы из погребения 24 позволяют не только реконструировать боевой костюм древнего воина из Сержень-Юртовского поселения, но и дополняют наши представления о жизни и обычаях населения предгорий Чечни в первой половине I тыс. до н. э. В настоящее время можно достаточно обоснованно говорить о существовании в указанный период железного оружия. Отсутствие его в это время в слое поселения скорее всего объясняется тем, что оно было закавказского, импортного происхождения. Красочный костюм, дорогостоящее, первоклассное по тем временам оружие и особенно пышная перевязь погребенного заставляют видеть в нем не рядового воина-общинника, а скорее всего военачальника одного из родов.

⁵ Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту. Л., 1962, табл. III, XIII, рис. 20.

⁶ R. Ghirshman. Perse Proto-iraniens, Mèdes, Achéménides. Paris, 1963.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП	— Археологічні пам'ятки
АС	— Археологический съезд
ВДИ	— Вестник древней истории
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ЗОАО	— Записки Одесского археологического общества
ЗОРСА РАО	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИА	— Институт археологии АН СССР
ИГЛАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
РАИМК	— Российская академия истории материальной культуры
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография
AA	— Acta archaeologica
AE	— Archaeologia Ertesito
AJA	— American Journal of Archaeology
Ar. Or.	— Archiv Orientalni
AS	— Anatolian Studies
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua
JCS	— Journal of Cuneiform Studies
SCIV	— Studii si cercetari de Istorie Veche
SMYA	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja

СОДЕРЖАНИЕ

Научная деятельность Т. С. Пассек 3

І. Доклады и дискуссии

<i>Т. А. Попова.</i> Зооморфная пластика трипольского поселения Поливанов Яр	8
<i>Н. В. Рындина.</i> Медный импорт эпохи развитого триполья	15
<i>Е. Н. Черных.</i> О древнейших очагах металлообработки юго-запада СССР	23
<i>В. С. Титов.</i> К вопросу о соотношении этно-лингвистических слоев и культурно-исторических общностей на юге Балканского полуострова	32
<i>Ю. А. Краснов.</i> Об одной группе роговых и деревянных орудий эпохи неолита и бронзы	42
<i>А. А. Формозов.</i> Эпический сюжет в причерноморском искусстве бронзового века	48
<i>Э. С. Шарифутдинова.</i> К вопросу о топографии поселений типа Кобяково на Нижнем Дону	51

ІІ. Полевые и лабораторные исследования

<i>В. И. Маркевич.</i> Многослойное поселение Новые Русешты I	56
<i>А. П. Кусургашева.</i> Антропоморфная пластика из поселения Новые Русешты I	69
<i>Е. К. Черныш.</i> Трипольское поселение Сороки-Озеро	77
<i>Т. Г. Мовша.</i> Позднетрипольское поселение в с. Жванець	84
<i>И. И. Артеменко.</i> Новый могильник среднеднепровской культуры в Верхнем Приднепровье	94
<i>И. Г. Розенфельдт.</i> Из неопубликованных материалов разведок Т. С. Пассек и Б. А. Латынина на р. Черуссе	98
<i>В. И. Матюшенко.</i> Нож из могильника у деревни Ростовки	103
<i>Г. И. Смирнова.</i> Псалли типа Борьяш в культуре Ноа	106
<i>Х. И. Крис.</i> Некоторые новые формы керамики из поселений кизил-кобинской культуры	111
<i>В. И. Козенкова.</i> Погребение военачальника из Сержень-Юртовского могильника	114

Памятники эпохи
энеолита и бронзы

КСИА, № 123

*Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом Археологии
Академии наук СССР*

Редактор Н. Н. Терехова

Редактор издательства Г. В. Моисеенко

Технические редакторы Л. И. Куприянова и Т. В. Алексеев.

Сдано в набор 17/II 1970 г. Подписано к печати 5/VIII 1970 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Бумага № 2. Ус.-печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 9,4.
Тираж 1700. Т-11226. Тип. зак. 796. Цена 63 коп.

Издательство „Наука“

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства „Наука“

Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12